

**Департамент по делам коренных
малочисленных народов Севера
Ямало-Ненецкого автономного округа**

Ю.Н. КВАШНИН

**НЕНЕЦКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО
В XX-НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

**Тюмень-Салехард
2009**

УДК 39
ББК 63.5
К

Ответственный редактор: д.и.н. А.Н. Багашев
Рецензенты: д.и.н. З.П. Соколова, д.и.н. В.В. Карлов

ISBN 978-5-903644-13-1

Квашнин Ю.Н. Ненецкое оленеводство в XX-начале XXI века.
Рекламно-издательская фирма «Колесо». Салехард-Тюмень, 2009. –
168 с. + иллюстр.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-01-93234а/К и Президиума РАН в рамках программы фундаментальных исследований «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Книга издана при финансовой поддержке департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО

Настоящая книга посвящена оленеводству сибирских тундровых и лесных ненцев. В ней рассказывается о становлении ненецкого оленеводства в Западной Сибири, об оленеводстве как образе жизни ненцев Ямала и Таймыра, об особенностях развития оленеводческой культуры на Ямале, в низовьях рек Надыма и Ныды, у лесных ненцев Пуровского р-на, на Гыданском п-ове и в низовьях Енисея, об экономических и экологических проблемах, остро стоящих на территориях традиционного природопользования ненцев. Книга предназначена как для специалистов в области истории и этнографии народов Севера и Сибири, так и для широкого круга читателей.

© Департамент по делам КМНС ЯНАО, 2009
© Квашнин Ю.Н. (текст, иллюстрации), 2009

*Светлой памяти моего учителя
Юрия Борисовича Симченко
посвящаю*

ОТ АВТОРА

Оленеводство коренных малочисленных народов, населяющих бескрайние просторы Российского Севера и Сибири, является сегодня уникальной отраслью сельского хозяйства нашей страны. Оно не столько приносит экономическую прибыль, сколько позволяет северным этносам сохранять самобытную культуру, истоки которой уходят в далёкое прошлое.

На сегодняшний день в России, в большей или меньшей степени, занимаются оленеводством саамы, ненцы, ханты, манси, селькупы, коми-ижемцы, энцы, долганы, эвенки, эвены, чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы, ительмены, северные якуты, тувинцы-тоджинцы, тофалары, ороки. Оленеводство подразделяется на тундровое и таежное, имеет многообразные формы и методы, зависящие как от особенностей ландшафта и климата, так и от особенностей культуры народов, проживающих на конкретных территориях.

Ненецкое оленеводство имеет свою историю формирования. На протяжении веков оно прошло долгий путь от вьючно-верхового таежного до крупностадного тундрового с использованием упряжек. По мере развития оленеводство ненцев становилось все более экономически выгодным, что привлекало соседей – рыболовов и охотников, перенимавших способы ведения оленеводческого хозяйства. Постоянно приспособляясь к часто менявшейся социально-экономической и политической обстановке в России, ненецкое оленеводство дожило до настоящего времени почти в неизменном виде. Сейчас оно переживает не лучшие времена, но при разумном подходе к ведению хозяйства у оленеводства есть хорошие перспективы стать основой устойчивого экономического развития регионов населенных ненцами.

Интерес к народам, запрягающим в сани оленей и живущих только охотами, возникал уже у русских промышленников и иностранцев, высаживавшихся на берега Баренцева и Карского морей начиная с XV в. [Титов 1890; Алексеев 1941]. Первые подробные описания оленеводства ненцев появились в конце XVIII в. [Зуев

1947: 85-91]. Различные вопросы оленеводческого быта ненцев и коми-ижемцев исследовали ученые и путешественники XIX-начала XX в. [Иславин 1847; Шренк 1855; Кушелевский 1868; Третьяков 1871; Бартенев 1896; Дунин-Горкавич 1995, 1996а, 1996б; Житков 1913 и др.]. Планомерное изучение истории ненецкого оленеводства и его значения для жизни коренного населения Ямала и Таймыра началось со второй половины XX в. [Василевич, Левин 1951; Вайнштейн 1970, 1971; Симченко 1976; Васильев 1963; Крупник 1976, 1989; 1979; Сыроечковский 1986; Козьмин 1981, 1990; Головнев 1994 и др.]. Интерес к оленеводству вообще и, к ненецкому в частности, не ослабевает у исследователей разных областей знания до сих пор [Мухачев и др. 2001; Оленеводческое 2004; Ненцы Ямала 2005; Квашнин 2005 и др].

Накопленный к 1960-м гг. этнографический материал позволил некоторым исследователям сделать вывод о том, что «все группы тундровых ненцев, начиная с живущих на п-ове Канин и кончая живущими по берегам Енисея (за небольшими исключениями), однородны по типу хозяйства, в котором ведущей отраслью является оленеводство, и основным элементам культуры» [Хомич 1966: 327]. Возможно, что в 1960-е гг. культурные и хозяйственные различия у ненцев разных районов были еще не так заметны, как в начале XXI в., поэтому и сформировалось подобное мнение. Можно сказать, что оленеводство и связанные с ним этнические, культурные и хозяйственные процессы в разных районах проживания ненцев на протяжении многих лет развивались не одинаково, и имеют сегодня ряд отличий.

По оленеводству ненцев написано немало статей и монографий учеными различных областей науки – этнографами, этноэкологами, культурологами, специалистами сельского хозяйства. Книга, предлагаемая вниманию читателей, не претендует на новизну и оригинальность. Она не содержит статистического материала и таблиц, в ней нет культурологического анализа взаимосвязей оленеводства с жизненным циклом ненцев. Её основу составляют полевые наблюдения, собранные в разные годы в этнографических экспедициях в Тазовский (1993, 1994, 1995, 1996, 1998 гг.), Надымский (1996, 2002 гг.), Приуральский (2004 г.), Ямальский (2001, 2004, 2005 гг.), Пуровский (2007 г.) р-ны Ямало-Ненецкого автономного округа и в Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ (2006, 2009 гг.). Для освещения вопросов исторического раз-

вития оленеводства ненцев и его сельскохозяйственных аспектов была использована необходимая этнографическая литература и книги по оленеводству как хозяйственной отрасли.

Книга разбита на главы, представляющие собой очерки о становлении ненецкого оленеводства в Западной Сибири, об оленеводстве как образе жизни ненцев Ямала и Таймыра, об особенностях развития оленеводческой культуры на Ямале, в низовьях рек Надыма и Ныды, у лесных ненцев Пуровского р-на, на Гыданском п-ове и в низовьях Енисея, об экономических и экологических проблемах, остро стоящих на территориях традиционного природопользования ненцев. В приложении помещен отрывок из полевого дневника автора. Главные цели книги – показать особенности оленеводческого хозяйства ненцев, проживающих в разных районах Ямала и Таймыра, привлечь внимание заинтересованных читателей на то, насколько своеобразна и многогранна ненецкая оленеводческая культура, на то, как важно сохранить ее сегодня и развивать для будущих поколений.

Пользуясь случаем, автор книги хочет поблагодарить своих многочисленных информаторов, жителей тундры и поселков Ямала и Таймыра. Перечислить всех не представляется возможным. Часто не считаясь со временем, они гостеприимно и терпеливо принимали меня в своих жилищах, подолгу отвечали на массу вопросов, перевозили на оленьих упряжках и снегоходах от стойбища к стойбищу по бескрайним просторам тундры. Без их бесценной информации появление этой книги было бы не возможно.

ГЛАВА I.

ОТ АДАПТАЦИИ К АДАПТАЦИИ

Всем без исключения народам, проживающим сейчас на территории Западной Сибири, в разные исторические периоды приходилось неоднократно адаптироваться к меняющейся природной, этнической и социально-культурной среде обитания. По мере продвижения на север и северо-восток предки современных ненцев, хантов, манси, селькупов, сибирских татар, а позже коми и русские приспособлялись к суровым климатогеографическим условиям тайги и тундры. Вступая в межэтнические контакты с другими народами, они приравнивались к требованиям иной культуры или подстраивали ее под свой жизненный уклад. Постепенно у них сформировалось и закрепилось устойчивое поведение, позволившее этносам существовать и развиваться в новых условиях. В большинстве случаев адаптация носила активный характер, когда какая-либо этническая группа стремилась воздействовать на среду обитания, с целью ее изменения.

По ходу этноисторического развития у народов Западной Сибири сформировались разные хозяйственно-культурные комплексы. У северных этносов одним из важных элементов традиционного хозяйства стало оленеводство. В настоящее время на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов оленеводством занимаются тундровые и лесные ненцы, группы северных хантов и манси, нижнетазовские селькупы и коми-ижемцы.

По одной из самых распространенных точек зрения, оленеводство стало распространяться на севере Западной Сибири с приходом туда самодийских предков ненцев из районов Саяно-Алтайского нагорья на рубеже I-II тыс. н. э. [Василевич, Левин 1951; Вайнштейн 1970; Он же 1971]. Как и у современных жителей Саян – тувинцев-тоджинцев и тофаларов, у самоедоязычных племен в начале нашей эры было распространено выючно-верховое оленеводство [Народы Сибири 1956: 432, 531-536]. По предположению Л.В. Хомич, двигаясь все дальше на север, в области с более скудной растительностью, крепкие по телосложению таежные олени от поколения к поколению мельчали и, в конце концов, стали непригодны для езды на них верхом. Адаптируясь к новым условиям, самодийцы стали запрягать оленей в нарты [1995: 51-52].

Возможно, на новых местах обитания ненцы не только выпасали своих оленей, но и приручали оленей местной породы. По мнению А.В. Головнева, одомашнивание диких оленей могло происходить только в лесной полосе, поскольку необходимо было какое-то время, чтобы удерживать отловленных диких оленей в загонах или сараях, изготовленных из дерева. Для этого оптимально подходил район Северного Урала, где проходили пути миграций диких оленей, и в достаточной мере имелась древесная растительность [1993: 105].

Ко времени освоения Северного Зауралья русскими в XVI-XVII вв., у ненцев уже сложился хозяйственно-культурный комплекс, который включал в себя охоту на дикого оленя и пушного зверя, рыболовство, а также транспортное оленеводство [Общественный 1970: 38-39]. Одомашненных оленей у них было не много, максимальная численность стада достигала 100 голов [Колычева 1956: 79]. Шкуры для одежды и мясо для еды ненцы получали от диких оленей, а прирученных – частью продавали, частью использовали для запряжки в нарты [Бруин 1872: 16].

Использование домашнего оленя в качестве транспортного животного сделало более интенсивной охоту на дикого оленя и позволило ненцам осваивать отдаленные от прежних кочевий территории. Как пишет Е.Е. Сыроечковский, развитие транспортного оленеводства нанесло первый удар по поголовью дикого оленя [1986: 206-207]. Начался новый этап активной адаптации ненцев.

Транспортное значение ненецкое оленеводство сохраняло вплоть до XVIII в., когда, по мнению И.И. Крупника, сложились благоприятные климатические и социально-экономические условия для наращивания ненцами поголовья оленей. В XVI-XVII вв. отрицательное влияние теплого климата, приводило к снижению роста поголовья оленей и их физическому ослаблению. Социальные отношения в этот период характеризовались резким обострением обстановки на севере Западной Сибири, вызванной завоевательными походами русских отрядов и междоусобными столкновениями коренных народов [1976: 63-64, 1989: 151-152]. Гипотезу данного автора о том, что природная среда, в частности климат, определяла этапы эволюции тундрового оленеводства, не разделяет Е.Е. Сыроечковский. Он пишет, что численность диких оленей, конечно, колебалась в зависимости от климатических и погодных изменений,

но по прошествии определенного цикла она возвращалась к примерно прежней [1986: 181].

Некоторые авторы утверждают, что крупнотабунное (крупностадное) оленеводство было развито у сибирских ненцев уже в XVII в. [Миненко 1975: 152-153; Головнев 1993: 102]. Эта точка зрения весьма спорна. Социально-экономическая ситуация в Западной Сибири того времени была такова: с одной стороны, русские официальные власти, пытались «приводить инородцев под государеву руку», облагая их ясаком и записывая в ясачные книги, с другой – вольные, «гулящие» люди, в больших количествах добывая пушного зверя, подрывали традиционные промыслы инородцев. Оказывая сопротивление и тем и другим, ненцы часто оставались недостижимы для ответных действий властей. При наличии крупных стад домашних оленей они были бы менее мобильны.

О том, что в XVII в. ненцы не были обременены большими стадами оленей и имели возможность свободно перекочевывать с места на место, свидетельствуют многочисленные документальные источники того времени. Представители ненецких родов Карачеи, Адер, Яр, Ану-Карачеи, Ванюта, Яптик, Лохей, Тысыя, Айвасида, Пяк, Аседа и др. платили ясак «повольно – в Пустозерском остроге, Обдорске, Войкарском городке или в ясачных зимовьях Мангазейского уезда [Васильев 1979: 121; Долгих 1960: 69, 71]. Частыми были случаи нападения самоедов на Обдорский и Пустозерский остроги, на город Мангазею, другие русские опорные пункты. Они громили ясачную казну, грабили хлебозапасные магазины и разбитые на берегу Обской губы русские кочи, убивали гонцов, торговых людей, ясачных сборщиков [Обдорский 2004: 19-23, 31, 34, 45]. Попытки привести самоедов в повиновение путем поимки «лутчих людей» в аманаты (заложники) приводила к массовым перекочевкам самоедов из Березовского в Мангазейский уезд [Там же: 45].

На местах бывлых кочевок многие ненецкие роды оставили о себе память в виде названий различных географических объектов. Например, топонимы с приставкой Адер распространены сейчас от Большеземельской тундры в Ненецком автономном округе Архангельской области (сопка Нгадер, гряда Нгадер-хой) до Тазовского п-ова в Надымском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа (р. Адер-паютаяха, оз. Нгадер-то) [Алекса 1971: 38]. Еще дальше к западу распространились топонимы с приставкой Харючи: р. Арка-

харицей-яха, протекает в Малоземельской тундре, впадая в губу Колоколкова Баренцева моря, р. Харючи-яха, течет в Большеземельской тундре, р. Вылыс-харючи-яха стекает с Полярного Урала [Там же: 74], в Пуровском районе ЯНАО в р. Пяку-пур впадает р. Харучей-яха, имеющая приток Харучей-яха-тарка [Лёзин 1995: 257]. Топонимы с приставкой Вануйто встречаются почти на всей территории ЯНАО: в Приуралье (р. Вануйто, левый приток р. Большая Вануйто; р. Малая Вануйто, правый приток р. Кара), в Надымском р-не (р. Правая и Левая Вануйто, впадают в Надымскую Обь), в Тазовском р-не (протока Вануйто-юн, правый приток р. Пойлово-яха), в Ямальском р-не (р. Вануйто-яха, правый приток р. Паёта-яха) [Там же: 39].

Постоянные передвижения самоедов в XVII в. по Березовскому, Пустозерскому и Мангазейскому уездам не давали возможности русским властям определить четкие границы территории кочевания отдельных родов. В «Отписке березовского воеводы М. Квашнина в Сибирский приказ о нападениях самоедов на русских и остяков» 1644 г. о местах проживания самоедов говорится обобщенно: «Приезжает... на Обдорь в зимнее время каменная и карачейская самоедь, которые живут летом подле Мангазеинское море и по край реки Оби ниже Обдора на островах...» [Акишин 1994: 126].

Северной границей самоедских кочевий были в то время две реки с названием Сё-яха, протекающие по центральной части п-ова Ямал. Западная Сё-яха (по-русски – Мутная), вытекая из оз. Нёй-то (Мал-то) впадает в р. Морды-яха (Мурты-яха), впадающую в залив Карского моря Мутный Шар. Восточная Сё-яха (по-русски – Зелёная) – берет начало от другого оз. Нёй-то и впадает в Обскую губу. По этим рекам и системе озер Нёй-то между ними проходил волок, как один из участков морского хода русских промышленников на Мангазею. В документах начала XVII в. говорится, что «по обе стороны Мутные реки временами кочует самоедь Карачея» [Долгих 1960: 74]. Зеленая река, по данным С.В. Бахрушина, носила в то время название Сё-Яга-Бануйта, т. е. «проходная река племени Вануйта» [1955: 88].

На северо-востоке граница кочевий ненцев сдвинулась в XVII в. далеко вглубь Мангазейского уезда, и проходила по р. Мессо, носившей тогда название Кровавой [Квашнин 2004: 163-166]. В междуречье Таза и Енисея кочевали в то время тундровые энцы

или мангазейская «самоядь». Ареалом их кочевий была тундра и северная тайга от бассейна Нижнего и Среднего Таза на юго-западе до правобережья Енисея и Енисейского залива – на северо-востоке. К северо-востоку от Среднего и Верхнего Таза, через водораздел Таза и Енисея кочевали лесные энцы или туруханская «самоядь» [Долгих 1960: 120].

Переселение обдорских ненцев в междуречье Таза и Енисея было вызвано экономическими причинами – поиском новых охотничьих угодий и нежеланием платить ясак. Переселение шло волнообразно. Первые ненцы в этом регионе были отмечены в русских документах 1634, 1636 и 1657 гг. Они бежали в отдаленные тундры от ясачных сборщиков. Когда в 1670-м г. на Тазу не стало хлеба, из-за переноса г. Мангазея на р. Турухан, уже значительная часть тазовских ненцев перекочевала в низовья Енисея [Васильев 1963: 43; Долгих 1970: 136].

Попытки ненцев вытеснить энцев с их исконной территории приводили к военным столкновениям между этими народами. В результате войн многие энцы откочевали на правый берег Енисея. Представители отдельных родов, таких как Чор и Аседа оставшиеся на своих обжитых местах, были постепенно ассимилированы и вошли в состав тазовской и енисейской групп ненцев [Васильев 1994а: 63-64, 129].

К середине XVIII в. ненецкое оленеводство все более приобрело товарное значение, и хозяева стад стали заботиться о приросте поголовья оленей [Хомич 1995: 51]. Одной из причин, вызвавшей увеличение оленьих стад, стала скудость пушных промыслов в Западной Сибири, из-за хищнической истребления соболя и другого зверя «вольными людьми». Когда поступление в государеву казну пушнины стало сокращаться, натуральный ясак с инородцев было разрешено заменять денежным (по фиксированным ценам) [Ямал 1995: 127]. Видимо, ненцы стали уплачивать ясак деньгами, вырученными от продажи домашних оленей или выделанными оленьими шкурами (ровдугами). Однако как заметил И.И. Крупник, по сравнению с XVII в. отношение ненцев к домашним оленям в конце XVIII в., когда счет оленей у некоторых хозяев шел на сотни и тысячи голов, практически не изменилось. Они также использовались лишь как транспортные и жертвенные животные, а на мясо забивались только в крайнем случае. Пищу, материалы для одеж-

ды, жилища и бытовых нужд по-прежнему давали охота и рыболовство [1976: 61].

С развитием крупностадного оленеводства, следствием чего стало улучшение материального положения, а также рациона питания семей оленеводов, в конце XVIII в. начался рост численности людей в ненецких родах. На XIX в. пришелся основной этап деления больших патриархальных родов на малые (патронимии). Это нашло отражение в материалах ревизских переписей того времени. В «Книге обдорской самоеди» 1697 года отмечено всего 18 ненецких родов, не считая отдельных представителей европейских ненцев и тазовских энцев. В ревизских «сказках», второй половины XVIII в. зафиксировано 16 родов, но больших по численности и расселившихся на восток до рек Таз и Енисей. В переписях середины XIX в. все ненецкие роды разделены на ватаги, которые к концу столетия стали самостоятельными родами [Квашнин 2003: 23-25].

Взаимоотношения ненцев с соседними народами тоже можно назвать адаптацией. Соседи ненцев рыболовы и охотники вынуждены были приспосабливаться к более интенсивной оленеводческой культуре ненцев. Межэтнические отношения в Западной Сибири развивались на протяжении нескольких столетий и носили как мирный, так и военный характер. Народы, находившиеся, в различные исторические периоды в той или иной зависимости от ненцев, назывались ими *хаби*. Хантов ненцы называли *саянгаби* (мысовые), манси – *сыянгаби* (по р. Сыня), селькупов – *тасухаби* (тазовские), кетов – *енсяхаби* (енисейские). С другими народами складывались иные отношения, поэтому они не имеют в ненецких названиях форманта «хаби». Так, коми по-ненецки Санэр (Санэроям – р. Печора), коми-ижемцы – нгысма (р. Ижма), энцы – мандо, нганасаны – тавыс, эвенки – тунгос [Хомич 1976: 96].

Ненецко-хантыйские отношения в низовьях Оби, несмотря на имевшие место набеги «самоедов» на «остяков», к концу XVIII в. приобрели мирный, взаимовыгодный характер. Нижнеобские ханты заимствовали у ненцев способы ведения оленеводческого хозяйства, так как оно, по сравнению с рыболовством и охотой, было более выгодным и обеспечивало стабильное существование. Важную роль в развитии ненецко-хантыйских отношений и, в частности хантыйского оленеводства, играли браки хантов с ненцами. В большинстве случаев выкуп за невесту уплачивался строго оговоренным при сватовстве количеством оленей, что позволяло хантам

увеличивать поголовье своих стад. Приток хантов в ненецкую среду увеличился в XIX в., в связи с массовым вовлечением их в оленеводство, путем найма в пастухи к богатым ненцам-оленеводам. Процессы ассимиляции, бурно протекавшие в низовьях Оби, привели к формированию во второй половине XIX в. ненецких родов хантыйского происхождения [Квашнин 2003: 29-31].

Контакты между ненцами и селькупам в низовьях Таза были относительно мирными. Зачастую они ограничивались односторонними заимствованиями хозяйственных приспособлений и навыков. У селькупов Среднего и Нижнего Таза практиковался ненецкий способ пастьбы оленей с круглосуточной охраной стад и применением оленегонных собак. Селькупам была частично заимствована у ненцев зимняя одежда и обувь. Нижнетазовские селькупы, оторванные от основного этнического массива, вынуждены были заключать браки с ненцами и, на протяжении XX в., практически полностью смешались с ними [Квашнин 2002а: 143; Он же 2002б: 230].

Коми стали переселяться за Урал в XIX в. Это были коми-ижемцы, представители одной из этнографических групп народа коми. Ижемская группа возникла в результате смешения коми и ненцев в Большеземельской тундре на Европейском Севере. Коми-ижемцы довольно быстро усовершенствовали ненецкое оленеводство, сделав его товарным. Вместе с этим подверглась трансформации и вся традиционная культура ненцев. Ненцы-оленеводы в Приуралье, в низовьях Надыма и на Тазовском п-ове перешли на облегченный тип чума и на покупную одежду. Женщины коми и ненки поверх одежды стали надевать малицы, отличающиеся от мужских более светлым цветом капюшона. Традиционная ненецкая женская распашная одежда – ягушка – в этих районах почти вышла из употребления.

Отношения с русскими, как было показано выше, складывались непросто. С приходом в Сибирь русских для ненцев начался новый этап адаптации, где уже они приноравливались к новой для них культуре.

Русские, осваивавшие Сибирь в XVI-XVIII вв., были выходцами из северных европейских областей России. Их потомков принято называть русскими старожилами. К XIX в. смена первоначального русского населения произошла только на юге Сибири. Там поселились выходцы из среднерусской и южнорусской полосы.

Эти две большие группы населения отличались друг от друга и назывались по-разному – «сибиряки» и «русские» [Власова 1997: 114].

Низовья Оби и Таза были освоены русскими задолго до официального включения Сибири в состав России. Поморские промышленники уже в конце XV в. плавали «Мангазейским морским ходом», как назывался на Руси участок Северного морского пути от Белого моря до Тазовской губы. В 1595 г. в устье Оби на месте зырянского поселения был заложен Обдорский городок. На Тазу русские и зыряне организовывали торговые фактории и вели меновую торговлю с энцами рода Монгкаси, от которого и произошло название Мангазея (Монгкаси-я – земля рода Монгкаси) [Магидович 1957: 94; Старков 1990: 136].

Мангазея была основана вслед за Обдорском, по царскому указу в 1601 г. на р. Таз. На несколько десятилетий эти города стали крупнейшим торгово-промышленными центрами Сибири. Постоянное население городов составляли служилые люди – сборщики ясака и торговой пошлины. Транзитными жителями были торговцы, скупавшие пушнину и охотники, ожидавшие удобного времени для отъезда на промысел [Кузнецова 1997: 76, 81].

В результате интенсивной охоты самоедов и русских «гулящих» людей, пушной зверь в северном Приобье и низовьях Таза был вскоре выбит и, русские промышленники в поисках новых охотничьих угодий стали продвигаться дальше на восток. В 1607 г. на притоке Енисея р. Турухан было основано зимовье, получившее впоследствии название Туруханска или Новой Мангазеи [Магидович 1957: 299].

Новый интерес к низовьям Оби и Таза возник у русских предпринимателей только в конце XVIII в., когда в Западной Сибири стала развиваться рыбодобывающая промышленность. С развитием пароходного сообщения в середине XIX в. число рыбопромышленников там заметно увеличилось. Значительно вырос в товарообороте удельный вес продуктов рыбодобычи. Муксун на северном рынке стал выступать эквивалентом песцовых и беличьих шкур [Головнев 1993: 135].

Несмотря на бурное развитие в XIX-начале XX в. рыбного промысла, массовых переселений русского населения в низовья Оби и Таза в этот период не наблюдалось. Русские крестьяне предпочитали селиться в южных, более пригодных для земледелия об-

ластях Сибири, а промышленники использовали на рыбных промыслах местное ненецкое и хантыйское население.

В советское время весь север Западной Сибири от Оби до Енисея, стал местом трудовой ссылки. Сюда ссылали раскулаченных, сектантов, немцев, калмыков, румын, представителей других народов. Со второй половины 1950-х гг. в ЯНАО началось освоение газоносных месторождений. Основная масса газовиков и геологоразведчиков, прибывших на Ямал, была из европейской части Советского союза. Среди других национальностей преобладали русские – выходцы из восточных районов Украины и юга России [Судьбы 1994: 244, 279].

Советское время стало для ненцев самым трудным и напряженным этапом адаптации. В первые годы советской власти политику коммунистической партии и советского правительства в отношении коренных народов Севера можно назвать продуманной и осторожной. Север в то время представлял собой стратегически важную зону, пристальный интерес к которой проявляли иностранные государства. Помимо государственных интеграл-кооперативов там образовывались различные частные, иногда совместные с иностранцами компании. Они скупали у кочевников пушнину, олени шкуры и мясо, рыбу, сало морского зверя и продавали им муку, чай, сахар, масло, мануфактуру, порох, дробь и пр. Контролировать эту торговлю в полной мере государство не могло. Много товара уходило через перекупщиков за границу. Русские, зырянские и иностранные купцы бессовестно обманывали поголовно неграмотное население тундры, загоняя его, как и в царское время, в вечную долговую кабалу. Советская власть в этих условиях старалась привлечь кочевников на свою сторону и ослабить конкуренцию частного капитала.

После образования в 1929-1930 гг. ненецких национальных округов для ненцев началась совершенно другая эпоха. Коллективизация, а затем попытки перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, во многом подорвали традиционный жизненный уклад ненцев. Были упущены возможности делового сотрудничества с кочевниками без излишнего вмешательства в их общественные отношения, хозяйство, культуру и быт. В начале 1920-х гг. были заложены основы такого сотрудничества. Оно могло бы принести больше пользы для экономики страны, чем неудачные попытки

всеобщего уравнивания ненцев с другими народами Советского Союза.

В 30-40-е гг. XX в. в низовьях Оби и Енисея началась организация оленеводческих колхозов и раскулачивание зажиточных оленеводов. Отдельные семьи ненцев спасались бегством, перекочевывая на соседние территории – с Ямала на Гыдан, а с Гыданского п-ова за Енисей. Когда и там их пытались раскулачить, они возвращались обратно. В голодные послевоенные годы с севера Ямала и Гыдана ненцы переселялись на юг. В это же время из Приуралья в Надымский район переселилось несколько семей оленеводов коми-ижемцев. Коми принесли с собой свой бытовой уклад, который постепенно во многом переняли надымские ненцы.

Несмотря на все трудности советского периода, ненцам вновь удалось адаптироваться и сохранить основу своей жизнедеятельности – оленеводство.

В настоящее время оленеводство снова вступило в полосу глубокого кризиса. На Ямале и Таймыре ощущается острая нехватка пастбищных угодий для растущего год от года поголовья оленей. Напряженную обстановку в местах традиционного природопользования создают нефтегазодобывающие компании. От того сумеют ли ненцы-оленеводы приспособиться к стремительно меняющейся социально-экономической и экологической ситуации, зависит будущее оленеводства, а значит их семей и всего ненецкого этноса в целом.

ГЛАВА II.

ОЛЕНЕВОДСТВО – ОБРАЗ ЖИЗНИ

Освоение ненцами бескрайних тундровых просторов привело к постепенному складыванию у них уникального хозяйственного комплекса, включающего в себя оленеводство, рыболовство и охоту. Сегодня у большинства ненцев, расселенных от Печоры на западе до Енисея на востоке, оленеводство остается ведущей отраслью хозяйства.

Ненецкое оленеводство является крупностадным, средний размер стада определяется в 200-500 голов. В отдельных хозяйствах стада достигают 2-3-х тысяч и более голов. При выпасе оленей ненцы используют пастушескую собаку. Специально отобранные и обученные ездовые олени запрягаются в нарты. Помимо оленьего мяса ненцы употребляют в пищу сало, костный мозг, кровь оленя; шкуры используют для пошива одежды, обуви, покрышек чума; спинные сухожилия идут для сучения ниток; кости – для изготовления частей упряжи, рукояток ножей и пр. [Хомич 1995: 50].

В течение года пастухи со своими семьями следуют за стадами оленей, идущими в поисках корма, направляя их по определенному маршруту. На каждом пастбище олени выпасаются по 3-4 дня, затем ненцы гонят стадо дальше, постепенно обходя определенную территорию, ограниченную водоразделом больших или малых рек. Протяженность сезонных перекочевок с зимних пастбищ на летние и обратно, достигает иногда 800 и более километров в одну сторону.

Подсобным хозяйством оленеводов является рыболовство, особенно в летнее время, когда оленям необходимо дать отдых, для нагула жира к зиме. Ловят рыбу сетями в больших и малых реках, а также неводами в некоторых тундровых озерах.

Охотятся оленеводы по ходу дела на куропаток, перелетную птицу, песца, лисицу, горностая, дикого оленя, в случае опасности стреляют волка и медведя.

Успешное ведение такого сложного хозяйства возможно только при определенных условиях. Каждое оленеводческое хозяйство в идеале представляет собой неразрывную цепочку, состоящую из мужа-хозяина, жены-хозяйки и детей-наследников, т. е. из полноценной семьи, которая постоянно кочует по тундре и владеет опре-

деленным количеством оленей и собак. Выпадение одного из звеньев из цепочки ослабляет или полностью разрушает хозяйство.

Рассмотрим подробнее, к чему может привести ослабление или выпадение каждого звена.

МУЖ. На мужчине – главе семьи – лежит обязанность управлять с оленями. Большую часть своей жизни оленевод проводит вне чума, окарауливая оленей, перегоняя их на богатые кормами пастбища, занимаясь починкой и изготовлением нарт и упряжи. Если у женщины в тундре умирает муж, а дети еще не достигли возраста, когда могут самостоятельно вести хозяйство, она может выйти замуж за младшего брата мужа, как положено по обычаю (сегодня за любого мужчину по ее выбору), или объединить своих оленей для совместного выпаса с ближайшими соседями и кочевать с ними до взросления детей. В худшем случае она передает оленей сыновьям младшего брата мужа, а сама с детьми переселяется в поселок или ставит чум на рыбацком стойбище.

ЖЕНА. Обязанности женщины в традиционной ненецкой семье многообразны. Она хозяйка чума. После перекочевки на новое стойбище она ставит чум, заготавливает дрова для очага, носит воду для приготовления пищи, готовит еду, кормит семью, прибирает в чуме, занимается с маленькими детьми, выделывает шкуры и шьет одежду. Потеря жены для оленевода означает, что помимо присмотра за оленями, он вынужден будет заниматься и всеми делами в чуме (если у него нет взрослых дочерей), что непременно приведет к снижению уровня эффективности хозяйства или его постепенному свертыванию.

ДЕТИ. Дети оленеводов с раннего возраста постигают науку ведения хозяйства: мальчики учатся арканить и запрягать оленей, изготавливать нарты и упряжь; девочки помогают матери в чуме по хозяйству. Отсутствие или потеря (по какой-либо причине) детей приводит к невозможности держать большое количество оленей, а, следовательно, полноценно питаться мясной пищей и своевременно менять изношенную одежду. К тому же, к старости, муж и жена, неспособные самостоятельно вести хозяйство, за неимением прямых наследников, вынуждены будут передать оленей племянникам мужа.

ТУНДРА. Жители городов считают окружающее их пространство квартиры своим домом. Для ненца домом является не столько его чум, сколько вся тундра. Здесь ему все привычно, зна-

комо и предсказуемо. Семьи ненцев, проживающие в тундре, сильно отличаются от семей поселковых жителей. Они более здоровы и выносливы. В поселках, малоподвижный образ жизни, частая смена зимой температурного режима (выход из жарко натопленного жилья на сорокаградусный мороз) приводит к росту у ненцев сердечно-сосудистых и легочных заболеваний. Численность детей у тундровиков в среднем составляет 8 человек (в отдельных семьях имеется от 13 до 18 детей). В поселковых семьях, как правило, детей не много – 3-4 человека, год от года растет число неполных семей. Заводить много детей жителям поселка не позволяет отсутствие благоустроенного жилья и хорошо оплачиваемой работы. Оленеводы, лишившиеся оленей и переходящие на постоянное жительство в национальные поселки, часто спиваются и деградируют.

ОЛЕНИ. О своих оленях ненцы говорят, что их «богатство само по земле ходит». Чем больше у ненца оленей, тем больше его уважают родственники и друзья, а также растет его собственная самооценка. Крупнотадное оленеводство ненцы стали развивать с XVIII в., когда в Сибири был сильно выбит пушной зверь, и царская администрация стала взимать с ненцев ясак не песцовыми, а оленьими шкурами. Оленеводство становилось более выгодным и обеспечивало стабильное существование, в отличие от охоты и рыболовства, часто зависевших от природно-климатических изменений. Способы ведения оленеводческого хозяйства заимствовали у ненцев, как говорилось выше, отдельные группы коми, северных приобских хантов и селькупы низовьев Таза.

Потеря оленей во время эпизоотий сибирской язвы конца XIX-начала XX в., губивших десятки тысяч оленей, приводило к массовому оседанию ненцев на рыболовных песках. В советское время малооленных или безоленных ненцев организовывали в рыболовецкие артели, а затем в колхозы, тем самым, закрепляя этот социальный статус за ними и их потомками и не давая возможности сменить тип хозяйственной деятельности. Семьи рыбаков, как правило, беднее оленеводов, их благосостояние зависит от ежедневного улова рыбы. Рыбу они выменивают у оленеводов на мясо и шкуры или в совхозных пунктах приема на хлеб, масло, сахар и пр. Рыбаки не имеют возможности часто обновлять одежду и покрывки чума, поэтому даже по внешнему виду они сами и их жилища сильно отличаются от оленеводов. До недавнего времени рыбаки

лесотундровой зоны покрывали чумы покрывками, изготовленными из особо выделанной бересты.

СОБАКИ. На первый взгляд может показаться, что собака в тундре выполняет только роль сторожа, предупреждающего хозяев о приближении хищников, а также развлекает детей. На самом деле ни одно оленеводческое хозяйство не может обойтись без четырех-шести хорошо обученных собак – короткошерстных лаек-оленегонок, лохматых самоедских шпицев или их помесей.

Тундровые собаки различаются по темпераменту и способностям к обучению. Некоторые из них не желают работать или не понимают, чего от них хотят хозяева. При работе с оленями таких собак обычно привязывают к нартам или шестам чума. Они могут разогнать с трудом собранных оленей, так как воспринимают беготню и суету пастухов как игру и мешают работе нормальных животных.

Для того чтобы собрать стадо, нужна всего одна хорошо обученная собака. Она может обежать два-три круга вокруг стада, и оно будет собрано. Некоторые собаки хорошо бегают по траве и мху, поэтому чаще работают летом, другие – не боятся стужи и лучше бегают по снегу, они гоняют оленей зимой. Собаки очень любят свою работу и в любое время готовы к ней сразу все. Однако пастух выбирает одну, нужную ему в данное время, остальных привязывает.

Четкая дисциплина и подчинение человеку проявляется и при кормлении собак. Кроме рыбы и мяса собак часто подкармливают остатками супа, оставшегося после ужина семьи. Собаки из-за еды не дерутся, каждая знает, что ее не обделят. Суп наливают в одну миску. Сначала подходит одна собака, съедает свою порцию и отходит в сторону, за ней подходит другая, за ней – следующая и т.д.

Не обходятся без собак и рыбаки. Они запрягают их в нарты, представляющие собой уменьшенную копию нарт для оленьей упряжки. Рыбацкие собаки крупнее оленегонок, у них густая шерсть, позволяющая им спать на снегу при любом морозе. У рыбаков собака играет роль транспортного животного для перевозки вещей при перестановке чума и вывозе рыбы с рыболовного места.

Ненцы, подобно другим народам, ведущим традиционный образ жизни, занимают свою определенную географическую и социальную нишу. Интенсивное хозяйственное освоение мест традиционного проживания ненцев оказывает разрушительное воздействие

на их хозяйственный комплекс и приводит к переселению оленеводов в поселки. Смена образа жизни, переход в другую нишу приводит ненцев в маргинальное состояние, они теряют связь с родной культурой, но не в состоянии полностью воспринять иную.

* * *

На большей части Ямало-Ненецкого автономного округа и на Таймыре ненцы выпасают оленей сибирской тундровой породы, а лесные ненцы Пуровского района – сибирской лесной. Типичная окраска волосяного покрова оленей бурая, с различными оттенками. По масти олени разделяются на три группы: 1) темно-бурые и бурые, у которых почти нет различия в окраске отдельных частей тела; 2) светло-бурые, у которых шея и бока окрашены в светлые тона, а живот и конечности темные; 3) серо-бурые, серые и чалые, у которых светлый волос развивается по-разному на основных частях тела. Особую группу составляют белые и пегие олени [Северное 1979: 77-78].

Окрас оленей значительно изменяется по сезонам года. Летом он темный, почти черный. Светлый волос начинает расти к осени и заканчивает весной. Перед линькой шкура оленя становится светло-коричневой или рыжей.

Помимо тундровых ненцев выпасом оленей на территории ЯНАО занимаются приобские ханты, коми-ижемцы, селькупы и лесные ненцы. Тундровые ненцы проживают в Ямальском, Тазовском, Надымском районах, а также на севере Приуральского и Шурышкарского районов. Ханты расселены в низовьях Оби, в Приуральском, Шурышкарском районах и на юге Ямальского района. Коми-ижемцы освоили юг Ямальского, Приуральский и Надымский районы. Селькупы живут в Красноселькупском, а лесные ненцы – в Пуровском районе. Ханты, коми и селькупы выпасают ту же тундровую породу оленей. У тундровых оленей преобладает темный окрас, в основном темно-бурый и бурый. У лесных ненцев таежная порода, где чаще встречается светло-бурая и серо-бурая масть [Там же].

Кормом для оленей служат лишайники (ягели), кустарниковые ивы и березы, осоковые, злаки, бобовые и ряд других семейств растений, произрастающих в тундре.

Рацион питания оленей изменяется по сезонам года. Летом они питаются в основном зеленой растительностью, ягель составляет всего от 15 до 40 % пищи. Осенью олени постепенно переходят на ягельное кормление, зимой ягель становится основой их питания, а весной снова происходит переход на зеленые корма [Там же: 118-120].

Олень на ненецком языке называется *ты* (мн. ч. *тэ*). Дикого оленя называют *илебча ты* или *илебцъ*, что в переводе означает *жизнедатель; то, с помощью чего живут*. Это название восходит ко времени, когда ненцы охотились на дикого оленя и не знали домашнего оленеводства.

В зависимости от возраста и приобретения физических особенностей изменяется и название оленя. Новорожденного олененка ненцы называют *суляко* или *сую*, годовалого – *нялку*, двухгодовалого – *намна*. Иногда возраст определяется просто по годам: *сидимпо ты* – двухгодовалый олень, *няхарпо ты* – трехгодовалый, *тетпо ты* – четырехгодовалый и т.д. Взрослый бык-производитель называется *хор*, кастрированный бык (ездовой) – *хабт*, самка – *яхадей*, взрослая самка – *нгаркаяхадей*, самка, отелившаяся впервые – *сырэй*, яловая самка – *ятесую*, а ездочья – *хабтарка*, ручной олень – *нгавка*.

В XIX и в начале XX в. направление маршрутов перекочевков оленеводов было строго меридиональным, с севера на юг и обратно. После установления советской власти было введено административное деление территории проживания ненцев на округа, округов на районы, а районов на сельсоветы. Были организованы колхозы и совхозы, за которыми закрепили определенные пастбищные угодья. В связи с этим направление многих маршрутов изменилось. Так, ненцы северного Ямала зимой доходили обычно до Обдорска (Салехарда) и р. Надым. Сейчас многие из них кочуют не ниже широты п. Мыс Каменный. Ненцы Гыданского п-ова, кочевавшие зимой в лесной зоне и доходившие иногда до Сургута, ограничивают маршруты кочевий севером Газовского п-ова или уводят свой стада на территорию Красноярского края.

Оленеводство, как главная отрасль хозяйства, определяет годовой хозяйственный цикл ненцев, образ жизни, быт, основные компоненты материальной культуры и многие элементы традиционных верований. Описания годового оленеводческого цикла ненцев и, связанного с ним календаря, встречаются в работах ряда эт-

нографов и различаются лишь отдельными деталями, характерными для локальных групп ненцев [Карапетова 1986: 52; Симченко и др. 1993: 244; Хомич 1995: 56-57; Головнев и др. 1994: 52-53; Зенько 2004: 6].

Год в традиционной ненецкой культуре делится на две части – летнюю и зимнюю, которые считаются отдельными годами. Начало зимнего года совпадает с началом оленеводческого цикла, когда происходит гон, период спаривания оленей, длящийся примерно около месяца (сентябрь-октябрь). Этот месяц в традиционном ненецком календаре имеет название *хор' ири* – месяц оленя-самца. После окончания гона оленеводы, организованные в производственные объединения и владельцы частных оленей перегоняют стада с летних пастбищ на зимние. Следующий месяц, приблизительно соответствующий ноябрю, называется *мар' ири* – месяц дикого оленя-самца. В этом месяце начинается гон у дикого оленя. В ноябре (*нюдя пэвдя ири* – месяц малой темноты) происходит подсчет оленей в стадах, животные, идущие на забой отделяются от остальных. На специально обустроенных пунктах начинается забойная кампания. Для подсчета и выбраковки оленей оленеводы строят четырехкамерные загоны (кораль).

Параллельно с забоем оленей ненцы закупают в поселках продукты на предстоящую зиму. К факториям и центральным усадьбам подтягиваются охотники и оленеводы-частники. К декабрю (*нгарка пэвдя ири* – месяц большой темноты) стада приходят на зимние пастбища. Здесь олени пасутся в течение января – *по' маха ири* – спины года месяц, февраля – *яра' ири* – месяц молодых рогов, и часть марта – *сия ниць ири* – месяц ложного отела.

В это время оленеводы имеют возможность заняться охотой на песца. С декабря месяца его мех приобретает наиболее ценный белый оттенок. Пользуясь нахождением в лесистой местности, пастухи делают заготовки для нартов, шестов чума, хореев и т.д. Олени в это время малоподвижны и в поисках пищи не расходятся далеко из-за глубокого снега. Самки, оплодотворенные во время гона, вынашивают потомство. Средняя продолжительность беременности оленей равна 7,5 месяцам. Однако ухудшение условий кормления, позднее таяние снега, приводят к удлинению сроков беременности и задержке отела. Также у самок покрытых в начале гона и у важек с эмбрионами мужского пола продолжительность беременности больше.

В конце марта, начале апреля (*ты саполана ири* – начало отела) стада начинают уходить с зимних пастбищ, и быстрыми перекочевками двигаться на север. В это время каслания имеют длительный и изнурительный характер. Оленеводы вновь запасаются продуктами на факториях и в поселках, теперь уже на лето и осень. В это время заканчивается зимняя охота.

Новая стадия оленеводческого цикла начинается с отела важенок. С этого времени начинается летний оленеводческий год. В мае (*ты ниць ири* – месяц отела) происходит массовый отел. Пастухи пытаются к этому времени достичь привычных и знакомых мест. Через полчаса после рождения телята уже пытаются вставать на ноги, а через некоторое время делают переходы до сотни метров. Молочный период у телят длится до 6 месяцев, а иногда и больше. Телята в первые дни после появления на свет питаются исключительно молоком матери, но с 5-10 дня постепенно начинают поедать пастбищные корма. В трехмесячном возрасте они уже интенсивно питаются зеленой растительностью.

Месяцем относительного спокойствия является июнь (*ванды ири* – незаконного отела месяц). В это время стада неторопливо двигаются к летним пастбищам. Им еще не докучают комары и оводы. На возвышенных, сухих и продуваемых местах ненцы оставляют свои нарты с зимним чумом и вещами, в которых нет необходимости в период летнего каслания. В это время охотники и оленеводы-частники обычно объединяют свои стада, что бы они с меньшими потерями переносили предстоящую комариную пору. Большие стада легче контролировать и направлять, когда они, спасаясь от комаров, не разбегаются по тундре, а кружатся на одном месте.

Новые заботы приносит оленеводам июль (*ненянг ири* – комариный месяц), когда пастухам приходится перегонять стада на возвышенные места в тундре или к морскому побережью, где сильные ветры сдувают комаров и мошку, что позволяет оленям спокойно пастись.

Летом мужчины занимаются рыбной ловлей, изготовлением нарт, хореев, упряжи. Женщины выделывают шкуры, шьют одежду.

В августе почти исчезают комары и мошка, зато появляется носовой и подкожный овод. Этот месяц так и называется, *тилю ири* – месяц овода. Часто овод помогает пастухам собирать стадо. Оле-

ни «кусаемые» оводом сами сбиваются в кучу и приходят к стойбищу. Убивают оводов все жители стойбища. Женщины и дети заходят в середину оленьего стада и бьют его палками прямо на оленях. Мужчины расстилают возле стада шкуру белого или пестрого оленя, цвет которой приманивает овода, и бьют его на ней.

В августе начинают кастрировать молодых самцов и приучать их самостоятельно заходить в загон. В это же время идет забой оленей на шкуры. Особенно ценится шкура трехмесячного теленка – *нябллой*, из нее шьются подола для верхней одежды.

В сентябре (*вэба при* – месяц опадания листьев) оленеводы начинают перекочевывать ближе к зимним пастбищам. В тундре оставляют летние вещи, и забирают зимние.

Вспомогательными хозяйственными занятиями ненцев оленеводов издавна являлись охота и рыболовство. Одним из древнейших традиционных занятий ненцев был промысел дикого северного оленя, а в лесной зоне – лося. В междуречье Оби и Таза лось был редким животным, а дикий олень встречался небольшими группами в верховьях Полуя, на водоразделе Надыма, Пура и Таза. Ненцы практиковали охоту на дикого оленя почти круглый год. На них охотились посредством загонных поволоков на воде, с помощью манщика, ставных луков, специального щита-прикрытия, их преследовали на нартах и лыжах. Для загонной охоты использовали специально устроенные широкие «коридоры» из махавок (гусиных крылышек привязанных к шестам) сужающиеся к одному концу. В коридор загоняли оленей, вспугивая их криками, а притаившиеся в узкой части охотники стреляли по ним. Поколки проводились весной и осенью в ходе переправ диких оленей через водные преграды. Охотники кололи их копьями с лодок или стреляли из луков с берега. Охота с манщиком производилась осенью, во время гона. На рогах домашнего оленя-самца укреплялась ременная петля. В ходе боя с соперником она затягивалась на рогах дикого оленя, охотник, скрываясь за манщиком, в удобный момент поражал его. С помощью луков-самострелов (нен. *ядана*) ненцы охотились осенью на границе леса и тундры, на путях миграций диких оленей. Щит для зимней охоты скрадыванием (нен. *нгэдя', туни лата*) – продолговатой овальной формы, обтянутый шкурой белого оленя, устанавливался вертикально на два небольших полоза, напоминающих лыжи. В щите просверливалось отверстие для ружья [Народы 2005: 81; Хомич 1995: 61-64].

Наиболее распространенным промыслом птицы у ненцев до сих пор является охота в июле на линных гусей (нен. *япто*). Жители нескольких стойбищ загоняют криками птицу в сети, где скручивают им шею. При удачной охоте каждой семье достается до сотни гусей.

Раньше ненцы промышленяли также в небольших количествах лебедей (нен. *хохорэй*) и гагар (нен. *нюня*), гаг (нен. *яв'нарматы*, *паеры*) и уток (нен. *нябы*, *нга'нго*, *сенгбя*) ловили петлями, а гнездящихся гусей, белых сов, канюков и поморников – железными капканами, которые ставили на гнездо. Перо от птиц шло в основном на продажу.

Зимой ненцы издавна промышленяют тундровую куропатку (нен. *хабэвко*, *хондеэ*). Ее стреляют ружьями или ловят в силки из оленьих сухожилий (нен. *ес'*)

Ненцы, населявшие прибрежные тундры, занимались охотой на моржа (нен. *тивтей*), морского зайца-лахтака (нен. *нгартти*), гренландского и кольчатого тюленей (нен. *лыско*), нерпу (нен. *няк*), северного дельфина-белуху (нен. *вэбарка*), гренландского кита (нен. *халэ*). Моржей били летом на лежбищах с помощью гарпуна и ружья, весной подстерегали на льдинах. На ляхтака охотились в начале осени. Тюленя и нерпу промышленяли в течение всего года, за исключением темного периода. Для промысла использовались также связки крупных осетровых крючков, укреплявшихся в лунках и продушинах и задерживавших зверя при его уходе под лед. Белуху, заходившую по высокой воде в тундровые речки, криком и шумом старались выгнать на мелководье, загнать в рыболовные сети, где и добывали копьями [Головнев 1993: 38-40].

Объектами пушного промысла у ненцев являются песец (нен. *нохо*), красная лисица (нен. *тёня*, *нярьяна тёня*), горностай (нен. *пия*), волк (нен. *сармик*), росомаха (нен. *ингей*), белка (нен. *таряв*, *таряха*). Песца и лисицу промышленяют пастями, капканами, стреляют во время загонов; горностая – только капканами. Росомаху добывают гоньбой на оленях с собаками. Белок стреляют ружьями, раньше применялись луки и стрелы с тупыми наконечниками, чтобы не испортить шкурку. Волков ненцы убивают, только охраняя оленей [Головнев 1993: 55; Хомич 1995: 68-69].

Рыбный промысел является важным хозяйственным занятием всех ненцев, особенно в летний период. До массового забоя оленей на мясо и шкуры ненцы питаются в основном рыбой. Ненецкое ры-

боловство распространено во внутренних водах п-ова Ямал, на Гыдане, в низовьях Оби, по берегам Обской и Газовской губ, в бассейне Енисея. Хотя рыболовство у ненцев никогда не было ведущей отраслью хозяйства и носило в большинстве случаев сезонный характер, оно присуще практически всем ненецким хозяйствам.

В северных реках и озерах водятся: муксун (нен. *сюмбак*), сырок или пелядь (нен. *пайха*), щокур или чир (нен. *идюрця*), пыжьян (нен. *палкур*), нельма (нен. *съята*), омуль (нен. *яу халя*), ряпушка (нен. *сэври, зельдь*), осетр (нен. *ехена*), стерлядь (нен. *хоя*), налим (нен. *нёе*), язь (нен. *лысу*), окунь (нен. *ляра, нехэ*), хариус (нен. *туи*), щука (нен. *пыря*) и др.; на европейском Севере — сёмга (нен. *нарьяна халя*)

Основными орудиями лова служат неводы (нен. *понга, ёранзь*), ставные сети (нен. *нямзахэй, яха понга*), переметы (нен. *вада'*) и запоры (нен. *ю, ня понга*). Неводы применяются в основном для ловли рыбы в больших водоемах. Они не отличаются по устройству от русских. Ставные сети имеют меньшую длину, чем неводы и устанавливаются с помощью колец на небольших речках поперек течения. Перемет представляет собой длинную веревку с прикрепленными к ней крючками, которую протягивали поперек реки. Он укрепляется на дне реки деревянными якорями, над которыми плавает поплавков. Переметами ловят налима, осетра, нельму. На крючки прикрепляют наживку, обычно мелкую рыбешку [Хомич 1995: 75-76].

У лесных ненцев широко практикуется лов рыбы с помощью морд, сплетенных из прутьев тальника (сейчас чаще из проволоки) в виде цилиндра переходящего в конус. Внутри морда имеет одну или две воронки, затрудняющие выход попавшей в нее рыбы. Небольшие речки ненцы перегораживают запорами, из жердей. В просветы между запорами вставляют морды

Ненцы занимаются как летним, так и зимним ловом рыбы. Для установки сети или перемета подо льдом они пробивают пешней (нен. *янганаци*) проруби (нен. *янга си*) и с помощью небольшого шеста протаскивают сети.

Орудия лова ненцы в прошлом изготавливали сами: сети плели из конопляных ниток с помощью деревянной иглы (нен. *теря'*, *вигла*), поплавки изготавливали из дерева, грузила из тонкой проволоки и т.д.

К древним формам хозяйственных занятий ненцев можно отнести собирательство. В тундре собирают, главным образом, ягоды – морошку (нен. *маранга*), голубику (нен. *лынзермя*, *нинчермя*), бруснику (нен. *енздей*), иногда водянику (нен. *тоселя*).

Раньше важным объектом сбора являлись утиные и гусиные яйца. Грибы, как в прошлом, так и в настоящем не собирают и не едят, считая их «оленьей пищей». В некоторых местах женщины собирают пахучие травы для приготовления чая.

Непосредственно с хозяйственной деятельностью связана материальная культура. Она основывается на традиционных занятиях оленеводством, охотой и рыболовством и содержит как традиционные элементы, так и элементы, обусловленные проникновением различного рода новаций и заимствований у пришлого населения.

Традиционным видом жилища ненцев остается чум (нен. *мя*), который представляет собой переносную конусообразную палатку из жердей. В условиях тундры и кочевой хозяйственной направленности чум является наиболее приемлемым типом жилища. С одной стороны, коническая форма чума позволяет легко скатываться снегу, не задерживая его на поверхности, и сохраняет устойчивость при сильных ветрах. С другой стороны, простота сборки и разборки чума, возможность транспортировки играют немаловажную роль в жизни кочевников.

В настоящее время чум, в основном, сооружается из тех же материалов, что и прежде. Это деревянные шесты и покрышки, сшитые из оленьих шкур сухожильными нитями. Кроме того, летом используются брезентовые покрытия. Берестяные чумы (нен. *тэймя*) практически вышли из употребления, но по сведениям информаторов тридцать лет назад их еще использовали. Устанавливают и разбирают (ломают) чум в основном женщины.

Большое значение имеет правильный выбор места для установки чума. Обычно место стоянки выбирают вблизи водоемов и ягельников. Зимой, как правило, останавливаются по возможности на укрытых от ветра местах, а летом – на возвышенностях, где ветер отгоняет гнус от оленей. Установившиеся в течение многих лет маршруты перекочевок редко изменяются, поэтому часто и однажды уже выбранные места стойбищ становятся сезонными. В настоящее время изменение места стоянки связано, в основном, с непригодностью пастбищ для выпаса оленьих стад.

Несколько чумов на стойбище располагаются обычно по прямой линии. Они устанавливаются выходом на наветренную сторону. Напротив выхода каждого чума располагаются нарты. В летнее время ненцы не задерживаются по долгу на одном месте. Проезжая на новое место, нередко на местах стоянок оставляют на тщательно увязанных и упакованных нартах запас дров, продуктов, некоторые предметы утвари и одежду. Нарты устанавливают на возвышенностях, чтобы их потом легко можно было найти. Вспомогательных хозяйственных построек ненцы не сооружают. Для хранения мяса и особенно рыбы осенью в земле вырывают ямы. Лесные ненцы для хранения пищевых запасов, упряжи и других вещей используют лабазы (нен. *паре*), состоящие из деревянного настила (из досок или жердей), укрепленного на высоких подпорках или козлах. Основная же масса необходимых в хозяйстве предметов хранится и перевозится на нартах.

Ненецкие нарты (нен. *хан*) представляют собой сани длиной около двух метров и шириной около одного метра с 4-6 копыльями, сидением и изогнутыми впереди полозьями. Изготавливаются нарты из дерева, в основном из лиственницы. Копылья в ненецких нартах укреплены косо, что отличает их от прямокопыльных нартов хантов, чукчей, коряков и других оленеводческих народов. Ненцы садятся на нарту и управляют оленями только с левой стороны. Нарты подразделяются на легковые и грузовые, мужские и женские. На женских нартах, предназначенных для перевозки матери с маленьким ребенком, к сидению спереди, сзади и справа приделаны спинки. При строительстве нартов используют топор, ножи различных конфигураций, лучковое сверло. Различные приспособления для упряжи делают из оленьей кости или рога, иногда из пластмассы. В условиях тундры нарты являются наиболее удобным и приспособленным для передвижения средством. Легкая деревянная конструкция нартов позволяет ездить по тундре во все времена года, не нанося ущерба пастбищным угодьям. В нарту обычно запрягают 3-5 оленей, используя для этого кастрированных самцов или яловых важенок. Оленья упряжь изготавливается из кожи, дерева и кости.

При перекочевках нарты выстраивают в аргиш по 6-8 нартов в каждом. Различаются мужской и женский аргиш. Каждая нарта предназначена для своих вещей или предметов. В мужском аргише следуют друг за другом: *нгэдалесь* (легкая нарта), *хэхэ хан* (свя-

ценная нарта), *пи'хан* (нарта для дров), *нганохан* (нарта для лодки – летом), *понгахан* и *янгухан* (нарты для сетей и капканов – зимой), «*вандако*» (нарта для пищевых продуктов). В женском аргеше первой ставится *нехан* (женская нарта), дальше идут *сябу* (нарта для половых досок чума и женской обуви), *ларьхан* (для продуктов), *юхуна* (для постели, верхних покрышек чума и домашней одежды), *вандако* (для одежды и шкур), *нгуто* (для шестов чума, котлов и нижних покрышек чума). В первую легкую нарту запрягают обычно 3-4 ездовых оленей, в каждую последующую – по 2 оленя, которых прицепляют цепями к задку впереди идущей нарты [Головнев и др. 1994: 65].

Необходимой принадлежностью каждой семьи являются детские колыбели. Колыбель имеет овальную форму. Донце и стенки (шириной 15-20 см) делаются из дерева. Стенки сгибаются по форме дна и скрепляются с ним и между собой при помощи кожаных ремешков, продетых в отверстия, сделанные вдоль края. У изголовья колыбели устанавливается деревянная дужка для полога. В колыбель обычно насыпают деревянную стружку, поверх которой кладут шкуру оленя. Колыбели украшают бисерными лентами, разноцветными тряпочками. При этом колыбели для девочек украшаются больше, чем для мальчиков.

Заготовки для шитья меховой одежды ненцы перевозят и хранят в больших сумках из оленьего меха (нен. *падко*). Эти сумки имеют прямоугольную, вытянутую по горизонтали форму и сшиваются из прямоугольных полос оленьей шкуры и ровдуги. Камусы, сухожильные нити для сшивания шкур, образцы орнаментов хранятся в меховых сумочках меньшего размера (нен. *туця*). Такие сумочки имеют вытянутую вверх овальную форму и шьются из шкуры с головы оленя. Украшаются они полосками разноцветного сукна, бисером, металлическими цепочками, бляхами, кольцами и т.п. К верхней части сумочки пришивается маленькая сумочка такого же покроя, как и большая, в которой хранятся иглы, наперстки, нитки [Хомич 1995: 99].

Выделкой шкур у ненцев занимаются женщины. Орудиями выделки служат деревянные доски разных размеров и скребки различных форм. Для получения кожи или замши (ровдуги) со шкуры удаляют наружный слой с шерстью и подкожную клетчатку, оставляя только слой собственно кожи. При обработке шкур на мех удаляется только подкожная клетчатка. Для удаления волос, снятую с

олению шкуру, обычно кладут на несколько дней в воду вниз шерстью. После этого волос легко удаляется руками. Остатки подшерстка удаляются скребком. Обработка шкур для пошива одежды, обуви и покрывал для чума производится следующим образом: снятую шкуру сушат – летом на улице, зимой в чуме, заткнув за шесты в верхней части чума. Высохшую шкуру смазывают для размягчения содержимым оленьего желудка, рыбьим жиром или растертой рыбьей икрой, после чего сворачивают мездрой внутрь. Так она лежит 1-2 дня. Затем ее обрабатывают специальным скребком (нен. *ядалабиць', есей*) на доске (нен. *надорць'*) длиной до 1 м, шириной 20-30 см. Выделяют шкуру стоя, упирая доску более широким концом в живот, а другим – в землю. Скребок-*ядалабиць'* представляет собой S-образно изогнутый кусок железа, вставленный поперек в деревянную рукоятку, за концы которой держатся обеими руками. Один конец скребка обычно тупой, другой – острый. Сначала обработка ведется тупым концом. Камусы (шкура с ног оленя) выделяют на доске меньшего размера (нен. *ядко*). Скребок употребляется того же типа, но обычно более узкий, имеющий часто одно лезвие. Окончательная обработка шкур производится с помощью полукруглого лезвия вставленного в деревянную рукоятку (нен. *пидерць'*). Для обработки пыжиков (шкур только родившихся оленят) употребляют острый, неширокий скребок-*есей*. *Пидерць'* иногда заменяют рыболовной сетью, о которую трут шкурки.

Шкуры на крупные вещи (малицы, ягушки и др.) выкраиваются с помощью ножа по мездре на досках, служащих в чуме полом. Шкура предварительно складывается по месту будущего разреза, затем разгибается и разрезается по вмятине одним непрерывным движением. Средняя часть шкуры (спинка) идет на пошив верхней одежды; брюшная и шейная части – на шапки, клинья рукавов, детскую одежду и т.д. Мелкие вещи и орнамент из камусов выкраивают на доске (нен. *хунгар'яд*) длиной 40-60 см, имеющей очень гладкую поверхность. Для выкраивания узоров многие ненецкие женщины пользуются трафаретами из бересты или ровдуги.

Мужская и женская одежда ненцев имеет различия в покрое. Верхней мужской одеждой глухого типа (без разреза) с капюшоном являются малица и совик. Малица (нен. *мальця, мальча*) шьется из осенних или летних оленьих шкур мехом внутрь. По покрою она напоминает просторную рубаху, доходящую до колен. Для пошива

малицы необходимо 4 оленьих шкуры. Капюшон для нее делается из меха теленка в два слоя: один – ворсом внутрь, другой – наружу. К рукавам наглухо пришивают рукавицы (нен. *нгоба*) из камуса мехом наружу. На запястье, выше ладони, они имеют отверстие для того, чтобы можно было при необходимости освобождать руки от рукавиц. По подолу малицы (нен. *панд*) идет опушка. Обычно она делается из шкуры осеннего теленка или летней шкуры взрослого оленя. Для предохранения малицы от сырости и солнца с давних пор многие ненцы носят поверх малиц маличные сорочки из сукна или иной плотной материи разных цветов (нен. *мальча танга*). По покрою сорочка сходна с малицей. Малицу носят с поясом — *ни* и без пояса.

Совик шьют обычно из толстых зимних шкур оленя. Капюшон совика – двойной, по краю он обшивается белым мехом песца. У совика нет рукавиц и он длиннее малицы. Совик украшается полосами серого или темного оленьего меха на подоле, а также полосками разноцветного сукна (обычно красного цвета), которые пришиваются на спинке. Надевается он поверх малицы, от которой несколько отличается покроем. К совику не пришивают рукавиц. У капюшона делают опушку из оленьего меха с длинным ворсом. Лучшим считается совик сшитый из белых или пестрых оленьих шкур. Носится без пояса. Он считается уличной одеждой, перед входом в чум снимается и оставляется на нарте. Совик хорошо защищает от мороза и ветра при дальних перекочевках и ночевках на снегу. Название совик (от нен. *соок*) бытовало у русских на Европейском Севере, на Енисее они называли его сокуй, а в низовьях Оби – гусь.

Ненецкие мужские пояса для подпоясывания малиц бывают двух видов: кожаные (нен. *ни*) и шерстяные плетеные (нен. *панчалмы ни*). Кожаные пояса в основном изготавливают из оленьей кожи, но встречаются и пояса из кожи морских животных. Они обычно украшаются металлическими бляшками, пуговицами, резными пластинами из кости морских животных, а в последнее время из пластмассы. Кроме того, к ним прикрепляют ножны и клыки животных (медведя), которые выполняют по представлениям ненцев защитную функцию, охраняя от сглаза, от болезней, а также служат для «успокоения души».

Традиционная ненецкая обувь изготавливается из камуса (шкуры с ног оленя). меховые чулки (нен. *либт*; рус. *чижи*) шьют-

ся мехом внутрь. Поверх чулков надеваются меховые сапоги (нен. *пи́ва*; рус. *кисы*), сшитые мехом наружу. В сапоги, в качестве прокладки для сохранения сухости и тепла, кладут пучки сухой травы. К чулкам и сапогам пришивают тонкие ровдужные ремешки, которыми они привязываются к брючному ремню. Под коленями сапоги подвязываются цветными тесемками, сплетенными из цветных нитей. Сапоги различаются по орнаменту: на женских изображен, направленный к низу, острый угол, на мужских – две небольшие горизонтальные полосы.

Ненецкая женская зимняя верхняя одежда (нен. *не паны*; рус. *паница*, *ягушка*) бывает трех типов. Два основных типа, распашные шубы, их покрой, способы шитья подробно описаны Л.В. Хомич [1995: 124-126]. Шуба первого типа (нен. *лидянг паны* – бобровая паница, *таряв паны* – беличья паница) шьется из кусков меха белки, бобра, лисицы, украшается цветными матерчатыми лоскутками, по подолу обшивается собачьим мехом. Воротник делается из шкурки песца. Подклад шьется из оленьей шкуры. К рукавам пришиваются рукавицы.

Одежда второго типа шьется целиком из оленьей шкуры. Верхняя часть, подол и подклад шьются отдельно, затем сшиваются вместе. К рукавам, как и у шубы первого типа, пришиваются рукавицы, воротником служит песцовая шкурка. Нарядной считается ягушка со вставками из белой или пестрой оленьей шкуры.

Третий тип одежды можно назвать подтипом второго, так как основным его отличием является не покрой, а наличие фигурного орнамента из белого и темного камуса (шкур с ног оленя) по подолу и вдоль бортов шубы.

Первый тип – паница – имел распространение на Европейском Севере, в Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах. На севере Ямала и Гыданского п-ова широко бытует второй тип – ягушка. На юге Ямала большинство женщин носят одежду третьего типа – ягушка с орнаментом. Исходя из этого, типы ненецкой женской одежды можно условно обозначить следующим образом: первый тип – европейский, второй – северо-ямальский, третий южноямальский.

Брачные связи большеземельских и малоземельских ненцев с ненцами Ямала приводили к перекрестному распространению разных типов женской одежды, так как невеста в качестве приданного везла в чум к мужу и свою одежду. Многие ненки Большеземель-

ской тундры сегодня носят ягушки. Европейские паницы можно встретить на севере Ямала. По словам жителей п. Сё-Яха Ямальского района, раньше паниц на Ямале было много. При советской власти с установлением границ кочевий в рамках ямальских территорий, принадлежащих колхозам и совхозам, брачные контакты ямальских ненцев с европейскими сильно сократились.

Ягушки североямальского типа можно встретить на всей территории расселения сибирских тундровых ненцев от полярного Урала до низовьев Таза и Енисея. Они распространялись по мере освоения ненцами новых территорий. Контакты с хантами, энцами и селькупам в XVIII-начале XX в. привели к распространению ненецкой одежды у части этих народов.

Одежда третьего типа стала распространяться на Север несколько позже. Фигурные узоры на ягушках (изображающие оленьи рога, след медведя, головки соболя, заячьи уши и т.п.) вместо опушки по подолу собачьим мехом, по мнению Л.В. Хомич, первыми стали делать ханты, которые заимствовали у ненцев тип распашной женской одежды [1995: 126]. С такими видоизменениями ягушка стала проникать к ненцам. По началу ямальские ненки пришивали к своим ягушкам тонкие полоски ткани с мелким однообразным узором, а потом постепенно перенимали искусство орнаментирования у приуральских и нижеобских хантов.

Процесс распространения ягушек с узорами к северо-востоку и востоку от низовьев Оби также связан с широкими брачными контактами разных групп ненцев (особенно в конце XVIII, XIX и начале XX в.). Не малую роль здесь сыграли представители ненецких родов хантыйского происхождения, в частности один из самых многочисленных – род Салиндер. К примеру, в Тазовском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа среди других родов он стоит на четвертом месте по количеству семей и на первом – по численности людей [Квашнин 2003: 173-174].

Из других соседей ненцев, более практичными, чем ханты или селькупы оказались коми-ижемцы, перенявшие у ненцев навыки оленеводческого хозяйства. Из одежды оленеводов они заимствовали у ненцев только мужскую малицу, сделав капюшон из шкуры белого олененка отличительной чертой женской малицы.

Специальной обрядовой или праздничной одежды у ненцев, как у мужчин, так и у женщин, не имеется. Как говорилось выше, праздничной считается более нарядная ягушка, сшитая из шкур

белых или пестрых оленей. Ее надевают для поездки в гости, в поселок за продуктами или на день оленевода.

Летняя женская одежда ненок называется *нояца* или *ной паны* (от нен. *ной* – сукно). Летом ненки носят поношенные зимние ягушки без подклада, или шьют суконные ягушки. Нояца по крою схожа с зимней ягушкой, она сшита по типу широкополого пальто из плотной цветной ткани (синего, зеленого или красного цвета), с подолом и обшлагами другого цвета, с отделкой и фигурным орнаментом разных цветов. Иногда к вороту нояцы пришивается песцовая шкурка.

В настоящее время у тундровых ненцев сохраняется традиция надевания одежды из меха оленя на голое тело, что способствует хорошему теплообмену. Однако в присутствии гостей и женщины и мужчины надевают нижнюю одежду современного типа: рубашки из хлопчатобумажной ткани, платья, штаны и т.п. По сведениям информаторов в первой половине XX в. бытовали женские штаны из ровдуги с нагрудником, однако в настоящее время их не носят.

Женщины в отличие от мужчин носят различные головные уборы: шапки, платки, шали. Традиционным женским головным убором является шапка (нен. *сава*), сшитая из шкуры, снятой с головы оленя. Она шьется из оленьей шкуры наподобие чепца или капора. Сверху обшивается цветными полосками из сукна, украшается традиционным орнаментом. Опушка делается из меха песка. Сзади на шапку пришиваются две орнаментированные бисером суконные полоски, соединенные посередине цепочкой. Между полосками свисают полые металлические трубочки и цепочки, к концам которых прикреплены медные бляхи. Летом женщины носят покупные платки и шали.

Традиционная детская одежда ненцев соответствует одежде взрослых. Праздничная одежда отличается от повседневной большим количеством украшений в виде аппликаций, и бисерных украшений и меховой мозаикой, суконными полосками, пришитыми к одежде, металлическими цепочками и бляхами, нашитыми на ложные косы и шапки.

Ненецкие женщины заплетают волосы в две косы, в которые в виде украшения вплетают ложные косы (нен. *та'нэ, нгэбт*). Ложные косы являются как бы продолжением натуральных. Начинаясь от затылка, они спускаются ниже талии, скручиваются жгутом и соединяются между собой в нескольких местах нитками разно-

цветных бус или металлическими цепочками. Концы кос заканчиваются внизу треугольными кусочками ровдуги или сукна, окрашенными металлическими бляхами, цепочками и подвесками. В верхней части ложные косы вплетаются в волосы свободным куском сукна и обматываются поверх тесемкой из шерсти или сукна. Таким образом, при ношении этого украшения натуральные косы не видны. Носят ложные косы поверх ягушки, иногда заправляя за сзади за шерстяной пояс. Металлические подвески и соединения не дают косам свободно болтаться, поэтому они не мешают женщинам заниматься хозяйственными делами. В последние годы ложные косы считаются праздничным женским украшением. В будни женщины, живущие в тундре, заплетают две косички, концы которых соединяют между собой веревочкой. Женщины, которые живут в поселках, чаще носят современные прически [Хомич 1995: 148-149].

Пальцы рук ненки раньше украшали оловянными перстнями и кольцами, на шее носили бисерные ожерелья, медные обручи и цепи, в ушах – оловянные или часто кожаные серьги (нен. *хаво' ня, хаёня*) с нанизанными на них бляшками, пуговицами, крупным бисером [Рычков 1916: 174, 180]. До сих пор у ненцев сохраняется традиция ношения больших по ширине обручальных колец.

Экологическую обусловленность носит и пищевой рацион ненцев. Традиционными продуктами питания у них являются мясо (нен. *нгомса*) и рыба (нен. *халя*). Их едят как в сыром, так и вареном виде. При забое оленя на мясо его обычно душат веревкой, чтобы не пропадала кровь (реже закалывают ножом в сердце). К трапезе (нен. *нгайбат*, от *нгайбэй* – сырой) приступают сразу после снятия шкуры и разделки туши. Каждый член семьи собственным ножом отрезает себе кусок мяса или жира и ест его, обмакивая в теплую кровь. Наиболее лакомыми частями туши оленя являются: печень (нен. *мыд*), почки (нен. *суик*), дыхательное горло (нен. *хунго*), язык (нен. *нямю*), нижняя губа (нен. *пибтя*), а также мозг из трубчатых костей (нен. *хэва*). Теплую кровь (нен. *вэя*) пьют чашками. Зимой ненцы едят замороженное мясо (нен. *ханюй нгайбат*)

Из мяса варится слегка подсоленный мясной бульон (нен. *явай*) и суп, заправленный мукой (нен. *я*). Сваренное мясо вынимают из котла, режут на части и кладут на стол. Бульон или суп разливают по чайным чашкам.

Рыбу ненцы едят сырой, вареной, мороженой, соленой и вяленой. Куски сырой или мороженой рыбы слегка подсаливают и едят, макая в горчицу или кетчуп. Вареную рыбу, также как и мясо, вынимают из котла и едят, запивая бульоном.

Засаливают рыбу (в основном на продажу) в деревянных покупных бочках. При этом слои очищенной рыбы перемежают со слоями соли. Для долгого хранения соленой рыбы бочки закапывают в прибрежный песок. Рыбу для вяления сушат на солнце на специальных вешалах.

Ценным пищевым продуктом считается икра омуля, сига и пеляды. Ее едят, смешивая с жиром, вываренным из внутренностей рыбы или с ягодами.

Хлеба (нен. *нянь*) ненцы не знали до прихода русских. Сейчас хлеб закупают в поселковых магазинах или готовят из муки пресные лепешки (нен. *леска*), запекая их у костра на плоских железных листах. Иногда в тесто для лепешек добавляют оленью кровь (нен. *взя леска*).

Широкое распространение у кочующих ненцев получили привозные продукты. Помимо чая, сахара, соли и муки ненцы покупают в магазинах крупы, макаронные изделия, овощные консервы, повидло, сгущенное молоко, печенье, сушки, сухари, карамель.

* * *

Характеризуя оленеводство ненцев в целом можно сказать, что оно представляет собой уникальный хозяйственный комплекс, приспособленный к суровым северным условиям. Со времени вхождения территории Западной Сибири в состав Русского государства ненцам пришлось неоднократно приспособлять свое хозяйство к меняющимся условиям существования. Особенно тяжелым выдался для оленеводов XX в. Однако, несмотря на жесткое административное и экономическое давление со стороны властей оленеводство сумело сохраниться без существенных изменений до настоящего времени. Контакты с представителями других народов и культур внесли определенные изменения в хозяйственные занятия и быт ненцев. В результате этого на обширной территории проживания ненцев появились локальные типы оленеводческого хозяйственного комплекса, которые в целом не меняют его основу.

ГЛАВА III.

ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА

Ямальский район расположен в северо-западной части округа на полуострове Ямал, омываемом с трех сторон водами Карского моря, Байдарацкой и Обской губ. Территория района целиком расположена на Западно-Сибирской равнине.

Большую часть полуострова занимает Северо-Ямальская низменность, протянувшаяся от Байдарацкой губы на юге до северной оконечности полуострова. На самом юге района, вдоль побережья Надымской Оби, протянулась неширокой полосой Нижнеобская низменность. Между ними пролегает Южно-Ямальская возвышенность. Почти вся территория района находится в зоне тундры, в подзонах арктической, типичной и южной тундры, а южная часть, занимаемая Нижнеобской низменностью – в зоне лесотундры.

Ямальский район разделен на части между шестью сельскими администрациями: Ямальской (центр – с. Яр-Сале); Панаевской (п. Панаевск); Салемальской (п. Салемал); Новопортовской (п. Новый Порт); Мыскаменской (п. Мыс Каменный) и Сёяхинской (п. Сё-Яха).

Река Сё-Яха, в устье которой стоит одноименный поселок, была известна русским землепроходцам уже в конце XV в. Она была конечным пунктом волока, проходившего через весь п-ов Ямал из Карского моря в Обскую губу. Отсюда поморские промышленники направлялись в Тазовскую губу, к «златокипящей» Мангазее. После того, как в XVII в. морской ход в Мангазее был закрыт, эта местность теряет свое значение [Марков 1990: 287].

История строительства поселка Сё-Яха начинается с конца 1920-х гг. В 1927 г. в рамках кампании по советизации отсталых туземных окраин на Тамбее и Сё-Яхе были организованы первые туземные советы. В 1930 г. на северной части п-ова Ямал был создан в Северо-Ямальский тузсовет, вошедший одной из составных частей в Ямальский (ненецкий) тузрайон. В начале 1930-х гг. На Тамбее, Сё-Яхе и на Мысе Дровяном были основаны торговые фактории Уралгосторга. В 1936 г. согласно постановлению бюро Ямальского (Ненецкого) окружка ВКП(б) «О новом районировании округа» фактория Тамбей становится центром Северо-

Ямальского района. На балансе сельского совета в то время находились два здания школы, здание фактории, баня, жилой барак.

С 1934 г. на ямальском Севере началось колхозное строительство. К 1939 г. на территории всего Ямальского района существовало 30 колхозов и одна артель. Коллективизацией было охвачено 603 ненецких хозяйства, что составило более 60 % всех хозяйств. В 1939 г. на фактории Сё-Яха был организован оленеводческий колхоз «Красный Ямал».

Название Мыс Каменный закрепилось на географических картах с первой половины XIX в. Штурман И.Н. Иванов записал его в 1828 г. как Пэ Саля – «Каменный Мыс», хотя ненцы называют его Пай Саля – «Кривой Мыс», за характерную форму (ненецкие слова пэ – «камень» и пай – «кривой» звучат очень близко друг к другу). Название расположенного севернее поселка Яптик-Сале в переводе с ненецкого означает – «Мыс рода Яптик» [Матвеев 1997: 76, 168].

Как и большинство поселков района, Мыс Каменный и Яптик-Сале были построены в 1930-40-е годы. До конца 1940-х годов на Мысе Каменном силами спецпереселенцев велось строительство военно-морской базы Северного флота. По указу «сверху» стройка была законсервирована. В 1950-60-е годы, когда началась разведка ямальских месторождений нефти и газа, здесь развернула работу Ямальская нефтегазоразведочная экспедиция.

Поселок Новый Порт был основан в 1920-е гг., после того как Обская гидрографическая экспедиция обнаружила здесь более удобную бухту для строительства порта, чем на старой якорной стоянке у бухты Находка.

Рыболовный песок Салей-Мал на рубеже XIX-XX вв. принадлежал самоедам рода Езынги, а арендатором его был Семен Иванович Бронников [Дунин-Горкавич 1995: 17]. Село Салемал было основано в 1942 году как один из рыбоучастков Пуйковского рыбозавода (с. Пуйко). Рыболовством здесь занимались в основном местные ханты и ненцы, а с 1940-х годов и спецпереселенцы из Ленинграда и Астрахани. С 1952 года выросшее за счет механического прироста население стали записывать в похозяйственные книги. В это время в поселке, кроме русскоязычного населения, оседло жили несколько семей ненцев и хантов. В середине 1960-х годов производственные мощности Пуйковского рыбозавода перевели из Пуй-

ко в Салемал. В 1967-68 годах студенты стройотрядов построили новые дома для переселенцев.

Село Панаевск, по сведениям местных краеведов, было основано на месте фактории купца Панаева помощника Тобольского рыбопромышленника Туполева. В 1937 году здесь было создано первое объединение рыбаков – колхоз им. Шмидта. После великой отечественной войны стало развиваться оленеводство. В панаевской тундре выпасала оленей одна из шести бригад Пуйковского рыбозавода. В 1991 году произошло разделение хозяйства, рыболовство полностью отдали в Салемал, а оленеводство – в Панаевск.

Центр Ямальского района – село Яр-Сале было основано на берегу Малой Юмбы в 1927 г. До 1917 г. здесь хозяйствовал купец Трофимов, а в начале 1920-х гг. располагалась лавка кооператоров. Сельский совет был образован в 1933 г. К 1938 г. в районе было более 20 простейших производственных товариществ, а в 1940 – 28. они объединяли свыше 500 хозяйств оленеводов и рыбаков. Основными хозяйственными структурами были колхозы «Харп» и им. Ворошилова. В 1952 г. они были объединены в колхоз им. Молотова, переименованный затем в колхоз им. Ленина. [Очерки 1997].

В начале 1960-х гг. на Ямале на базе колхозов были созданы совхозы. До начала XXI в. на территории Ямальского района вели хозяйство три совхоза: «Ямальский», «Ярсалинский» и «Россия». На сегодняшний день хозяйственной деятельностью в Ямальском районе занимаются три муниципальных оленеводческих предприятия: «Ярсалинское», «Панаевское», «Ямальское»; два муниципальных рыбозавода – Новопортовский и Салемальский; одно крестьянско-фермерское хозяйство; 11 общин коренных малочисленных народов Севера и более 1000 оленеводческих семей, самостоятельно выпасающих оленей.

Более 60% территории района составляют олени пастбища. Небольшую часть используют под выпас оленеводы совхоза «Байдарацкий» Приуральского района ЯНАО. В свою очередь Ямальские оленеводы используют пастбища в Надымском и Приуральском районах.

Пастбища предприятия «Ямальское» расположены в арктической и типичной тундре, а предприятий «Ярсалинское» и «Панаевское» – типичной и кустарниковой тундре, а также в лесотундре и северной тайге.

Зимой оленеводы предприятия «Ямальское» используют для выпаса лишайниковые арктические и равнинные субарктические тундры, а также осоково-моховые тундры с запасом ветошных кормов. Лишайниковый покров здесь большей частью был поврежден, высота ягеля не превышала в середине 1990-х гг. 2 см. Пастбища удобно расположены, но обеспечены кормами недостаточно.

Зимние пастбища предприятий «Ярсалинское» и «Панаевское» расположены примерно в равных условиях. Тип пастбищ – лесотундровой и северотаежный. Пастбища расположены на правобережье р. Надымская Обь, в тундрово-болотном лесу и редколесье.

На пастбищах предприятия «Ярсалинское» лишайники встречаются лишь в отдельных местах. Пастбища доступны на протяжении всей зимы, так как там чередуются лесные и редколесные массивы с открытыми участками болот и тундр. Состояние кормов хорошее.

Пастбища ранней весны и поздней осени находятся на левобережье Оби. В предприятия «Ярсалинское» эти пастбища совмещены. Выпас оленей ведут в тундрах, на болотах, в кустарниках и редколесьях. Обеспеченность кормами в этот период в целом удовлетворительная. Зимние пастбища обеспечены кормами полностью.

Летние пастбища предприятия «Ямальское» имеют выход к морю. В предприятиях «Ярсалинское» и «Панаевское» выход к морю имеет северная группа стад. Прохладная погода, ветры, обилие зеленых кормов, поение животных морской водой создают благоприятные условия выпаса. Выпас оленеводы ведут по долинам рек и ручьев, склонам холмов, приозерным понижениям по берегу моря. Запасы зеленых кормов весьма значительны.

Пастбища переходных сезонов (поздняя весна, ранняя осень) находятся близко от летних пастбищ. Поздней весной кормом для оленей служат молодые побеги пушицы, осок, разнотравье, листва ерников.

Стойбища оленеводов Северного Ямала располагаются в долинах рек на плоских тундровых равнинах, покрытых скудной бурозеленой растительностью – мелкими кустарниками и травой. На стойбище оленеводов-частников, или, как их называют сами ненцы, «личников», стоит обычно один чум, покрытый в один слой брезентом. Недалеко, из поставленных полукругом нарт, сделан временный загон для оленей. Возле чума стоят нарты с хозяйст-

венными принадлежностями, частями упряжи и т.д., к каждой из которой привязаны тундровые лайки-оленегонки. Справа от входа в чум, на земле, разложен для просушки мох (нен. *нярсо*), используемый ненецкими женщинами в качестве ветоши для вытирания посуды и столика для еды, а также прокладки в детских люльках. Рядом сложен в кучу мелкий кустарник, употребляемый в качестве топлива для костра. За чумом лежат оструганные заготовки для изготовления нарт.

Оленеводческие семьи здесь в большинстве своем небогатые – в хозяйствах всего по 150-200 голов оленей, новых нарт нет, старые нарты много раз отремонтированы. Внутри чума с левой стороны постелены старые оленьи шкуры для сидения на них днем и спанья ночью.

Сезонные перекочевки с севера на юг и обратно ненцы совершают вдоль рек, обходя их по кругу с левой или с правой стороны. Окарауливание оленей местными пастухами ведется круглосуточно, посменно. Оленеводы пригоняют стадо к чуму два-три раза в сутки для смены оленей в дежурной упряжке. В июле месяце в тундровых ложбинах и оврагах еще лежит снег, поэтому олени, приходя на стойбище, спускаются туда и ложатся, спасаясь в прохладе от жары и назойливых комаров. Чтобы олени не разбежались, пока пастухи пьют в чуме чай, одна из женщин берет собаку на привязи и следит за оленями, отдыхающими на снегу. В июле у оленей происходит линька, и шерсть свисает у них с боков клочьями. При потряхивании мордой и боками олени сбрасывают клочья шерсти, которая тут же разлетается, разносимая ветром.

После чая хозяйка прибирает чайные принадлежности и занимается выделкой оленьих шкур, выскабливая их специальным скребком. Хозяин с сыном в это время за чумом делают заготовки для новых нарт. Древесина для хозяйственных нужд привозится ненцам северного Ямала только зимой из Сё-Яхи по «зимнику». Редко нарты и другие хозяйственные изделия делаются ненцами из плавного леса, подобранного на берегу Обской губы.

Рыбной ловлей местные ненцы занимаются в основном летом. Ближе к п. Сабетта-Яха много проточных озер, таких как Халето, Нарендо, Лимбяндо и др., в которых водится щекур, осетр, хариус, сырок, нельма, налим. Кроме налима вся рыба считается пригодной в пищу. У налима ненцы едят только печень, все остальное идет обычно на приманку для песцов. Ловят рыбу сетями и неводами.

Осенью на реках ловят сетями омуля. У каждой семьи есть свои рыболовные угодья, часто расположенные в границах территории кочевания. Выловленную рыбу едят сырой и вареной. Кроме того, рыбу солят, вялят и коптят, а затем весной обменивают у газовиков на продукты питания и топливо для снегоходов. Для установки сетей и неводов на реках и озерах ненцы используют болотные сапоги и водонепроницаемые куртки, выдаваемые им в совхозе в обмен на продукцию традиционного хозяйства.

Из-за нехватки привозного топлива для снегоходов из поселка ненцы вынуждены заправлять их вымениваемым у газовиков газовым конденсатом, что очень часто приводит к поломкам моторов.

Охотничьи угодья североямальных ненцев также расположены в границах кочевий. Для охоты в каждом хозяйстве обычно имеется около 30 капканов, 40 петель и, как минимум, одно дробовое ружье-двустволка. Охотятся ненцы капканами на песца, шкурки которого сдают на приемные пункты предприятия «Ямальское», национальной общины «Илебц» или, опять же, выменивают на продукты у газовиков. Раньше существовала загонная охота, когда несколько человек на оленьих упряжках загоняли песца и стреляли его из ружей. Мясо песца иногда употребляется в пищу. Кроме песца на этой территории встречается волк, лиса, заяц, россомаха, горноста́й. В конце мая проходит охота на перелетную птицу – гусей, уток, гаг, казарок. Мясо птицы идет в пищу, а пух на изготовление подушек. На диких оленей охотятся тогда, когда они подходят слишком близко к домашним и возникает угроза увода ими домашних оленей.

В июле на Севере Ямала производится резка пантов у оленей. При очередном приходе пастуха со стадом к чуму оленей загоняют в загон, отбирают подходящих и привязывают к нартам. Неокостевшие олени рога-панты различаются по качеству. Самыми лучшими считаются маленькие по размеру. Чем рога больше, тем меньше в них полезных веществ, подходящих для изготовления лекарственных средств.

Всем привязанным к нартам оленям, по очереди, отрезается по одному или по два рога. Тонкой капроновой веревкой от старой сети каждый рог перевязывается у основания, а затем отпиливается пилой-ножовкой быстрыми движениями, чтобы не доставлять оленю много страданий.

Солнце в середине июля еще не заходит, поэтому обычный режим дня несколько сбивается. Горячий ужин для всей семьи, состоящий из ухи и выложенной отдельно вареной рыбы, готовится уже после полуночи, когда закончены основные хозяйственные дела.

Определенную опасность для оленеводческих хозяйств в этой местности представляют падающие с неба отработанные ступени ракет, запускаемых с космодрома «Плесецк» в Архангельской области. Весной 2005 г., незадолго до очередного запуска, к местным пастухам прилетали на вертолете представители МЧС России и просили отвести своих оленей подальше от возможного места падения ракетной ступени.

Осматривая каждый день свое стадо, пастухи примечают ослабленных оленей, которых можно без ущерба для последующего воспроизводства забить на мясо. Оленя забивают удушением. Двое мужчин, затягивают веревку на шее оленя мертвой петлей. Перед этим оленя поворачивают головой на юг, один пастух срывает несколько пучков травы, и трижды обводит ими вокруг шеи оленя.

Олень умирает в течение пяти-десяти минут. После этого один пастух поворачивает тушу на спину и, острым ножом, делает надрез на шкуре оленя от шеи до паховой области. Затем начинается аккуратное отделение шкуры от туши. На ногах шкуру снимают до копыт и отрезают ее вместе с ногой у колена. Шкуры с ног – лапы – идут на пошив обуви. Голову также отрезают и откладывают в сторону.

Тушу без шкуры кладут на большой кусок целлофана, аккуратно вспарывают живот, вынимают и выбрасывают желчный и мочевой пузыри и кишки с остатками пищи. В желудок, заполненный кровью, кладут мелко порезанные кусочки печени, почек и жирного мяса. Начинают трапезу мужчины, затем к ним присоединяются женщины. Каждый выпивает по половине кружки (125 грамм) свежей оленьей крови и съедает в первую очередь печень и почки, обмакивая их в соль и горчицу. Дальнейшую разделку производят женщины, при этом отдельные косточки, хрящи и кусочки мяса достаются собакам. Оставшуюся часть туши семья съедает в течение нескольких дней в сыром и вареном виде. Кровь в желудке сохраняют на нарте в эмалированном тазике. После свежего мяса и крови ненцы обязательно пьют много горячего чая с сахаром, хлебом и маслом.

Вечером вся семья собирается в чуме, где в большом котле варится мясной бульон. Сваренное мясо выкладывают на столик, а бульон заправляют мукой или макаронными изделиями и магазинной борщевой заправкой. Готовый суп разливают по чайным чашкам. После супа каждую чашку женщины протирают насухо кусочком мха-нярсо. В эти же чашки разливается чай.

Лакомством считается вареный олений язык. Его подают только почетному гостю. Прежде чем его съесть, надо, по ненецкому обычаю, отрезать кончик языка и бросить его в огонь, чтобы о тебе не болтали лишнего.

На стойбище, где стоит несколько, чумов устанавливают достаточно большой загон из нарт, обтянутый капроновыми сетями. На нартах лежат свернутые арканы. Аркан для отлова оленей ненцы изготавливают из тонко нарезанных полос выделанной оленьей шкуры (ровдуги). Полосы сплетаются в тонкую веревку длиной до 20 м. Блок для петли делается из кости оленя. Для отлова оленя петлю растягивают, а затем наматывают аккуратными кольцами на руку (7-8 колец, одно больше другого) и зажимают их в кулаке. Остаток аркана собирают кольцами в другую руку. Пастух выискивает в стаде нужного оленя, на шею которого старается набросить аркан. Правильно смотанный аркан в полете разматывается в ровную петлю и попадает прямо на рога или шею оленя. Многие ненцы бросают аркан левой рукой. За неимением аркана из ровдуги некоторые ненцы используют подходящую для этого обыкновенную веревку.

В оленеводческих бригадах предприятия «Ямальское» работает до 8 пастухов. Их жены числятся чумработницами. Из Сё-Яхи к оленеводам периодически приезжают бригадные зоотехники. В августе, в период копытки и оводов, они кочуют вместе с пастухами постоянно, проводя лечебные мероприятия.

Система выпаса оленей у североямальских пастухов несколько отличается от аналогичной у ненцев других районов ЯНАО. Днем и ночью пастухи окарауливают стадо по два человека, объезжая его с двух сторон и не давая оленям далеко разбежаться. Свободная от дежурства смена занимается хозяйственными делами: заготавливает дрова, чинит или изготавливает нарты и упряжь.

Для воспроизводства здорового поголовья оленей до недавнего времени оленеводы совхоза «Ямальский» обменивались быками-

производителями с оленеводами Тазовского района. Сейчас обмен практикуется только пастухами личных стад между собой.

Лето 2005 г. выдалось прохладным, поэтому местные олени почти не болели. В жаркое лето олени на севере Ямала иногда заболевают некробактериозом (копыткой). Чаще ей подвержены олени южного Ямала. Копытка возникает от повреждения оленями копыт о кустарники и разные предметы промышленного производства, брошенные газовиками. Через несколько дней после заражения животное начинает хромать, в местах поражения образуются гнойные язвы. Одними из самых эффективных лекарственных средств являются бициллин, который вводят внутримышечно и марганцовка, которой обрабатывают рану после выдавливания из нее гноя. Больного оленя заваливают на землю два человека. Один берет его за рога и поворачивает голову, склоняя ее к земле, а второй опирается на круп оленя и, ногой подсекает ему задние ноги. Поваленному оленю крепко связывают тряпкой или веревкой здоровые ноги, чтобы он не вырывался и не поранил кого-либо из пастухов. Один пастух держит голову оленя, наступая ногой на рога. Другой – садится на оленя верхом и руками старается выдавить из раны гной. Иногда ножом срезается наросшая сухая корка, и гной вычищается из раны. Очищенную от гноя рану заливают марганцовкой. После этого оленю вкалывают в бедро укол бициллина. Если через некоторое время рана снова начинает гноиться, операцию повторяют. Лечение оленей занимаются не только бригадные зоотехники, но и обученные ими пастухи. Некоторые из пастухов имеют к тому же незаконченное зоотехническое образование. Животных, у которых болезнь запущена, забивают и снимают с них шкуру. Их мясо в пищу не используется.

Более серьезной болезнью является бруцеллез, которому больше всего подвержены взрослые самки. Болезнью поражаются обычно лимфатические узлы и внутренние органы половой сферы. В стадах, зараженных бруцеллезом, повышается количество аборт. Лечение этой болезни не разработано. Зараженные стада обычно отделяют от здоровых. Не допускается перемещение, продажа и обмен больных оленей.

Заболевания оленей бруцеллезом отмечены сейчас только в Тазовском районе ЯНАО, что является одной из причин отказа от обмена быками-производителями с тазовскими оленеводами. Благодаря проводимым на п-ове Ямал профилактическим и лечебным

мероприятиям здесь давно не отмечалось случаев бешенства, ящура и сибирской язвы.

Летом ямальские олени часто страдают от подкожного овода. В августе он не дает оленю спокойно пастись и нагуливать жир. Особенно достается оленям светлой масти. Их шкуры после забоя похожи на решето, и уже не годятся для пошива одежды. Они используются в основном как подстилки на нарты. Прививки от овода делают осенью, а в августе пастухи применяют довольно трудоемкий традиционный способ его уничтожения. Олени, спасаясь от овода, сбиваются в кучу и вертятся на одном месте. Пастухи подгоняют стадо ближе к стойбищу и расстилают вокруг него три-четыре белых или светлых шкуры для приманки оводов. Когда овод садится на шкуру, пастух бьет его палкой, а затем отворачивает ему голову. Это необходимо потому, что овод очень живуч и от удара не всегда сразу погибает. В то время как пастухи бьют овода на приманочных шкурах, их дети ходят с палками внутри кучи сгрудившихся оленей и убивают оводов прямо на них.

После прививок от овода оленьё мясо на время становится не пригодным в пищу. Должно пройти не мене 56 дней, прежде чем привитого оленя можно будет вести на забой.

Большой проблемой для совхозных и частных оленеводов является реализация оленьих шкур после массового забоя оленей на мясо. Малая часть из них обрабатывается для пошива покрышек для чумов, большая – просто сжигается. Раньше шкуры подсаживали и отправляли на перерабатывающие предприятия на «большой земле. Они пригодны для изготовления ремней, сумочек, перчаток».

Зимой ямальские пастухи охотятся на песцов, устанавливая капканы с приманкой. Капканы делают сами, переделывая покупные. По словам ненцев, зимой 2005-2006 гг. должно быть много песка, так как в тундре встречается много леминга, его основной пищи. Раньше загоняли песка на нартах, иногда на снегоходах. Особой выгоды охота на песка не приносит, в Сё-Яхе шкурки принимают по 15 руб. за штуку.

Иногда на севере Ямала появляется много волков, которые мигрируют с территории Тазовского района. Волков специально не отстреливают, если только они не представляют реальной опасности для стада.

Южнее сё-яхинских оленеводов пасут оленей несколько бригад предприятия «Ярсаляинское». Они кочуют в бассейне р. Нурма-Яха, которая впадает в Обскую губу севернее п. Мыс каменный.

Территория бассейна р. Нурма-яха используется в качестве летне-осенних пастбищ. Оленеводы являются штатными работниками предприятия «Ярсаляинское». Одновременно с совхозным здесь выпасается и поголовье личных оленей членов бригад. Оленеводы имеют стабильный заработок и начисление трудового стажа. На первое июля 2001 года в совхозе «Ярсаляинский» имелась 21 оленеводческая бригада. В совхозе официально числились оленеводами 362 человека, около 50% из которых чумработницы. Общее поголовье оленей в этих бригадах составляло тогда около 15000 голов.

На этих же пастбищах пасут оленей и оленеводы-частники, которые не являются работниками совхозов. К ним относятся и пенсионеры, самостоятельно кочующие в тундре. Нередко пенсионеры кочуют некоторое время с родственниками, работниками совхозов, и их олени выпасаются совместно с совхозным стадом. Частники не имеют стабильного заработка, живут на дотации. Пенсионеры получают пенсию. Северо-восточнее Юрибея в районе озера Ярро-То кочуют охотники-частники, поголовье оленей которых составляет от 50-70 до 1500 оленей. Точное количество личных оленей не известно, так как ненцы убеждены, если назовешь точную цифру, то олени погибнут (это относится и к числу детей в семье). Несмотря на все попытки администрации учесть личное поголовье, о его массе можно говорить только приблизительно (среднее количество оленей на человека у Ярсаляинских ненцев – 200 голов; у Мыскаменских – 130).

В зимнее время оленеводы-частники подгоняют свои стада ближе к факториям и поселкам, расположенным на юге полуострова Ямал (Яр-Сале, Сюнай-Сале, Мыс Каменный и др.). Там они сдают продукцию традиционных промыслов и закупают необходимые им продукты и товары.

Оленеводческий цикл оленеводов предприятия «Ярсаляинское» основан на бригадном выпасе и подчинен множеству внешних, административных, факторов, которые регламентируют сроки и маршруты калсания (сезонных перекочевков). Перекочевки на места летних пастбищ начинаются в конце марта, маршрут перехода — через Надымскую Обь, озеро Наречи, мимо Яр-Сале, возле р. Ядая-

хадьяха, возле р. Порсыяха, мимо оз. Тэтанто, и между реками Юрибей и Нурмаяха к восточному побережью. Дорога занимает около 200 касланий в год, одно каслание достигает 8-10, иногда – 25 км. Отел происходит в дороге, обычно это май — начало июня. Для отела выбирают участок маршрута, где меньше рек. Зимние вещи и чумы оставляют в определенном месте, часто там же оставляют и сложенные летние чумы. На местах летних пастбищ бригады обычно находятся с середины июня до начала августа. С августа отправляются в обратную дорогу. Новый год встречают обязательно на конечном маршруте, на местах зимних пастбищ.

Ожюномальская тундра используется и в качестве охотничьих угодий для добычи полевой пушнины. Охотниками в совхозе «Ярсалинский» в 2001 г. числилось 333 человека. В действительности охотой занимались около 200 мужчин, остальные – это жены охотников, выполнявшие такие же обязанности как чумработницы в оленеводстве.

В районе п. Салемал оленеводство развито слабо. До 1991 года в ведении Пуйковского рыбозавода находилось 6 оленеводческих бригад. Они выпасали оленей в тундре у п. Сюнай-Сале и Панаевск (Ярсалинская и Панаевская с/а Ямальского района), п. Кутопьюган и Ныда (Кутопьюганская и Ныдинская с/а Надымского района), на реках Вануйто и Хадата.

В 2004 г. на территории Салемальской с/а выпасали оленей 27 хозяйств оленеводов-частников. Основные пастбища здесь расположены на реках Вануйто и Хадата. В разных хозяйствах имеется от 10 до 188 оленей. Всего, по данным сельской администрации на первое января 2004 года, у салемальских оленеводов насчитывалось 1650 голов оленей.

После разделения совхозного хозяйства доходы Пуйковского рыбозавода стали резко сокращаться. Рыболовство, часто зависящее от капризов погоды, менее рентабельно, чем оленеводство. В 2004 г. рыбозавод был объявлен банкротом. Денег работники практически не видели. В совхозном магазине отоваривались под запись.

Более защищенными могли чувствовать себя только поселковые работники бюджетной сферы (учителя, врачи, воспитатели детского сада и др.) и пенсионеры, которые получают стабильную зарплату или пенсию.

Ханты и ненцы, которые числятся рыбаками Салемальского рыбозавода, в качестве плавательного средства используют бударки. Это большие, уютные рыбачьи лодки с высокими бортами и дощатыми перекрытиями. В них можно ночевать, перевозить маленьких детей, хранить еду. Расположенный на корме мотор может тянуть бударку, как с людьми, так и с большим уловом. Один из мастеров лова Пуйковского рыбозавода сообщил, что эти бударки были изготовлены спецпереселенцами из Астрахани в 1940-е годы. Постепенно нововведение оценили и местные жители. Сейчас пуйковские бударки внесены в Государственный реестр судов России.

В панаевской тундре, по данным похозяйственных книг сельской администрации на первое июля 2004 года, выпасалось 16813 голов оленей с минимальным количеством оленей в одном хозяйстве 9 голов и максимальным – 627 голов.

Оленеводческий совхоз «Панаевский», также как другие совхозы на Ямале и на Гыдане до недавнего времени был нерентабельным. Совхозные оленеводы не получая зарплату на руки, как и в старые времена занимались меновой торговлей. Оленину, пушнину и рыбу, а в летом олени панты они сдавали совхозным приемщикам и частным заготовителям, получая за это муку, сахар, консервы, ткань, брезент, рыболовные снасти и др.

Демографическая ситуация у Ямальских ненцев в целом стабильная, несмотря на то, что некоторые процессы существенно отличаются у тундровой и поселковой групп.

Тундровая группировка ненцев практически мононациональна. Все люди в ней заняты традиционными промыслами: оленеводством, рыболовством, охотой. Среднего или неполного среднего, а старикам и начального образования вполне достаточно для жизни в тундре. В больших неразделенных семьях не прерывается связь между поколениями, бережно сохраняются и передаются традиционные обряды и обычаи, хозяйственные навыки. Традиционный образ жизни, связанный с оленеводством, помогает тундровикам сохранять и развивать свою самобытную культуру.

Поселковые ненцы более подвержены, разлагающему традиционные устои, влиянию цивилизации. Далеко не все из них приспособляются к жизни в поселках, многие спиваются и деградируют. Те, кто получил специальное образование и нашел хорошую работу, все равно не могут влиться в поселковое сообщество, где ведущую роль играют люди некоренной национальности. Дети,

получившие образование в школе-интернате, зачастую не желают возвращаться в тундру, к «трудной» и «однообразной» кочевой жизни, где заботиться о себе и своей семье приходится самому. В поселках заключаются межнациональные браки, которые в большинстве случаев быстро распадаются, сказывается разница в культуре, воспитании, мироощущении. Дети от этих браков становятся маргиналами, не воспринявшими должным образом культуру ни одного из родителей.

В целом, группировка поселковых ненцев представляет собой обособленное сообщество людей, почти полностью утративших традиционную культуру и получивших взамен суррогатную поселковую. Этнические процессы, происходящие в поселках, ведут к постепенной деградации, люмпенизации и деэтнизации коренного населения.

Можно сказать, что демографические процессы у ямальских ненцев имеют положительную направленность в большей мере благодаря тундровой группе.

Комплекс традиционной культуры ямальских ненцев в настоящее время претерпевает ряд значительных изменений, связанных с техногенными изменениями, происходящими на Ямале в связи с промышленным освоением тундры. Сохранение культурных традиций ямальских ненцев связано, прежде всего, с занятием традиционными видами хозяйства – оленеводством, охотой, рыболовством. В оленеводческом хозяйстве, регламентирующем весь жизненный уклад тундрового населения, традиционно осуществляется разделения труда, при котором женщина несет ответственность за дом, семью, детей, а мужчина следит за обеспечением семьи необходимыми продуктами. Относительно замкнутый уклад тундровой жизни позволяет сохранять традиционные верования и обычаи, связанные с бытовой стороной жизни и с семьей.

Развернувшееся в настоящее время промышленное освоение Ямала и связанное с этим строительство индустриальных объектов и транспортных магистралей приводит к ограничению пастбищных угодий, что ведет в свою очередь к сокращению оленеводческих бригад и поголовья оленьих стад. Тундровые ненцы, переселившиеся в поселки, становятся не только безработными, но и вынуждены проходить длительный период адаптации. Отрыв от традиционного образа жизни, нередко — неспособность к переквалифика-

ции, усугубленные общим нестабильным положением в стране, приводят к массовому алкоголизму и люмпенизации.

Наметившиеся в последнее время тенденции к подъему ямальского оленеводства, связанные с налаживанием переработки продукции, развития звероводческих комплексов, созданием пошивочных цехов, а также сбора пантов, не только расширяют сферу занятости коренного населения, но и способствуют сохранению и интенсивному развитию оленеводческого хозяйства.

Безусловно, большое значение для коренного населения Ямала имеет поддержка различных административных структур. Организация и проведение Дня оленевода, вывоз детей школьного возраста на каникулы в тундру, обеспечение оленеводов продуктами питания, дровами, тканями для пошива одежды. Все эти меры являются необходимыми условиями существования оленеводческих хозяйств на Ямале и способствуют сохранению культурных традиций.

ГЛАВА IV.

В НИЗОВЬЯХ НАДЫМА И НЫДЫ

Надымский район расположен в южной части ЯНАО, в бассейне р. Надым и на большей части Тазовского полуострова (небольшой участок на северо-востоке принадлежит администрации сельского поселения Антипаюта Тазовского района ЯНАО). Территория района целиком находится на Западно-Сибирской равнине и представляет собой чередование низменных участков с возвышенностями. Она омывается водами Обской и Тазовской губ. Северная часть района лежит в зоне тундры. Южнее растут лиственничные редкостойные леса. Южная часть находится в лесотундровой зоне. Еще южнее лесотундра постепенно сменяется тайгой. Общая площадь района составляет 110 тыс. кв. км. Здесь проживает около 70 тыс. человек. Из них примерно 3 тыс. – это ненцы, коми и ханты. Большую часть жителей составляют газовики и геологоразведчики, приехавшие в район из разных регионов страны. Они проживают в городах Надым и Ямбург, а также в нескольких вахтовых поселках. На территории района в 1970-90-е гг. были проложены магистральные газопроводы и железные дороги, построены компрессорные станции.

Ненцы живут в этих местах уже более четырех веков. В русских документах они упоминаются здесь с XVII в., а по данным некоторых ученых они заселили эту территорию уже к XVI в. [Вершинин 2000]. В XVIII-XIX вв. надымские ненцы ассимилировали пришедших с низовьев Оби хантов. В первой половине XX в. в низовья Надыма перекочевало несколько семей коми-ижемских оленеводов из Приуралья.

Фамильно-родовой состав коренного населения Надымского района формировался из представителей ненецких родов, хантыйских и коми фамилий с XVII до середины XX в. В разное время и по разным причинам в бассейн Надыма и на Тазовский п-ов переселялись оленеводы из Приуралья, п-овов Ямал и Гыданский, со среднего течения Надыма, с низовьев Таза и Пура.

Ненцами в похозяйственных книгах сельских советов за 2002 г. записаны также несколько человек Есниковых, Собриных, Сязи и Тоболько, хотя эти фамилии являются хантыйскими. По данным Б.О. Долгих, в 1926-27 гг. 1 семья хантов Есниковых жила в меж-

дуречье Надыма и Ныды, а Собрины и Тоболько (Тоболчины) прибыли сюда с Полярного Урала [1970: 84, 107]. Фамилия Сязи происходит с приуральской р. Сыня [Мартынова 1998: 93].

В отличие от классического научного деления всех ненцев на фратрии Харючи и Вануйто, ненцы Надымского и соседнего с ним Тазовского района объединяются во фратрии Ядне и Салиндер, так как на данной территории эти роды являются самыми многочисленными. Впервые это отметила Л.В. Хомич [1966: 301].

Исконными владельцами низовьев р. Ныда считается ненецкий род хантыйского происхождения Нядонги. Более поздние ненецкие переселенцы называли его Ясавэй – *хозяин земли*. По рассказам ныдинских рыбаков, одними из первых ненцев сюда пришли Анагуричи с р. Кутопъеган и Вэлло со среднего течения р. Надым. По р. Ныда и ее притокам издавна кочевали гыданские и ямальские ненцы.

На сегодняшний день в районе имеется всего три национальных поселка – Ныда, Нори и Кутопъеган. Самым крупным из них является с. Ныда, с 1936 по 1972 гг. оно было центром района. Поселки Ватанги, Ярцанги, Хэ, Сядэйхарвутта, Нумги были ликвидированы в 1960-80-е гг. как «бесперспективные», а их население расселено по ближайшим населенным пунктам или поселилось у родственников в тундре.

Национальные поселки района имеют почти одинаковую историю возникновения и становления. Село Ныда расположено в устье реки с тем же названием. Оно было основано в 1896 г. коми-ижемским купцом Ануфриевым. В начале XX в. здесь поселились другие купцы и рыбопромышленники, образовалась фактория. Оленеводы-ижемцы, выкупали землю у ненцев. Они охотились, рыбачили и отдавали половину добычи хозяину земли. Отработка могла продолжаться до 15 лет.

Ныда стала постепенно развиваться после гражданской войны. В 1920-30-е гг. здесь построили почту, начальную школу, первое медицинское учреждение. Сейчас здесь имеются: средняя общеобразовательная школа, больница, узел связи, котельные, банно-прачечный комбинат, хлебопекарня и пр. Местное население работает в ЗАО «Ныдинское» (правопреемнике совхоза «Ныдинский»), на звероферме (выращивают черно-бурых лис), на молочно-товарной ферме, в мехпошивочной мастерской, в цехах по переработке мяса и рыбы, на строительстве жилых домов.

Поселок Нори был основан в устье реки Сады-Яха на месте юрт Наре в конце XIX в. коми-ижемским купцом Филипповым. В 1960-е г. поселок перенесли ниже по течению реки, так как на старом месте был очень высокий берег, создававший неудобство для причаливания судов – катеров и барж. До этого времени все ненцы жили в тундре, а в Нори (Старые Нори) приезжали только за продуктами. В новом поселке ненцы стали оседать, получая жилье и работу. В Нори была школа-интернат, звероферма (ее перевели в Ныду). Особый микроклимат позволяет сажать в этих местах картофель и некоторые овощи. До начала 1960-х гг. весь поселок был обеспечен своим картофелем. До недавнего времени рыбокооп принимал от населения ягоду (чернику, морошку, бруснику, голубику, клюкву) и сушеные грибы. Была здесь и молочно-товарная ферма. Сейчас в поселке имеется начальная школа, почта, отделение райпо «Ныдинское», мехпошивочная мастерская, отделение ЗАО Ныдинское и частное ремонтно-эксплуатационное предприятие. Население Нори занимается оленеводством, ловит рыбу (муксуна, пыжьяна, ерша), и охотится (в основном на белку).

Для решения проблем занятости коренного населения в Нори была организована территориально-соседская община «Недарма». В общину объединились жители поселка и прилегающей тундры. Основными занятиями членов общины являются: рыболовство, сбор дикорастущих растений, выделка оленьих шкур и пошив национальной одежды, изготовление из дерева предметов оленеводческого быта.

Точных сведений об основании п. Кутопьеган мы не имеем. Известно только, что в начале XX в. местные жители занимались здесь кирпичным производством [Дунин-Горкавич 1996б: 337]. По всей видимости, поселок был также основан коми-ижемскими промышленниками в конце XIX в. в устье одноименной реки. В 1930-50-е гг. в Кутопьегане существовал колхоз, где были молочно-товарная ферма и звероферма. В 1961 г. чернобурых лис перевели на звероферму п. Ныда, а здесь был образован рыбоучасток совхоза «Ныдинский». Молочно-товарная ферма прекратила существование еще в 1958 г., когда во время шторма водой унесло заготовленные для коров корма. На сегодняшний день в поселке имеется средняя школа-интернат, клуб, амбулатория, почта, отделение ЗАО Ныдинское, частное ремонтно-эксплуатационное предприятие, центр занятости населения. Местное население пасет оленей,

ловит рыбу, заготавливает сено для ныдинской молочно-товарной фермы.

По данным похозяйственных книг на 2002 г., на территории трех национальных сельских советов проживало всего 3151 человек (Ныда – 1884 чел., Нори – 423 чел., Кутопьеган – 844 чел.). Большинство населения составляли ненцы (в Кутопьегане – 90,6 %). Коми-ижемцев больше всего в Норинском с/с (26 %), а русских – в Ныдинском с/с (26,3 %). К 2008 г. численность населения возросла до 3500 человек. Другие народы Севера представлены здесь немногочисленными хантами, манси и селькупам. Из некоренного населения имеются сибирские татары, украинцы и марийцы. Два процента жителей составляют представители бывших союзных и автономных республик Советского Союза. Более 40 % населения в трех сельсоветах составляют люди трудоспособного возраста (муж. 18-55 лет, жен. 18-50 лет). Образование у коренного населения в основном среднее (в Ныде – 42,1 %) и неполное среднее (в Нори – 24,3 %). Его вполне хватает для работы пастухами, рыбаками, звероведами, рабочим и т.п. Небольшое число специалистов с высшим и средним специальным образованием работает зоотехниками, врачами, учителями и пр.

Во всех сельсоветах преобладают однопациональные, в основном ненецкие, семьи (в Кутопьегане 86 %). Довольно велико количество смешанных браков (в Ныде 22,8 %). Межнациональные браки заключают больше всего ненцы и коми-ижемцы. В поселках не редки браки между русскими и коми, русскими и ненцами.

В отличие от ненцев Ямала и Гыдана в Надымском районе очень мало больших семей. Если, например, в гыданской и антипаютинской тундре средняя семья составляет 10-13, а в отдельных случаях 15-20 человек [Квашнин, 1996: 155, 175], то в Надымском районе самыми большими семьями являются 3 семьи из Кутопьегана состоящих из 11 человек. Число детей в этих семьях не превышает 8 человек.

В тундре Надымского района выпасается более 35 тысяч голов оленей (около 23 тыс. – ЗАО «Ныдинское», около 12 тыс. – «частные»). Промышленный лов рыбы ведется силами работников ЗАО в основном на реках. На Обской губе лов официально запрещен. Ежегодно рыбаки вылавливают до 30 тонн муксуна, обрабатывают его и сдают государству по договору на 120000 руб. Остальную рыбу ЗАО реализует через розничную торговлю.

На 01.08.2002 в ЗАО «Ныдинское» было 16 оленеводческих бригад, оленеводами (пастухами и чумработницами) официально числились 210 человек. Ныдинские пастухи, в отличие от оленеводов Тазовского и Ямальского районов, летом кочуют со стадами оленей отдельно от своих семей. Обычно в весенне-летний период 2-я, 5-я и 4-я оленеводческие бригады выпасают оленей севернее Ямбурга (у Мыса Парусного, Мыса Круглого и на низменности Ненянг-Лапте), южнее (у Мыса Островного и по рекам Верхняя и Средняя Хадыгта) кочуют 8-я и 1-я бригады, а ближе к с. Ныда – 3-я бригада. Стационарные стойбища этих бригад с женщинами и детьми располагаются вдоль побережья Обской губы, а пастухи-мужчины кочуют по тундре с маленькими, облегченными чумами. Всего в северной части Тазовского п-ова выпасается около 10000 оленей. В каждом стаде насчитывается от 1500 до 2500 оленей.

Зимой на пастбища ныдинских оленеводов перекочевывают со своими стадами пастухи совхоза «Антипаютинский» (с/п. Антипаюта Тазовского района ЯНАО). От Мыса Круглого они кочуют на Ямбург, где продают газовикам рыбу и оленье мясо.

Норинские и кутюпеганские оленеводы летом кочуют ближе к побережью Обской губы, а зимой в северотаежной зоне. Поголовье оленей в их стадах значительно меньше, чем в северных, тундровых бригадах – от 100 до 1400 голов. Большие стада в тайге выпасать трудно. В зимнее время на пастбища кутюпеганских оленеводов через Надымскую Обь перегоняют свои стада пастухи совхоза «Ярсалинский» Ямальского района.

Стационарные стойбища ныдинских оленеводов стоят, как правило, недалеко от воды, в низменных местах или под холмами. Чумы обычно поставлены отдельно друг от друга на расстоянии 100 и более метров. Исключение составляют близкие родственники, их чумы стоят примерно в 10-15 метрах. Рядом с каждым чумом установлены маленькие чумики, в которых сушат и коптят оленьи шкуры, предназначенные для пошива малиц. Шкуры подвешивают к жердям, а на земле разводят костер, который затем закладывают мхом и дерном. Прокопченные шкуры разминают и обрабатывают скребком. Иногда в маленьких чумиках держат и выкармливают ягелом ручных оленят.

Оленеводы – ненцы и коми-ижемцы живут в чумах ижемского типа (коми *чом*). В своей основе он не сильно отличается от чума ямальских и тазовских ненцев. Он также состоит из двух опорных

шестов, связанных между собой у основания кожаными ремешками или веревкой, 40 шестов, на которые накладываются 2 покрышки (летом из брезента, зимой, сшитые из оленьих шкур). Однако в отличие от ненецкого чума чом гораздо просторнее. В нем отсутствуют «лишние» детали, например, ненецкий священный шест «симсы», который устанавливают обычно на стороне, противоположной входу.

В центре чома и зимой, и летом стоит печка-буржуйка, ее труба выходит наружу между шестами (антипаютинские ненцы летом разводят посреди чума костер). Покрышки наложены на шесты так плотно, что сверху почти не проникает свет. На земле, по обеим сторонам от печки настелены листы линолеума (зимой кладут половые доски). За печкой стоят столик для продуктов и один или два низеньких столика для еды. Вдоль стен, слева и справа от входа, расположены постели. Они устраиваются из хвороста, циновок и оленьих шкур. На циновки иногда стелят суконные покрывала. У самой стены лежат покупные подушки и одеяла из оленьих шкур. Над каждой постелью подвешен ситцевый полог. Справа от входа лежат традиционные ненецкие сумочки для швейных принадлежностей и большие мешки для кусков шкур, заготовок для пошива одежды. Слева от входа на шесте или возле печки укреплен ручной мойник, под которым стоит ведро или эмалированный тазик. Освещается чом керосиновой лампой. У некоторых оленеводов имеются дизельные электростанции «Ямаха». В теплую погоду край покрышки, закрывающей вход, постоянно откинут, и свет проникает в чом через него. В комариный период вход закрывают капроновой сеткой.

Печка в чоме не угасает практически круглосуточно. Заготовка дров не составляет проблем. Вдоль берега в изобилии растут лиственницы и различные кустарники, а севернее, на берегу, достаточно плавного леса.

Для сравнения, у ненцев Тазовского района все постельные принадлежности изготавливаются из шкур, пологи и рукомойки почти не встречаются, а огонь в чуме разводится только для приготовления пищи.

Нарты с вещами у ныдинских ненцев расставляются вокруг чума, рядом с чумом в два-три ряда, или в отдалении, на холмах. Священные нарты, где ненцы обычно хранят изображения умерших предков, встречаются редко. Часто их заменяют небольшие

деревянные ящички (нен. *хэхэ-лабтэй*), завернутые в сукно и стоящие на деревянных подставках позади чума.

Некоторые семьи живут в стационарных балках и палатках. Так на стойбище 8-й бригады нами было зафиксировано 5 чумов и 4 балка. Всего один чум из пяти был жилым, возле него стоял маленький коптильный чумик, в четырех других были устроены дымокуры для копчения шкур. Остальные семьи жили в деревянных балках, обшитых сверху листами рубероида. В балках были установлены нары, печки, столы.

Стационарное стойбище 1-й бригады было разделено на две части. На берегу Обской губы стоял одинокий чум, недалеко от которого находилась небольшая деревянная постройка, используемая под баню. Другая часть бригады располагалась дальше от берега, в нескольких километрах от первой, между невысокими сопками. Его обитатели жили в двух балках и одной большой палатке. Рядом с небольшим озером был сделан, круглый по форме, загон-кораль для подсчета оленей, обтянутый сетями и веревками.

Более сложный кораль находился у стационарного стойбища 3-й бригады в устье р. Верхняя Хадытта. Он состоял из 4-х камер: большого общего загона, и меньших по размеру предварительной, рабочей и запасной камер. На стойбище находилось 5 чумов, в двух из которых жили родственники. Недалеко от первого чума стоял большой балок промышленного производства. Хозяева чума, старики, собирались перебраться в него с наступлением холодов, а пока использовали под баню для всего стойбища.

Обитатели летних стационарных стойбищ – старики, женщины и дети – занимаются повседневными делами. Мужчины ловят рыбу и чинят сети, а женщины заготавливают дрова, готовят еду, выделывают шкуры и шьют одежду. Дети собирают ягоды, ухаживают за ручными оленятами, помогают родителям.

Для ловли рыбы у каждой семьи имеются покупные ставные сети и моторные или надувные лодки. Сети ставят обычно в тихую, безветренную погоду, проверяя через день. Хорошим уловом считаются 2-3 стандартных ящика муксуна. Рыбу едят свежей, варёной и жареной. При большом улове рыбу засаливают в больших металлических бочках, которые закапывают в песок недалеко от берега. Там она хранится до осени, до начала перекочевки на зимние пастбища. Солёную рыбу едят, если нет мяса или свежей рыбы, обычно

в штормовую погоду, когда невозможно поставить или проверить сети.

Оленеводы кочуют по тундре по верховьям рек и речушек, далеко от стационарных стойбищ. Кочевое стойбище располагается обычно на плоской возвышенности, с которой удобно наблюдать за движением стада. На стойбище стоят 2 облегченных чума и несколько легковых нарт.

Чум оленеводов в два раза меньше по размеру, чем стационарный. Он состоит из 20-ти деревянных шестов, воткнутых заостренными концами в землю и обтянутых брезентовыми нюками. Вдоль стен расставлены 3-4 раскладушки или разложены олени постели. В центре чума стоит печка-буржуйка или горит костер. Иногда в качестве печки используется обыкновенное ведро. Ближе к выходу лежат свернутые арканы, личные вещи пастухов и лекарственные препараты.

Оленей ныдинские пастухи окарауливают, объезжая стадо с двух сторон и не давая оленям разбежаться по тундре. Ночью олени пасутся без присмотра. Для отпугивания волков на рога оленям вешают большие колокольчики-ботала. Раньше стада караулили круглосуточно, волков отпугивали криками. Ныдинские пастухи, так же как и другие, практикуют спокойный выпас, при котором олени меньше нервничают и лучше нагуливают жир. Когда олени много бегают, они ранят копыта о ветви кустарников, худеют, чаще болеют. Обычно пастух ходит пешком, держа передового оленя под уздцы. Собаку использует мало. Водные преграды олени преодолевают вплавь широким потоком. Спасая оленей от комаров, пастухи делают дымокуры. Они разводят костры с четырех сторон стада, постепенно засыпая их землей и закладывая дерном.

Свободная от дежурства смена занимается хозяйственными делами: заготавливает дрова, готовит пищу, чинит или изготавливает нарты и упряжь. Периодически свободные пастухи приезжают в стационарные стойбища, к своим семьям. Они привозят им мясо и забирают у них рыбу.

Иногда ныдинские пастухи, вылавливают весной из Обской губы осетра, нельму, муксуна и запускают их в несколько тундровых озер. По мере надобности они достают рыбу неводами из этих естественных хранилищ. У осетра надрезают поперек кожу у хвоста и головы, а также делают три надреза вдоль туши. Затем снимают кожу большими кусками. Разрезав брюшную часть, вынима-

ют и выбрасывают внутренности. Потом отрезают хвост и голову. Рыбу делят на несколько частей и подают к столу.

Основным заболеванием оленей в августе является копытка. Уже к началу месяца она приобретает массовый характер. Олени северных бригад заражаются этой болезнью на р. Хэм-Паюта. Для лечения копытки используют лекарственный препарат бициллин внутримышечно и раствор марганцовки для дезинфицирования раны. Иногда гной из раны вымывают оленьей мочой из шприца.

При простуде и воспалении легких (на раннем этапе) также используют бициллин. Если упустить момент, олень ослабевает и погибает.

Иногда олени страдают от заболеваний рогов. Рога аккумулируют в себе микроэлементы и витамины, которые к осени переходят в организм. Окостеневшие рога отпадают. В конце августа олени начинают чистить рога о ветви кустарников. Если к зиме какой-нибудь олень не очистил рога до конца, значит, он ослаб и весной, скорее всего, умрет. У оленей бывает переохлаждение головы, когда ранний снег ложится на неокостеневшие рога. При загноении рогов их отпиливают. Если гной пошел дальше, рог высверливают внутрь, до тех пор, пока не брызнет свежая кровь и не вымоет гной. Вновь образующийся гной периодически вычищают ножом до полного затягивания раны.

Весной олени погибают от носового овода. Для профилактики необходимо делать прививки в октябре. В ноябре бывает поздно, так как личинки уже подрастают, и лекарство на них не действует. От носового овода избавляются также с помощью солярки, которую впрыскивают шприцом в носоглотку и олень отхаркивает личинок. Для прививок от овода используют такие лекарства как «Фэнтон» и «Вэмэк».

Осенью производится выбраковка оленей, если у оленя шерсть в завитушках, у него плохие легкие.

Еще одним серьезным заболеванием является бруцеллез. При этом заболевании у оленей опухают суставы, у самцов начинают опухать яички, а у важенок случаются выкидыши. Сейчас бруцеллез распространен у тазовских оленей. Ныдинские оленеводы, которые периодически (1 раз в 2 года) производили с тазовскими обмен быками-производителями, сейчас меняются с ямальскими пастухами или со своими же южными бригадами.

В конце августа северные ныдинские бригады начинают перегонять свои стада на осенние пастбища. В середине октября они уходят оттуда, и примерно к 18 декабря достигают мест зимних кочевий. В конце ноября происходит «корализация» – подсчет, выбраковка и отделение оленей на забой. Корализацию проводят на р. Верхняя Хадытта, где стоит специально сделанный для этого кораль, а забой проходит на р. Хус-Яха, недалеко от которого стоит 9-й газопромysel управления «Ямбурггазодобыча». При массовом забое оленей забивают ударом топора по затылку. Затем тушу подвешивают за задние ноги, разрезают горло и сливают кровь в специальные урны. Кровь и субпродукты отправляют на поселковую звероферму на корм чернобурым лисам. При забое оленя для собственного пропитания оленя медленно душат веревкой, обернув ее мертвой петлей вокруг шеи. Говорят, от удушения кровь становится гуще.

С конца декабря по конец марта олени отдыхают, нагуливают жир. В конце марта начинается каслание на весенние пастбища. К концу мая оленей пригоняют на отельные места. У 5-й бригады это р. Итюк-Яха, недалеко от р. Хэм-Паюта. В этом месте много ям, где оленям можно укрыться от буранов и метелей. Кроме того, это богатое ягелем место. Олени 3-й бригады телятся обычно на р. Хус-Яха. Если важенка не может отелиться сама, ей помогают люди, вытаскивая теленка руками. Иногда важенка отказывается от теленка. Тогда ее привязывают к нарте, теленка мажут ее кровью и подсовывают под нее. Если важенка все же отказывается кормить теленка, его выкармливают в чуме из соски.

В зимне-весенний период, как уже говорилось, к Ямбургу подходят со своими стадами Антипаютинские и Находкинские ненцы (п. Антипаюта и п. Находка, Тазовский р-н). Возле газопромысла № 2 (ГП-2) зимой 2002 г. кочевали оленеводы 7-й бригады совхоза «Антипаютинский» (3 семьи, около 3000 оленей). Рядом с ГП-3 пасли своих оленей до десяти семей антипаютинских оленеводов-частников, а возле ГП-4 – до пятнадцати. Находкинские частники кочевали у ГП-6 и ГП-7, а также в верховьях р. Пойлово-Яха. В каждой семье оленевода-частника имелось от 500 до 2000 оленей. Всего возле Ямбурга и прилегающих газопромыслов почти каждую зиму выпасается около 20000 оленей антипаютинских и находкинских ненцев.

Зимой ныдинские коми и ненцы носят универсальную ненецкую одежду – малицу и совик, а летом только малицу, надеваемую на покупную одежду. Малицы носят как мужчины, так и женщины. Женская малица отличается от мужской только более светлым цветом капюшона. У коми-ижемцев, живущих в Ненецком автономном округе Архангельской области, капюшон женской малицы изготавливается из шкуры белого олененка [Хомич 1970: 47]. Традиционные ненецкие ягушки жены ныдинских оленеводов носят редко. Говорят, что они очень тяжелые, давят на плечи, для их пошива требуется много времени и оленьих шкур.

Языком межнационального общения между оленеводами ненцами и коми-ижемцами служит русский. Многие ненцы владеют тремя языками – ненецким, русским и коми-ижемским. В некоторых ижемских семьях говорят на своем и русском языках. В языке коми-ижемцев много заимствований из русского и ненецкого языков.

Под влиянием ижемцев у ныдинских ненцев изменились традиционные верования. В некоторых чумах можно встретить старинные и современные иконы. Традиционные обряды и обычаи многие ненцы исполняют скорее по инерции, чем по глубокому религиозному убеждению. В тундре не осталось пожилых людей, которые могли бы наблюдать за должным исправлением традиционных религиозных предписаний.

В заключение заметим, что коренные жители Надымского района ЯНАО (по сравнению со своими соседями, тазовскими и ямальскими ненцами) являются более цивилизованными. Это стало результатом межнациональных контактов ненцев с коми и промышленного освоения района в 70-90-е гг. XX в. Коми всегда были очень восприимчивы ко всему новому, извлекали из него максимальную выгоду и затем воздействовали на культуру и быт соседних народов. Под влиянием коми-ижемцев ныдинские ненцы утратили многие черты своей национальной культуры. У них упростился тип и внутреннее убранство жилища, одежда. Обучение и воспитание детей оленеводов в школах-интернатах привело к тому, что ненцы стали забывать свои традиционные обычаи и верования. Увеличилось число межнациональных браков. Как положительную сторону цивилизации можно отметить контакты оленеводов с газовиками, которые позволили им наладить взаимовыгодный обмен продукции традиционных промыслов на промышленные товары.

Кроме того, ныдинские коми и ненцы стали более открытыми и коммуникабельными, в отличие от стеснительных и неразговорчивых ненцев Тазовского района.

Развитие этнических процессов в этом направлении, обусловленных рядом факторов экономического и социального характера, прогнозировала в 1970 г. Л.В. Хомич [1970: 58-61]. Если международные контакты и промышленное освоение Надымского района ЯНАО и дальше будут развиваться столь же интенсивно, то в обозримом будущем ненцы и коми на этой территории могут полностью утратить свой национальный облик и превратиться в маргинальную группу оленеводов и рыбаков.

ГЛАВА V.

ЛЕСНЫЕ НЕНЦЫ

Лесные ненцы расселены в лесотундровой и таежной зонах Тюменской области. По местам проживания они разделяются на семь локальных групп. Четыре из них живут на территории Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, они приписаны к поселкам Тарко-Сале, Харампур, Халясавэй и Вынгапур. Еще три локальные группы проживают в Ханты-Мансийском автономном округе: около оз. Нумто на границе Белоярского района с Надымским районом ЯНАО, в районе п. Сытомино Сургутского района и в районе п. Варьёган Нижневартовского района.

Самоназвание лесных ненцев *нешанг* – люди. В научной литературе они известны под названием *пян хасово* – лесные люди. По официальной классификации лесные ненцы считаются одной из двух этнографических групп ненецкого этноса, хотя имеются основания для выделения их в отдельный народ. Переписью 2002 года в отдельную графу они не выделялись. По оценочным данным всего лесных ненцев насчитывается около 3000 человек. Представители этой группы говорят на языке (официально – лесном диалекте ненецкого языка), относящемся к самодийской ветви уральской языковой семьи. В языке различают пуровский (на котором говорит около половины всех лесных ненцев), ляминский и нялинский говоры.

До недавнего времени лесные ненцы не имели собственной письменности. Только в 2000 г. в Санкт-Петербурге был выпущен первый картинный словарь русско-нешанского языка – «Хомаку» [Приходько 2000]. До этого обучение в национальных школах шло на русском языке, а в качестве родного преподавался язык тундровых ненцев.

Отличия языков лесных и тундровых ненцев можно сравнить с отличиями в русском и украинском или в поволжско-татарском и сибирско-татарском языках. В области морфологии и лексики отличия настолько значительны, что затрудняют взаимное понимание между лесными и тундровыми ненцами. С фонетической точки зрения язык лесных ненцев ближе к селькупскому языку [Хомич 1995: 32]. Лесные ненцы, учившие в школе язык тундровых ненцев, немного понимают их речь, когда те говорят медленно.

Лесные ненцы отличаются от тундровых и по образу жизни. Многие из них ближе к таежным жителям – хантам и селькупам, главным в хозяйстве которых является не оленеводство, а рыболовство и охота. Однако типы жилища оленеводов, нарт, оленьей упряжи, способы ловли оленей сходны с тундровыми.

Ловят рыбу лесные ненцы также как и большинство хантов и селькупов – на реках и протоках, перегораживая их запорами из жердей и устанавливая плетеные из прутьев или проволоки морды. Каждый рыбак ставит заборы недалеко от своего стойбища.

Хозяйственный комплекс лесных ненцев классифицируется А.В. Головневым как таёжно-ненецкий. В XIX-начале XX в. этот тип был распространен в бассейне р. Пур и северотаёжных районах водораздела Пура и Оби. Его характерными особенностями были: рыболовство, производившееся в течение лета и первой половины осени посредством заборов, малых неводов, сетей и острог; охота на дикого северного оленя, проходившая осенью, зимой и ранней весной при помощи оленя-манщика, маскировочного щита и загонным способом; зимний промысел пушного зверя; летняя охота на водоплавающую и осенняя охота на боровую дичь. Домашние олени находились летом на полувольном выпасе, в комариный период для них сооружались дымокуры, иногда стада окарауливали как у тундровых оленеводов. поголовье оленей не превышало 100 голов на одно хозяйство и имело как транспортное, так и пищевое значение. Хозяйство лесных ненцев было полностью натуральным. Необходимые промышленные товары и изделия из металла приобретались путем обмена на продукцию традиционных промыслов [1993: 125].

Другие исследователи выделяли четыре варианта традиционной оленеводческой системы, распространенных у лесных ненцев в начале XX в. Первый вариант встречался в верховьях Пура, а также в районе оз. Нум-то и на северных притоках Агана, где лесные ненцы вступали в контакты с восточными хантами. Для него был характерен вольный выпас оленей, практиковавшийся малоолёнными хозяйствами. Второй вариант был отгонным, с полувольным выпасом на водораздельных болотах. Ему соответствовало большее число оленей, от 50 до 300 голов. Этот вариант локализовался в основном на среднем течении Пура, хотя встречался и в верховьях, а также в бассейнах рек Пяку-Пур и Айваседа-Пур. Третий вариант был близок к тундровому типу оленеводства. Он распространился в

лесотундровой зоне среднего Пура. Здесь лесные ненцы практиковали круглосуточное окарауливание стад и применяли оленегонную собаку. Четвертый вариант бытовал у ляпинских ненцев, которые занимались совместным выпасом малооленных стад разных хозяев, что было характерно также и для верхнепуровских ненцев [Карапетова 1986: 50-51; Козьмин 1986: 45-48].

О роли, которую играло оленеводство у лесных ненцев, свидетельствуют названия некоторых месяцев в их календаре. Так апрель в некоторых локальных группах называется месяцем ночного отела, май – месяцем настоящего отела, октябрь – месяцем коров (важенок), ноябрь – месяцем спада рогов у крупных самцов, декабрь – месяцем спада рогов у второродков [Карапетова 1986: 52; Зенько 2004: 6].

Хозяйство лесных ненцев Сургутского и Нижневартовского районов ХМАО в XX в., по данным исследователей, было комплексным. Ведущая роль в нем принадлежала охоте и рыболовству, а мелкостадное оленеводство играло вспомогательную роль. До недавнего времени хозяйство здесь отличалось устойчивой системой землепользования. Промысловые угодья, включавшие в себя территорию необходимую для рыболовства и охоты, а также оленьи пастбища, были закреплены за отдельными семьями или группами родственных семей. В пределах своей территории ненцы совершали миграции, чередуя сезонные хозяйственные занятия. По мере укрупнения колхозов и сокращения количества поселков, а затем промышленного освоения районов, традиционный хозяйственный уклад постепенно деградировал. Рыбаки, охотники и оленеводы стали постепенно переселяться на менее продуктивные угодья или в поселки, где неизбежно сталкивались с отсутствием жилья и работы [Карапетова и др. 1995: 5-6].

В конце XX в. только небольшая часть лесных ненцев Нижневартовского района ХМАО проживала в тайге на своих промысловых угодьях. Хотя в прошлом традиционные промыслы обеспечивали работой большую часть коренного населения. Изменение социального положения ненцев привели к утрате ими многих навыков традиционной культуры. Похожая ситуация сложилась и у лесных ненцев Сургутского района ХМАО.

Лесные ненцы Пуровского района ЯНАО до недавнего времени в большей степени, чем ненцы ХМАО сохраняли оленеводство. После развала совхозов в начале 1990-х гг. здесь также произошло

перераспределение общественных и частных оленей. Сейчас оленеводство и в этих краях стало вспомогательной отраслью. Основным занятием коренного населения района является рыболовство. Рыба – основной продукт в повседневном рационе питания и один из источников постоянного дохода.

В Пуровском районе существует несколько национальных родовых общин лесных ненцев – Сугмутско-Пякутинская, Харампуровская, Пяко-Пуловская и др. Они были созданы более 15 лет назад, при активном содействии добывающей компании Ноябрьск-нефтегаз. Общинники занимаются сезонным ловом рыбы, в меньшей степени оленеводством.

Хозяйственная территория Пяко-Пуловской общины охватывает бассейн реки Пяко-Пур. Правление общины находится в поселке нефтяников Ханымей. Места проживания ханымейских ненцев находятся в зоне интенсивного промышленного освоения нефтегазоносных месторождений, что оказывает сильное влияние на их традиционную хозяйственную деятельность и культуру. Происходит постепенное переселение ненцев в поселок, на деньги в виде различных дотаций и пособий, а также от продажи рыбы они имеют возможность обзаводиться любыми техническими средствами.

Одеваются ненцы в современную покупную одежду. Традиционная одежда – мужская малица и женская ягушка из оленьих шкур – используется в основном зимой. Нововведением является использование ткани защитного цвета (камуфляжа) для пошива летних малиц. Зимние малицы отдельные ненцы шьют не из оленьих шкур, а из овчины, избавляя себя от постоянного вытряхивания из натальной одежды вылезавшего из шкуры оленьего волоса.

В настоящее время шесть ненецких семей живут в коттеджах п. Ханымей, а их чумы, нарты с вещами и хозяйственные принадлежности находятся под присмотром родственников, живущих в тундре. Некоторые ненцы приспособливают под жилье балки, оставшиеся от экспедиций геодезистов.

На стойбище оленеводов, расположенном на р. Нюдя-Хаслета, в радиусе 500 м в 2007 г. стояло 10 чумов группами по 2-3 чума на расстоянии друг от друга в 20-50 м. Пространство вокруг представляло собой типичный лесотундровой ландшафт – заболоченную редколесную равнину, занятую плоскобугристыми торфяниками, на которых произрастают кустарники, мох, и лишайники. Из хвойных пород деревьев здесь преобладают сосны, на водоразделах

много берез. Вокруг чумов стоят нарты с вещами, закрытыми полиэтиленовой пленкой и туго перевязанными веревкой. Продукты ненцы хранят на деревянных настилах установленных на четырех полуметровых столбах.

Снаружи и изнутри чум лесных ненцев почти не отличается от чума тундровых ненцев. Остовом чума служат 43 деревянных шеста, на которые натянуты брезентовые покрывки. Внутри чума на правой и левой сторонам от входа располагаются постели. У задней стены стоит высокий столик для продуктов, а рядом с ним два низких столика для еды.

Основным отличием является отсутствие в чуме очага. Летом очаг, в виде костра, двух колышков и перекладки, находится на улице, там варят мясо и рыбу, пекут хлеб, а посреди чума разводят дымокур из гнилушек от комаров и мошки. Дымовое отверстие наверху плотно закрывают снаружи от дождя полиэтиленовой пленкой. Металлические печки-буржуйки (иногда сделанные из половины двухсотлитровой бочки из-под бензина) лежат недалеко от чума в ожидании холодов. Священный шест симсы, располагающийся у тундровых ненцев обычно на противоположной входу стороне чума, также отсутствует, хотя местные женщины соблюдают обычаи и ходят по чуму, только обогнув очаг.

За чаем в чуме собирается вся семья, рассаживаясь вокруг низких столиков. На стол выставляется сахар, масло, сгущенное молоко, сушки, печенье и хлеб. Хлеб в виде больших, пышных лепешек многие ненецкие хозяйки пекут сами в больших кастрюлях на растительном масле. Если хозяин наловил рыбы, то к столу подается уха.

В окрестных мелководных реках и озерах ловится в основном язь, окунь, карась и другая соровая рыба. Летом ненцы ловят рыбу только для себя, а с наступлением холодов проводят массовый лов на продажу на р. Пур. Сдают рыбу обычно в Пякопуровскую общину (которая занимается ее дальнейшей реализацией), часто продают на нефтепромыслы.

Оленеводство в этих краях с каждым годом идет на спад из-за постоянного сокращения пастбищных угодий в результате промышленного освоения территорий. В начале 1960-х гг. в Пуровском районе насчитывалось более 26000 голов домашних оленей и пастбища, по оценкам специалистов, позволяли производить некоторое увеличение поголовья [Хомич 2005: 401]. На сегодняшний

день общее поголовье оленей в районе составляет около 32000 голов. Оно разделено между местными сельскохозяйственными предприятиями и оленеводами-частниками почти поровну. Такое количество оленей считается оптимальным даже при сокращении пастбищ за счет развития предприятий топливно-энергетического комплекса. Местные власти полагают, что сохранить этот баланс позволит изгородное содержание оленей на мелких и труднодоступных участках. В рамках программы «Развитие АПК на территории Пуровского района на 2006-2010 гг.» Для ООО «Совхоз Верхне-Пуровский» уже построено 60 км. изгороди для выпаса оленей и по окружной целевой программе закуплено 1000 голов оленей в Ямальском районе. Эти мероприятия позволили совхозным оленеводам повысить сохранность взрослого поголовья, улучшить качественный состав оленей, что привело к значительному увеличению валового производства мяса.

Промышленное освоение территории Пуровского района в большей мере затронуло не совхозных оленеводов, а частных и тех ненцев, кто объединился в общины. Например, 10 чумов, стоящих на р. Нюдя-Хаслѣта, со всех сторон окружены дорогами, нефтепроводами и нефтепромыслами. На ограниченной территории оленеводы выпасают всего около 1000 оленей, принадлежащих хозяйствам чумов.

Оленеводы Пяко-Пуровской общины выпасают оленей вдалеке от стойбищ и нефтепромыслов, на безлесных равнинах, хорошо обдуваемой ветрами. Окарауливают стадо два пастуха, обходя стадо пешком и без собак. От гнуса оленей спасают с помощью дымокура. Когда их пригоняют с пастбища к стойбищу, чтобы сменить пастухов, хозяин поджигает тундровой мох. Ветер несет дым на оленей, которые сразу успокаиваются и ложатся на землю отдыхать. Иногда комары и мошка так донимают оленей, что, отойдя от дымокура уже на значительное расстояние, они возвращаются к нему снова. Оленегонные собаки используются для окарауливания только зимой и на охоте в весенний и осенний охотничий сезоны. Летом собак привязывают к деревянному колышку, вбитому в землю за чумом. Для того чтобы собака не страдала от комаров и мошки, для нее выкапывают в земле небольшую яму, закладывают сверху тонкими бревнышками, а вход прикрывают тряпицей. Так же спасают своих собак и некоторые юганские ханты.

Социальная организация лесных ненцев довольно хорошо изучена. Традиционно в их составе различают четыре рода – Айваседа (Нгэвацата), Пяк (Пяхт), Вэлла (Вэлло) и Иуси (Ивши). Род Айваседа (безголовый) имеет подразделения: Дёхт (запор для ловли рыбы), Нгаханэй (старинный), Дянтота (дрожащий, трясущийся), Нойсама (суконная шапка). Род Пяк (лесной) делится на группы: Сэпа (сухое дерево), Нгаэвахей (головной, первый) и Панхэй (подольный, последний). У Вэлла имеется подразделение Тугуйла (тканевый, суконный) [Хомич, 1976. С. 103, 104, 106-107].

На обследованной нами территории проживают ненцы Пяк и Айваседа. Почти все обитатели стойбища на р. Нюдя-Хаслёта носят родовую фамилию Пяк и приходятся друг другу близкими и дальними родственниками. Брачными партнерами Пяков выступают Айваседы и наоборот. По словам самих ненцев, браки внутри родов Пяк или Айваседа разрешаются, когда жених и невеста относятся к разным подразделениям рода. На периферии расселения лесные ненцы вступают в брачные контакты с селькупам, хантами, русскими.

Деление лесных ненцев на подразделения (ватаги) отмечалось ясачными сборщиками со второй половины XVIII в. Сегодня ханьмейские ненцы при ответе на вопрос, «из какого ты рода», отвечают обычно – Панхэй или Дёхт, и потом уточняют, чтобы было понятно спрашивающему – Пяк или Айваседа.

Такая система брачно-родственных отношений у лесных ненцев должна была привести к сужению круга брачных партнеров и увеличению числа близкородственных браков, что неминуемо повлекло бы за собой генетические заболевания. Однако, по данным Института цитологии и генетики СО РАН, в конце 1970-х годов у лесных ненцев сложилась благоприятная генетико-демографическая ситуация, что позволило охарактеризовать лесных ненцев как благополучную популяцию растущего типа [Турутина, 2000. 12].

Обобщив данные по брачно-родственным отношениям у лесных ненцев, можно сделать некоторые предварительные выводы. Сегодня у лесных ненцев существует дуально-фратриальная организация наподобие той, что существует у тундровых ненцев (Харючи-Вануйто). Пяк и Айваседа являются фратриями, включающими в себя ряд малых родов или патронимий. Роды Вэлла и Иуси влились в эту систему позднее. Браки лесных ненцев с представи-

телями других национальностей приводят к расширению круга брачных партнеров, что положительно отражается на генетико-демографической ситуации.

Хорошо сохранились у ханымейских ненцев обычаи, связанные с захоронением умерших. Хоронят покойников обычно на высоком берегу реки, озера или болота не очень далеко от стойбища. После смерти родственника его семья обычно перекочевывает на другое место. Могила выкапывается в земле в направлении восток-запад, внутри нее делается из досок деревянный ящик, сверху кладутся доски и могила засыпается землей. Над могилой, в головах покойного, устанавливается деревянная П-образная конструкция из тонких бревен (примерно в рост человека), с подвешенным к ней колокольчиком. Перед могилой кладут перевернутые сломанные нарты покойного, также в направлении передней частью на запад. Недавнее захоронение можно узнать по могильному холмику и свежеструганным бревнам. На П-образную конструкцию женской могилы подвешивают чайник. Над детской могилой конструкция меньше по размеру, чем над взрослой. Встречаются единичные наземные захоронения-хальмеры в виде деревянного гроба-ящика, подобные хальмерам тундровых ненцев.

Оленеводство лесных ненцев это целый комплекс взаимосвязанных хозяйственных занятий, с которым тундровик связан всю свою жизнь от рождения до смерти. Оно имеет натуральный, потребительский характер, обеспечивая главные повседневные потребности тундровиков в пище, в материалах для пошива одежды и обуви, постройки жилища, в транспорте и пр. Домашний олень у лесных ненцев считается источником жизни. По численности оленей в стаде определяют социальный статус хозяина. Чем больше оленей, тем больше его уважают соседи. Оленей стараются беречь, на шкуры и на мясо забивают только по необходимости.

В новых экономических условиях лесным ненцам, оленеводам и рыбакам все труднее становится сохранять привычный образ жизни. Расширение зоны разработок нефтяных месторождений на территории Пуровского районе приводит к сокращению пастбищных угодий и загрязнению рыбных водоемов. Оленеводы вынуждены уводить свои стада в отдаленные места, где еще сохранились ненарушенные промышленным освоением территории. Молодое поколение ненцев, воспитанное в интернатах, легче адаптируется в меняющейся обстановке и чаще оседает в поселках. Однако пере-

селение всех ненцев в поселок это не выход из сложившейся ситуации. Только разумное хозяйствование, бережное отношение к природе Пуровского района и к его коренным обитателям, ощущающими себя частью природы, поможет сохранить неповторимую культуру лесных ненцев для будущих поколений.

ГЛАВА VI.

НА ГЫДАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

На правом берегу Обской губы, в северо-восточной части ЯНАО расположен Тазовский район. Он занимает п-ова Гыданский, Мамонта, северо-восточную часть Тазовского п-ова и низовья р. Таз. Территория района, находится в пределах Западно-Сибирской равнины, на которой чередуются низменные участки с возвышенностями, занимающими речные водоразделы и высокие морские террасы. В северной части полуострова Гыданский и на полуострове Мамонта простирается Гыданская низменность. На заболоченных равнинах р. Таз расположена Тазовская низменность. В западной части Гыданского полуострова находится Юрибейская, а в юго-восточной – Танамская возвышенности. По границе с Пуровским районом расположен Нижне-Пуровский увал, а на востоке района по границе с Красноярским краем – Средне-Тазовская возвышенность. Вся территория района находится в тундровой зоне, лишь на юге начинается лесотундра.

Хозяйственное освоение территории Тазовского р-на началось еще в 1920-е гг. В 1921 г. была восстановлена фабрика Хальмер-Седэ (ныне п. Тазовский), основанная еще в 1907 г. в устье Таза представителями латышского торгового товарищества «Нижнеобское». В 1929 г. в ней открылась первая в районе школа, а в 1930-м г. – больница [Квашнин 1996: 104].

В начале 1930-х гг. на севере Гыданского п-ова, в устьях одноименных рек были построены фабрики Юрибей и Гыда Ямо, на юге полуострова – фабрика Янца (ныне п. Антипаюта), в низовьях р. Мессо – фабрика Уралгосторга (ныне фабрика Мессо), на восточном берегу Тазовского п-ова – фабрика Ямбург-Сале, на западном берегу Тазовской губы – фабрика Находка, в низовьях Таза – фабрики Тибей-Сале и Нямбой-То. На западном берегу Гыданского п-ова бывшая фабрика стала поселком Напалково. Вместе со строительством колхозов началось расширение большинства фабрик и превращений их в поселки. Современные названия поселков окончательно оформились в 1940-50-е гг.

Название Гыда происходит от искаженного ненецкого слова «нгэдя», что переводится как «прикрытие, место засады» [Вербов 1937]. Поселок получил название по реке, на которой был постро-

ен. По данным А.К. Матвеева, река Гыда невелика и, раньше именовалась Хассейн-То-Се, т.е. «Протока озера Хассейн-То (в этом озере начинается Гыда)» [1997: 36]. По всей видимости, эта узкая протока использовалась ненцами как место массовых поколов диких оленей.

Современные названия р. Антипаютаяха и п. Антипаюта также являются русифицированными искажениями ненецких слов. Поселок вырос из фактории Янца (Янца паюте). Это название происходит от глагола «янзь» – «сплести, соединить», с добавлением прилагательного «паёта» – «ольховая, заросшая ольхой» и существительного «яха» – «река». Янцьяпаётаяха – «Сплетенная ольховая река», ниже по течению, «сплетается» с рекой Тынгэвапаётаяха – «оленьей головы (вожака стада) ольховая река». Сплетение двух рек дало название реке и поселку [Квашнин 1996: 118].

Поселок Находка был построен на одноименном мысу. Мыс был назван так в 1863 г. начальником экспедиции на шхуне «Таз» Ю.И. Кушелевским [Матвеев 1997: 81].

Старое название п. Тазовский – Хальмер-Седэ означает «сопка мертвых». По рассказам местных ненцев, берег, где изначально была фактория, подмывало водой, и там оголялись останки древних захоронений.

Название реки и фактории Юрибей возможно переводится как «жирный, богатый рыбой». Сейчас там проживает несколько ненецких семей.

Поселок Напалково был назван так в 1929 г. по имени топографа П.Я. Напалкова, производившего в 1920-х гг. съемку побережья Обской губы [Там же: 78].

Название деревни Тибей-Сале означает «гнилой мыс». Здесь, также как и на Юрибее, живут отдельные ненецкие семьи.

В 1950-60-е гг. в Тазовском районе началась геологоразведка и разработка газоносных месторождений. В разных местах Гыданского п-ова стали появляться вахтовые поселки. Первый поселок газовиков возник в конце 1960-х гг. на Мамеевском мысу, выше по течению от п. Тазовский. Он был назван Газ-Сале – «газовый мыс». В начале 1970-х гг. в одном километре от п. Антипаюта был основан поселок вахтовиков Юрхаровской нефтегазоразведочной экспедиции глубокого бурения, а затем, на западе Гыданского п-ова, севернее п. Напалково, построен п. Тадибе-Яха – «шаманская река».

Сегодня в Тазовском районе геологоразведка ведется в основном на восточной стороне Тазовского п-ова, а газодобыча – на юге района. Поселок Тадибе-Яха законсервирован, а в п. Антипаюта жилой фонд экспедиции передан в ведение сельсовета. Газовики живут сейчас только в п. Газ-Сале.

В настоящее время в Тазовском районе существуют 3 национальных поселка – Гыда, Антипаюта, Находка; 4 небольшие национальные деревни – Матюй-Сале, Юрибей, Мессо, Тибей-Сале; 1 поселок газовиков – Газ-Сале и районный центр Тазовский. Фактории, обеспечивающие тундровиков продуктами и товарами, расположены в д. Юрибей и на р. Танама, фактория Мессо была закрыта в 1996 г. .

Начало формированию ненецких поселковых групп положила организация в 1920-30-е гг. рыболовецких артелей. Затем артели были объединены в рыболовецкие и оленеводческие колхозы, стало расти число специалистов из числа ненцев – ветеринаров, зоотехников, врачей, учителей и др.

Население п. Гыда и прилегающей к ней тундры сформировалось в основном из представителей ненецких северогыданских родов и части переселенцев с Ямала и юга Гыданского п-ова. В послевоенные годы возникли большие трудности с доставкой товаров, продуктов и топлива в северные поселки, население голодало. В связи с этим в 1948 г. районная администрация решила переселить часть людей в южные районы полуострова, в частности в п. Находка. Несколько семей, отправленных караваном из оленьих упряжек по тундре, не дошли до места назначения и осели в п. Антипаюта. Остальные добрались до Находки, но многие пешком, так как были вынуждены съесть своих ездовых оленей, чтобы не умереть от голода.

Застроен п. Гыда, в основном, одноэтажными жилыми домами. Имеется также пять двухэтажных домов, а, кроме того, здания сельского совета, школы-интерната, детского сада и яслей, больницы, аэропорта, котельных, дизель-электростанции, клуба, контор рыбозавода и рыбокоопы, почты, хлебопекарни, складов, магазинов и др. Большинство зданий оснащено отоплением и водопроводом, а в одноэтажных домах имеются также и печи.

Группа антипаютинских ненцев сформировалась в те же годы, что и гыданская, из представителей южногыданской группы родов, части переселенцев с Ямала и Тазовского п-ова и нескольких семей

из Гыды. Застроен п. Антипаюта так же, как и Гыда, в основном одноэтажными жилыми домами. Есть и четыре двухэтажных дома, кроме того, имеется также здание сельсовета, контор совхоза и рыбокоопы, школы-интерната, детского сада, больницы, аэропорта, почты, электростанции, котельных, складов, магазинов, хлебопечкарни и др. Имеется центральное отопление и водоснабжение.

Население п. Находка и находкинской тундры окончательно сформировалось к концу 1940-х гг., когда туда прибыли переселенцы из Гыды. Ее основу составили представители родов южногыданской группы. Позже в нее влились переселенцы с Ямала, Тазовского п-ова и севера Гыданского п-ова. До начала 1960-х гг. п. Находка административно подчинялся Ямбургскому сельскому совету, находившемуся в ныне заброшенном п. Ямбург (Ямбур-Сале), на восточном побережье Тазовского п-ова. Поселок Находка представляет собой три ряда одноэтажных домов и хозяйственных построек, протянувшихся вдоль песчаного берега бухты.

Поселок Хальмер-Седэ был переименован в Тазовский в начале 1950-х гг. Он расположен недалеко от устья р. Таз. Жилой фонд поселка представлен как одноэтажными домами, так и двухэтажными, многоквартирными. Отдельные кварталы поселка заселены газовиками и геологоразведчиками, а также работниками аэропорта и речпорта. На центральной площади поселка находится здание районной и поселковой администрации. Практически во всех домах имеется центральное отопление, а в собственных – имеются печи. Газопровод, проложенный от близлежащего месторождения, обеспечивает поселок газом.

Население п. Тазовский неоднородно. Ненцы составляют в нем около 15%. Основой популяции являются представители родов тазовской группы, т.е. ненецких родов энецкого происхождения и нескольких собственно ненецких родов. Со временем в п. Тазовский переселились отдельные семьи из южногыданской и северогыданской групп, а также переселенцы с Ямала и Тазовского п-ова. К концу 1940-х гг. в п. Тазовский были переселены в полном составе жители национальной деревни Нямбу-То.

Население, приписанное к Гыданскому, Антипаютинскому и Находкинскому сельским советам является практически мононациональным. Ненцы составляют там 87,7 %, 83,3 % и 98,3 %, соответственно. Другие народности Севера представлены только несколькими хантами и манси. Необходимо отметить, что представи-

тели этих национальностей проживают в поселках и не являются носителями традиционной культуры своих народов. Среди приезжих из других регионов преобладают украинцы, русские (в основном выходцы из восточных областей Украины) и татары (в большинстве своем сибирские). Имеются также белорусы, молдаване, чеченцы, ингуши, башкиры, марийцы, чуваша, коми, казахи, греки, ногайцы, армяне.

Меньше всего приезжих в п. Гыда (11,8 %). Это объясняется большой удаленностью поселка от районного центра (450 км) и других населенных пунктов, а также неразвитостью промышленной инфраструктуры.

В Тазовском сельсовете почти $\frac{3}{4}$ населения составляют приезжие, проживающие в районном центре Тазовский и п. Газ-Сале. Ненцев насчитывается там чуть больше 28 %, а селькупов менее одного процента. В отличие от других сельсоветов, где подавляющее большинство коренного населения кочует по тундре, в Тазовском совете тундровых жителей насчитывается меньше половины, остальные живут в поселке.

Коренное население Тазовского района имеют хорошие перспективы демографического развития. По данным 1995 г., больше всего ненцев числилось в то время в категориях людей с возрастом от 0 до 19 лет (в Находкинском сельсовете 50,5 %). Поколение старше 60-ти лет составляло в целом по району 8,5 % населения. Людей старше 80-ти лет насчитывалось около 1 %. Самыми старыми жителями района в 1995 г. были 100-летний мужчина и 102-летняя женщина из гыданской тундры.

Основываясь на материалах похозяйственных книг сельских администраций Тазовского р-на, все семьи ненцев Гыданского по-ова можно условно разделить на три большие категории – оленеводческие, рыбацкие и семьи поселковых жителей. Отношение к той или иной категории определяется по записи в похозяйственной книге в графе «специальность» у главы семьи.

К оленеводам относятся совхозные и рыбозаводские пастухи, а также владельцы личных стад. К рыбакам можно отнести не только ненцев, постоянно проживающих в тундре, но и некоторых жителей поселков. В категорию поселковых жителей входят представители всех остальных профессий.

Анализируя полученные данные, можно с большой долей вероятности определить, в какой степени представителям того или

другого рода было присуще занятие оленеводством или рыболовством, а также причины, побудившие их сменить вид хозяйственной деятельности или место жительства. Так, например, представители родов Адер, Евай, Яндо, Яптунай, Яр, Тэсида, Нячь и Оковой давно проживали на севере Гыданского п-ова и занимались преимущественно оленеводством. Переселения некоторых из них на юг полуострова происходило в разное время, но основная масса людей перекочевала туда в голодном 1948 г. Многие, потеряв своих оленей, вынуждены были заняться рыболовством.

В 1995 г. в гыданской тундре из представителей вышеперечисленных родов были заняты в оленеводстве: 3 семьи Адер, 6 – Евай, 5 – Тэсида, 17 – Яндо, 7 – Яптунай, 27 – Яр, 6 – Нячь и 2 – Оковой; рыбаками числились 3 семьи Адер, 14 – Евай, 10 – Тэсида, 20 – Яндо, 36 – Яптунай, 52 – Яр, 7 – Нячь и 6 – Оковой; в поселке проживали 1 семья Адер, 9 – Евай, 5 – Тэсида, 7 – Яндо, 17 – Яптунай, 17 – Яр, 1 – Нячь и 3 – Оковой.

Одной из особенностей гыданской группы ненцев можно отметить то, что большинство людей, записанных в похозяйственных книгах рыбаками, являются, по сути, оленеводами. В летний период они отдают своих оленей на выпас родственникам, а сами занимаются рыбным промыслом, заготавливая рыбу для Гыданского рыбозавода. В других группах ненцев Гыданского п-ова подобное явление распространено меньше.

В антипаютинской тундре в то же время вели оленеводческое хозяйство 4 семьи Яптунай и 8 семей Яр; рыболовством занимались 1 семья Адер, 1 – Яндо, 2 – Яптунай и 7 – Яр; в п. Антипаюта проживало 5 семей Адер, 2 – Евай, 2 – Яндо, 6 – Яптунай и 14 – Яр.

В находкинской тундре в 1995 г. занимались оленеводством 2 семьи Тэсида и 3 семьи Яр; ловили рыбу 1 семья Адер, 1 – Яптунай и 8 – Яр; в самом п. Находка проживало 1 семья Тэсида, 11 – Яптунай и 2 – Яр.

В тазовской тундре в то же время из оленеводческих семей насчитывалось 12 семей Тэсида и 2 семьи Яр, рыбацкими числились 3 семьи Евай, 4 – Тэсида и 1 – Яндо.

Представители коренных антипаютинских родов – Лапсуй, Тогой и Ядне также издавна являются оленеводами, поэтому их расселение по Гыданскому п-ову было обусловлено поиском новых пастбищ. При этом они перекочевывали как в северном, так и в

ожном направлении. Так, в гыданском сельсовете числились 1 оленеводческая, 14 рыбацких и 5 поселковых семей Лапсуй; 7 оленеводческих, 8 рыбацких и 6 поселковых семей Ядне. В находкинской тундре кочевало 11 оленеводческих и 4 рыбацких семьи Лапсуй; 15 оленеводческих и 18 рыбацких семей Ядне; 17 семей Ядне проживали в поселке. В тазовской тундре проживало 5 оленеводческих и 4 рыбацких семьи Лапсуй и 9 рыбацких семей Ядне. В Антипаютинском сельсовете числилось 34 семьи Лапсуй, занимавшихся оленеводством и 4 – рыболовством, 21 семья жила в поселке. 24 семьи Ядне занимались оленеводством, 15 – рыболовством и 31 – проживала в поселке. Из 20 семей Тогой 3 были оленеводческими, 3 – рыбацкими, 14 – поселковыми.

Семьи рода Ненянг, расселенные на юге Гыданского п-ова, возможно, являются выходцами о Тазовского п-ова (Ненянг-Сале). В 1995 г. в п. Находка проживало оседло 3 семьи Ненянг, 1 – числилась оленеводческой, а 1 – рыбацкой. В Антипаютинском сельсовете было отмечено 3 рыбацкие семьи Ненянг. В тазовской тундре кочевали 3 оленеводческие и 3 рыбацкие семьи этого рода.

Представители основных ненецких родов низовьев Таза, таких как Аседа, Марьик, Сюгней, Хабдю, Харючи, Ямкиных, Паровых, Хэно, Тёр, Лырминых и Пальчиных в большинстве своем всегда занимались рыболовством, поэтому перемещение их на территории других сельсоветов Гыданского п-ова было довольно редким явлением. Так, в п. Антипаюта были отмечены в 1995 г. 3 семьи Аседа и 1 семья Харючи; в п. Находка – 1 семья Харючи; в п. Гыда – 1 семья Марьик и 3 семьи Ямкиных. В Тазовской тундре среди оленеводческих числились 2 семьи Марьик, 1 – Сюгней, 1 – Хабдю, 3 – Харючи, 1 – Ямкиных; рыболовством занимались 8 семей Марьик, 4 – Паровых, 1 – Сюгней, 2 – Хабдю, 8 – Харючи, 1 – Хэно, 4 – Тёр, 1 – Лырминых, 2 – Пальчиных и 8 – Ямкиных. Остальные роды представлены семьями более поздних пришельцев-олeneводо-вов из других районов. Таковыми являются: Вануйто, Вэлло, Вэнго, Ламдо, Няруй, Окотэтто, Пуйко, Сабы, Сэротэтто, Хороля, Худи, Яптик, Яунгад, а также хантыйские по происхождению роды Вэхо, Пурунгуй, Салиндер, Неркахи, Няданги, Тибичи.

По материалам полевых исследований можно выявить систему расселения гыданских ненцев по зимним стойбищам и родственные связи между ними. В экспедиционной поездке в марте-апреле 1995 г. члены Гыданского отряда Северной экспедиции ИЭА РАН

провели этнографическое обследование 20 стойбищ гыданских ненцев, в которых насчитывалось в общей сложности 31 чум. Все ненцы оказались оленеводами-«личниками».

На первом стойбище оказалось 4 чума. В них проживали семьи Салиндер, Яптунай, Евай и Лапсуй. Патриархами стойбища были старик Салиндер и его жена из рода Евай. Остальные члены стойбища доводились им родственниками. В двух чумах жили дочери старика, бывшие замужем за мужчинами родов Яптуная и Евай. Последний приходился двоюродным дядей своей жене, так как его отец был женат на родной сестре старика. В последнем чуме жил женатый сын родной сестры старика, бывшей замужем за мужчиной рода Лапсуй.

Это стойбище было единственным состоящим из четырех чумов. Далее по пути следования нам встречались стойбища из одного, двух, реже трех чумов. Каждое из них отстояло друг от друга примерно на 10 км. Члены стойбищ, состоявшие из двух и более чумов, приходились друг другу в одних случаях близкими родственниками (отец и женатые сыновья, родные братья и сестры со своими семьями и т.д.), в других – соседями, оказывающими друг другу временную хозяйственную помощь.

Определенной системы расселения по территории зимних пастищ у ненцев гыданской группы нами выявлено не было. Близкие и дальние родственники кочевали, как сами того пожелают, руководствуясь единственно соображениями удобства ведения оленеводческого хозяйства. Однако нельзя говорить о хаотичном передвижении оленеводов по тундре. Обычно хозяева близлежащих стойбищ договариваются между собой о сроках и маршрутах кочевий, чтобы всем оленям хватило ягеля по всему пути перекочевков. Но бывают и исключения из правил.

В экспедиционной поездке в марте-апреле 1996 г. Гыданский отряд обследовал 36 зимних стойбищ антипаютинских и находкинских ненцев на Тазовском п-ове. В них насчитывалось 72 чума, из них 4 стойбища (6 чумов) группа посетила дважды. В 3 стойбищах (10 чумов) проживали семьи совхозных оленеводов, в 33 стойбищах (62 чума) – оленеводы-частники.

В районе кочевий антипаютинских ненцев нам встречались стойбища, состоящие в основном из двух-трех чумов, реже одного чума. В большинстве случаев там проживали близкие родственники (родные братья со своими семьями). На двух стойбищах из че-

тырех чумов мы встретили совхозных оленеводов. На одном из них в первом чуме проживал бригадир 1-й совхозной бригады из рода Вануйто со своей семьей. Его жена из рода Лапсуй приходилась ему двоюродной сестрой. В двух чумах жили два брата Лапсуй, женатые на женщинах родов Вануйто и Яр. В четвертом чуме жила семья Ядне. Жена главы этой семьи была из рода Пуйко.

На другом стойбище проживали две семьи Салиндер, а также семьи Лапсуй и Ядне. До 1995 г. жители этого стойбища были членами 10-й совхозной бригады. После сокращения штатов они продолжили вести совместное хозяйство, правда, от бригады отделилась пятая семья – Яптунай. Один из мужчин Салиндер был женат на женщине Сусой, глава семьи Лапсуй – на женщине Вануйто, мужчина Ядне – на женщине Салиндер, двоюродной сестре второго Салиндера, женатого, в свою очередь, на двоюродной тете мужчины Ядне.

Стойбища находкинских ненцев тоже состояли в основном из двух и трех чумов, в которых также жили родственные семьи.

Расселение ненцев антипаютинской и находкинской групп по зимним пастбищам во многом сходно с расселением гыданских ненцев. Какой-либо системы здесь не наблюдается. Большое скопление оленеводов на Тазовском п-ове было вызвано сложной экономической ситуацией в регионе. В поселке газовиков Ямбург и ближайших газопромыслах ненцы имеют возможность реализовать продукты традиционного промысла (мясо, рыбу, пушнину) и приобрести необходимые им товары и продукты по более низким ценам, чем в совхозных магазинах. Массовые перекочевки находкинских ненцев на Тазовский п-ов вызваны закрытием в 1996 г. фабрики Мессо, на которой они постоянно отоваривались.

Говорить о «вотчинах» или родовых территориях, собственности на рыбные и охотничьи угодья у ненцев Гыданского п-ова сегодня не приходится. Они перестали существовать уже в 1930-е гг. Сейчас ненцы руководствуются лишь древними традициями не брать от природы ничего лишнего, а проживают где кому удобно. Зачастую быстро меняющаяся экономическая ситуация вносит свои поправки.

«Вотчины» у ненцев застал в конце 1920-х гг. В.П. Евладов на Ямале. Несмотря на то, что советская власть отменила старые порядки и все «ударилась на карскую сторону Ямала», «вотчинные» владения продолжали некоторое время сохраняться [1995: 36]. Во

время своего путешествия В.П. Евладов целенаправленно двигался по Ямалу на север до о-ва Белого, а затем на юг полуострова. По пути следования он пересекал владения богатых оленеводов разных родов. На карской стороне, на пастбищах, принадлежавших Хаулы Окоэтто, проживали родственники Хаулы по мужской линии, а также кочевали оленеводы родов Худи, Езынги, Пуйко, Тусида, Хороля, Яунгад, Лаптандер. На «вотчинах» Яптиков исследователю встречались в основном представители рода Яптик, на «вотчинах» Ямал – представители рода Ямал и т.д. Из этого следует, что еще в конце 1920-х гг. на Ямале ненецкие семьи одного рода концентрировались на общей родовой территории. По всей видимости, и на Гыданском п-ове, и в низовьях Таза ненцы расселились подобным образом. В настоящее время гыданские ненцы, как говорилось выше, кочуют по тундре произвольно, договариваясь с соседями о времени и маршрутах перекочевков.

В конце XX в. на территории Тазовского района вели хозяйственную деятельность оленеводческие совхозы «Тазовский» (6 оленеводческих бригад) и «Антипаютинский» (7 оленеводческих бригад), а также Гыданский (6 оленеводческих бригад) и Тазовский рыбозаводы. Кроме того, в зимне-весенний период в низовьях Таза выпасали свои стада пастухи совхоза «Пуровский» (Пуровский р-н ЯНАО), а в летне-осенний период на северо-востоке границу района пересекали оленеводы совхоза «Заря Таймыра» Усть-Енисейского р-на Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа.

Зимние пастбища совхоза «Тазовский» наиболее богаты лишайниковыми кормами. Большие площади ягельников расположены в северо-восточной части землепользования, в верховьях р. Русская (нен. Луца-Яха). По оценкам специалистов, на протяжении долгого времени здесь оленей почти не выпасали, что привело к перезреванию ягеля. В хорошем состоянии ягельники в центральной части землепользования. В северо-западной части, по левобережью р. Мессо-Яха и в низовьях р. Мудуй-Яха лишайники немного потравлены. В результате многолетнего выпаса сильно потравлены лишайники в низовьях рек Мессо-Яха, Лимбя-Яха, по левобережью р. Таз и в южной части землепользования [Подкорытов 1995: 102].

Все пастбища весенне-летнего сезона совхоза «Тазовский» хорошо обеспечены кормами. Они расположены по долинам рек и

ручьев, приозерным понижениям, открытым террасам, т.е. к местам, хорошо обдуваемым во время лёта комаров и оводов. Они имеют достаточное количество зеленых и лишайниковых кормов [Там же: 103].

Для летнего выпаса наиболее пригодны повышенные безлесные пространства в урочище Ханвей-Вы, левобережье р. Большая Тотыдэотты-Яха (верховье) и правобережье р. Юредей-Яха.

На территории совхоза «Газовский» под выпас не используют безьягельные участки в долинах рек Нягусь-Яха и Няда-Яха, а также сильно заросшие кустарником и густолесные участки в долинах рек Шенебе-Яха, Хэ-Яха, Нижняя Ханывей-Яха, Янг-Яха, в низовьях р. Ябто-Яха и в юго-западной части землепользования.

По данным на 1996 г., из 6-ти оленеводческих бригад совхоза «Газовский» только 3-я и 4-я были сформированы из находкинских ненцев, т.е. приписанных к п. Находка, а остальные – из тазовских (п. Тазовский). В каждой из них было по 4 семьи и примерно по 2000 оленей вместе с личными оленями членов бригад). После закрытия фактории Мессо 4-я бригада на зимнее время стала откочевывать на территорию Красноярского края, к поселкам газовиков. Остальные бригады кочуют в верховьях реки Русской, по рекам Мудуй-Яха, Лимбя-Яха и верховьям правых притоков реки Мессо.

Зимние пастбища совхоза «Антипаютинский» менее богаты лишайниковыми кормами, но, тем не менее, обеспеченность ими и здесь хорошая. Лучшие пастбищные угодья находятся в бассейне р. Нгыйка-Яха, в междуречье Сетий-Яха и Чуй-Яха и Большая и Малая Харвутта-Яха. Лучшие места для отела находятся в низовьях р. Амбытак-Сё. В неудовлетворительном состоянии находятся пастбища в районе п. Антипаюта в радиусе 20-30 км и в районе кораля в истоках р. Алите-Сё [Подкорытов 1995: 103].

Пастбища снежного периода Гыданского рыбозавода расположены далеко на юг от п. Гыда. Лишайники здесь произрастают разреженно, часто встречаются участки, где ягель плохо просматривается. Обеспеченность кормами недостаточная. Наиболее ценные пастбищные участки находятся в бассейне р. Ярто-Яха [Там же: 103].

Летом поголовье оленей совхоза «Антипаютинский» и Гыданского рыбозавода имеют выход к морскому побережью. Поэтому олени хорошо нагуливают жир. Обеспеченность кормами здесь хорошая.

На территории Гыданского рыбозавода непригодны для выпаса безъягельная часть долины р. Юрибей, безъягельные и закустаренные участки в истоках р. Хасовомаха-То-Сё и в долине р. Месо-Яха.

На пастбищах совхоза «Антипаютинский» непригодны для выпаса закустаренные и безъягельные участки в истоках р. Чугорь-Яха и побережье Тазовской губы.

Зимние кочевья гыданских ненцев располагаются в основном на р. Ярто-Яха, однако многие оленеводы-«частники» перекочевывают со своими стадами за р. Танама, по которой проходит граница с Красноярским краем. Там они кочуют по притокам Танама – рекам Большая Пяко-Яха, Яра-Яха, Лабуй-Яха и др. В зимний период стойбища гыданских оленеводов располагаются по берегам замерзших рек, которые используют как очень хорошую, ровную дорогу для переездов. Вдоль рек растут кустарники, которые ненцы используют как топливо. Речной лед ненцы вырубают пешней большими кусками и хранят на нартах, а по мере надобности растапливают его в котлах и чайниках для приготовления пищи.

Отсутствие леса вынуждает гыданских ненцев заготавливать топливо впрок. Продвигаясь все дальше по зимним пастбищам, оленеводы оставляют на своих старых стоянках большие связки веток тальника и ерника, поставленные вертикально. Они выкапывают ветки из-под снега, зарываясь подчас на глубину свыше двух метров. Заготовка впрок необходима для того, чтобы на пути к весенним пастбищам не возникало никаких задержек.

На зимних стойбищах гыданских оленеводов-частников стоят 1-2, реже 3-4 чума. В них проживают обычно близкие родственники или друзья, объединившиеся для совместного выпаса оленей и взаимной помощи друг другу.

Для постройки ненецкого чума используют, как и на Ямале, от 25 до 50 деревянных шестов с заостренными к низу концами. Верхними концами они накладываются конусообразно на два основных шеста, связанных между собой кожаными ремешками или веревкой. Между шестами просовывается труба печки-буржуйки, которая стоит в центре чума. Шесты покрывают двойным слоем покрышек-нюков из оленьих шкур. Сперва накладывают поочередно с двух сторон 2 нюка из тонких вытертых шкур (нен. *мойко*) мехом внутрь. На них настилают 2 нюка из толстых шкур (нен. *ея*) мехом наружу. Для пошива каждого нюка требуется до 15 оленьих

шкур. Наверху шесты накрываются нюками таким образом, чтобы получилось достаточное отверстие для проникновения света. Для выбивания снега из покрывок используется специально изготовленная деревянная палка с загнутым концом (нен. *янгыча*).

Сбоку от печки на землю кладут половые доски. Прямо за печкой вертикально установлен священный шест «*симсы*», за которым стоит столик для продуктов: хлеба, чая, сахара и пр. Справа или слева от него обычно стоит низенький столик для еды, в выдвижном ящичке которого хранятся чашки и блюдца для чая. Во время трапезы его выдвигают в центр.

Постели располагаются по обеим сторонам чума, они состоят из настила из ивовых прутьев, циновок из сухой травы и оленьих шкур для спанья (нен. *пенга, хоба*). У самого основания лежат подушки, мягкие вещи. Укрываются ненцы женской распашной одеждой – *ягушками*. Летом, в комариный период, над спальным местом подвешивают специальный полог (нен. *есер*) из ситцевой ткани, который привязывают к шестам чума у изголовья. На постели часто кладут *мяд-пухуця* – антропоморфную деревянную фигурку в уменьшенном подобии национальной одежды. По поверьям она является хранительницей домашнего очага.

Справа от входа обычно лежат женские сумочки для швейных принадлежностей, а слева хворост для печки. У каждого члена семьи в чуме есть свое место. К примеру, слева от входа спят родители с маленькими детьми и старший сын с женой. Там же находится почетное гостевое место. Справа от входа спят дедушка с бабушкой и младшие дети.

На зимних пастбищах олени гыданских ненцев пасутся сами, без круглосуточного окарауливания. Зимой и ранней весной обычным занятием гыданских оленеводов является охота на песца и дикого оленя, подлёдная рыбная ловля на больших реках и озерах. В это время ненцы ездят друг к другу в гости, устраивают сватанья и свадьбы. К свадьбам готовятся заранее, заготовливают мясо и рыбу. Улов тундровых рек зимой невелик, поэтому, чтобы стол был по-настоящему праздничным, ненцы ездят на антипаютинскую сторону, и ловят рыбу на Тазовской губе.

Основной пищей оленей в этот период является ягель. Жажду они утоляют снегом. Все олени испытывают недостаток соли в организме, поэтому часто едят снег, промоченный мочой человека или собаки, отдавая предпочтение первой. За обладание снега с

мочой у оленей происходят драки, в ход идут рога и копыта. В марте последние олени сбрасывают рога. Самый задиристый олень, потеряв в драке рога, сразу отходит в сторону, и становится смиренным.

Гыданские оленеводы зимой и весной питаются преимущественно олениной, свежей, мороженной и вареной. Своих оленей забивают редко, только ослабевших, чаще стараются добыть дикого оленя. Избыток оленьего мяса ненцы сдают на рыбзаводскую факторию Танама. Недостаточный выбор товаров и высокие цены на фактории вынуждают многих ненцев каслать к газопромыслам и поселкам газовиков, расположенным на территории Красноярского края – Мессо, Тухард, Соленая, Купол и др. Там и цены ниже и можно закупить практически все продукты и товары, необходимые для жизни и спокойной перекочевке на весенние пастбища.

Некоторые ненцы ездят на заброшенные буровые за листовым железом. Из него они, с помощью молотка и других подручных инструментов, изготавливают печки-буржуйки на продажу. За каждую печку берут одного живого оленя.

Настоящим бедствием в этом районе до недавнего времени были дикие олени. Двигаясь многотысячной массой с п-ова Таймыр через Енисей к р. Танама они часто уводили с собой стада домашних оленей, которых пастухи не успели отогнать. Отделить домашних оленей от диких не представляется возможным. Крупнокалиберными патронами гыданских ненцев обеспечивают плохо, поэтому для охоты на «дикаря» они обычно высыпают из патронов дробь № 3, пригодную для охоты лишь на уток и куропаток, и закладывают туда куски рубленого свинца.

Территория зимних пастбищ гыданских оленеводов довольно обширна и олени разных хозяев редко уходят в другие стада, поэтому пастухи в апреле без проблем начинают каслания на весенние пастбища. Каждый ненец старается провести свое стадо по определенному маршруту и в определенные сроки, не мешая движению других стад. И с гыданской, и с красноярской стороны стада двигаются в двух направлениях: на северо-запад, через факторию Юрибей на п-ов Евай и на север, на п-ов Мамонта. За р. Юрибей, ближе к устью расположены отдельные места. Малейшая задержка одного оленевода при перекочевке может привести к тому, что на его маршрут забредут чужие олени, и съедят весь ягель. Тогда его олени ослабеют от бескормицы и не смогут двигаться дальше.

Готовясь к касланию, оленеводы выстраивают нарты с вещами, продуктами и прочим скарбом в аргиши (караваны) по 5-6 нарт каждый. Передовую нарту тянут 3-4 ездовых быка, каждую последующую – 2, привязанные железной цепью к предыдущей нарте. Таким образом, получается 2-3 аргиша, одним из которых управляет хозяин, другим – хозяйка, а третьим – старший сын или дочь хозяев. За аргишами идет остальное стадо, которому сзади не дают разбрестись младшие дети на 3-4-х нартах. Важенки телятся прямо во время движения стада, поэтому их и новорожденных телят постоянно подгоняют, а ослабевших телят везут на нартах.

Каслание происходит очень быстро. За сутки оленеводы проходят до 50-ти км. На коротких остановках быстро ставится чум, который покрывают одним слоем нюков. В чуме затапливают печь, но к столу подают только чай, хлеб и куски мороженого мяса. На приготовление мясного или рыбного супа нет времени. После чая семья спит не более 4-х часов, затем собирает чум и каслает дальше. В конце мая на р. Юрибей солнце не заходит за горизонт, поэтому пастухи каслают не различая день и ночь.

С приходом на весенние пастбища оленеводы делают остановку на 2 дня, наблюдая за отелом и отбраковывая слабых телят и взрослых оленей. Если какая-нибудь важенка отказывается кормить теленка, его берут за ноги, валяют по снегу, чтобы отбить все посторонние запахи, а затем прикладывают к соскам матери, привязанной к нарте.

При перекочевках с зимних пастбищ на летние, в район р. Монгаталянг-Яха в центре п-ова Евай или на северную оконечность п-ова Мамонта мыс Матюй-Сале, гыданские оленеводы проходят от 700-800 до 1000 км.

Антипаютинские ненцы в летнюю пору собирают оленей в большие стада. Окарауливают их на оленьих упряжках по очереди, один пастух днем, а другой ночью. В экипировку дежурного пастуха обычно входит аркан, бинокль, непромокаемая маличная сорочка, на случай дождя, ружье для отражения нападения волков и собака. Пастух не спеша продвигается по тундре, сидя на нарте и наблюдая за оленями. В труднопроходимых, заросших кустарником местах, пастух ведет свою упряжку в поводу.

Совхозные оленеводы в период копытки разделяют поголовье на две части – основное и карантинное стадо. Так легче выявлять и лечить больных оленей. На основном стойбище стоят обычно 3 чу-

ма, а на карантинном – 2. Чумы расположены в 10-15 м друг от друга.

Чум антипаютинских ненцев ничем не отличается от такого же гыданского. Количество шестов в ненецком чуме, а, следовательно, его ширина в диаметре, не всегда зависит только от времени года, чаще от числа членов семьи. По ширине чума иногда можно догадаться, что в нем живет большая, неразделенная семья. В центре летнего чума антипаютинских ненцев горит костер, над которым, на специальном деревянном приспособлении с железным крюком, подвешивается котел или чайник. Костер, а зимой печку, ненцы разжигают только для приготовления пищи. В остальное время температура воздуха внутри чума почти не отличается от наружной. Чум является больше укрытием от пронизывающих ветров, чем непосредственно от холода.

Одеждой антипаютинских пастухов в летний период служит, у мужчин малица, а у женщин суконная нояца. Для шитья одежды, обуви и головных уборов ненцы применяют нитки, сделанные из оленьих сухожилий. Женщины сучат их между ладоней, зажимая концы зубами. Готовые нитки сматывают в клубки. Перед началом шитья нитки смазывают тюленьим жиром.

Ненцы соблюдают правила личной гигиены. Летом они умываются и моют руки с мыломобычно в тундровых реках и озерах. Когда до воды далеко, умываются с помощью ковша. Им зачерпывают воду из большого бака, набирают ее в рот, а затем потихоньку выпускают на ладони. Рукомойники имеются далеко не у всех. Антипаютинские ненцы говорят, что не хотят таскать лишний груз.

Антипаютинские оленеводы пригоняют стадо с пастбища два раза в день, утром и вечером, когда нужны олени для очередного дежурного пастуха. Обычно на стойбище стоит временный загон (нен. *ёркулабць, ёр*). Его сооружают из нарт, расставленных полукругом, каждая из которых упирается носом в заднюю часть предыдущей. Пригнав стадо к стойбищу, пастухи стараются отделить быков от важенок с телятами и загнать их в загон. По мере заполнения загона быками женщины и дети постепенно замыкают круг, держа в руках веревки, привязанные к концам нарт. Если в *ёр* попала важенка или теленок, их стараются выпустить оттуда, опуская веревку к земле. Молодые быки, которых только начали приучать к загону, пытаются выскочить из загона, в тех местах, где нарты стоят недостаточно плотно. Иногда им это удается.

Отловив арканом двух-трех быков для дежурной упряжки, оленеводы начинают осматривать оставшихся в загоне оленей. Больных копыткой выводят из загона и начинают лечить. Другие пастухи в это время ловят больных важенок и телят.

Несмотря на то, что совхозные стада разделяют на части, всех оленей вылечить не удастся. Часто важенки уводят своих больных телят подальше от стада и, пастухам приходится прилагать немало усилий, чтобы их поймать. Если одиночного больного оленя или теленка поймать не могут, их отстреливают из мелкокалиберных винтовок. Иногда их находят уже мертвыми вдалеке от стойбища. Как правило, с них снимают шкуры и срезают спинные сухожилия. Ободранная туша достается тундровым хищникам – песцам, лисам, волкам и чайкам-халеям.

На вечернем отлове, кроме дежурных оленей ловят несколько двух-трехгодовалых быков для проведения кастрации и подросших телят для забоя на шкуры для пошива подолов малиц. Быка-*хора* обычно заваливают на землю и крепко держат два-три пастуха. Четвертый – бьет оленя палкой по яичкам, чтобы перебить семенные канатики. Иногда канатики перекусывают зубами. Кастрация с помощью ножа здесь применяется редко.

После операции начинается приучение кастрированного быка-*хабта* к загону. Привязав быка арканом за заднюю ногу у копыта, пастух начинает гонять его по поляне возле чума, громко крича и дергая за ногу. Другие пастухи машут руками и покрикивают, направляя быка в загон-*ёр*. Эту процедуру пастухи будут проделывать с быком несколько дней, до тех пор, пока он не научится сам заходить в загон, подчиняясь командам пастуха. После этого, *хабта* будут иногда запрягать вместе с обученными оленями, чтобы научить ходить в упряжке.

При забое телят на шкуры, их убивают, ударяя обухом топора по затылку. Затем втыкают нож в шею ниже затылка и задирают телячью голову носом кверху, чтобы стекла кровь. Шкуры, снятые с телят, затыкают за шести чума, где они сохнут и копятся несколько дней. Высохшая шкура смазывается для придания мягкости рыбьим жиром или растертой икрой и сворачивается мездровой частью внутрь. Так она лежит несколько дней. Затем ее разворачивают, натягивают на специальную доску и обрабатывают скребком. Женщины выскребают и выминают шкуры руками до эластичного состояния.

Август является одним из самых напряженных месяцев в ненецком оленеводческом цикле. Помимо копытки много хлопот приносит подкожный и носовой овод. Здесь с ним расправляются также, как и на Ямале.

Еще одной заботой для пастухов в августе являются грибы, в большом количестве вырастающие в это время в тундре. Они содержат большое количество белка, поэтому олени разбегаются по тундре и с жадностью их поедают. В этот период пастухи с большим трудом собирают стада. Обычно олени идут на запах грибов, приносимый ветром. Если в течение дня ветер меняет направление, пастух должен вовремя сориентироваться и направить оленей в нужную ему сторону.

Так как в августе начинается забой оленей на малицы, основу рациона оленеводов в этот период составляет мясо в сыром и вареном виде. Отдельных оленей забивают удушением, чтобы сохранить кровь. Забой приурочивают к приезду желанного, уважаемого гостя или выпрашивая у духов покровительства и помощи для семьи и оленей. При массовом забое никаких ритуалов не проводится.

Мясной суп, заправленный мукой или макаронными изделиями подаётся к столу вечером, когда заканчиваются все дневные дела и все члены семьи собираются в чуме. Суповой котел настолько большой, что супа хватает не только на 12-13 членов семьи, но и остается 4-5 собакам. В одну и ту же миску черпаком наливают суп и, каждая собака, по очереди подходит к ней и съедает свою порцию. Никаких драк за еду между собаками не происходит, каждая из них знает, что не останется голодной.

Собака в оленеводческом хозяйстве ненцев играет очень важную роль. Она является, как говорилось выше, звеном в неразрывной хозяйственной цепочке, наряду с мужчиной, женщиной, детьми и оленем. Слабость или отсутствие того или иного звена приводит к общему ослаблению всего хозяйства.

В каждом ненецком оленеводческом хозяйстве имеется от 4-х до 6-ти собак – короткошерстных лаек-оленегонок, лохматых самодских шпицев или их помесей. Они бывают разной масти – черные (нен. *алто*), редко белые (нен. *сэр*), пестрые (нен. *падвы*), бурые (нен. *пуру*). Каждая собака имеет кличку, по масти (*алто*, *пуру*) или по отличительным особенностям (*хутебяку* – нен. щенок,

очень игривая, *сенг* – нен. колокольчик, залиvisto лает; *сеек* – нен. сердечко, белое пятнышко на груди на черном фоне) и др.

Ленивых и старых собак ненцы держат у себя до их естественной смерти. Иногда их убивают путем удушения. Для этого привязывают собаку мертвой петлей к нарте перед дальней перекочевкой. Затем оленю упряжку разгоняют до скорости, когда собака не может за ней угнаться. На остановке ненец, как бы случайно, узнает, что у него умерла собака. Специально убивать собак по ненецким обычаям запрещено.

Рыбная ловля в летний период у антипаютинских ненцев, кочующих в южной части Гыданского п-ова, не играет заметной роли. Ближе к берегу Тазовской губы и в бассейне р. Чугорь-Яха оленям не хватает корма, а в районе Мыса Трехбугорного местность заражена радиацией. Заражение произошло в 1974 г., когда там был произведен ядерный взрыв малой мощности для поднятия газоносного пласта. Олени, доходящие до этого места, умирают от белокровия.

Оленеводы 1-й и 10-й бригад совхоза «Антипаютинский», кочевавшие в середине 1990-х гг. между р. Чугорь-Яха и Мысом Трехбугорным, на берег Тазовской губы приезжали ненадолго, на один день или ночь. Они ставили сети без лодок, заходя в непромокаемых костюмах в воду не далеко от берега. Иногда группа пастухов отправлялась пешком на рыбалку на два-три дня. Другие пастухи приезжали к ним на оленьих упряжках каждый день и забирали улов. В сети попадаетея обычно муксун и щёкур. Осетр и нельма плавают дальше от берега.

Рыбу антипаютинские оленеводы, как и другие ненцы, едят сырой и вареной. У свежей рыбы надрезают кожу у хвоста, берут ее пальцами и снимают сначала с одной, затем с другой стороны. Мясо аккуратно срезают с хребта ножом и делят на несколько частей. Куски свежей рыбы макают в горчицу или кетчуп, прикусывают зубами и отрезают ножом снизу вверх маленькие кусочки. Хребты рыб, с остатками мяса, достаются собакам.

Варят рыбу, также как и мясо, в большом котле. Затем ее выкладывают на стол, а, заправленный мукой, бульон разливают по чашкам. Особым лакомством считается рыба голова, ее обсыпают практически дочиستا.

В ноябре, после подсчета и забоя оленей, антипаютинские оленеводы перекочевывают на зимние пастбища, расположенные

на противоположном берегу Тазовской губы, на рр. Адер-Паюта, Хальмер-Яха, Пойлово-Яха и ее притоках – Нгарка-Лымбарасё, Нгарка-Харвутта и др. Некоторые из них кочуют западнее этих мест, в Надымском районе, на Мысе круглом и равнине Ненянг-Лапте в верховьях рр. Нгарка-Яха, Хайпаёта-Яха и Лай-Яха. На Обской губе у Мыса Круглого оленеводы ловят рыбу, в основном осетра и нельму. В поисках сбыта продукции оленеводства, рыболовства и охоты многие из них каслают к крупному поселку газовиков Ямбургу. Он расположен на берегу Обской губы, на территории Надымского района. Отдельные оленеводы переправляются в самом узком месте Обской губы у Мыса Парусного на п-ов Ямал, к п. Мыс Каменный и торгуют мясом и рыбой там. На вырученные от продажи деньги ненцы покупают у газовиков муку, сахар, соль, соду, хлеб, сухари, печенье, баранки, макаронные изделия, супы-полуфабрикаты в банках, сгущенное молоко, джем, карамель, водку. Оленеводы делают большие запасы продуктов, их должно хватить до лета, когда начнется сбор пантов. Панты обмениваются на продукты питания, брезент для покрышек чума..

Присутствие антипаютинских пастухов с их большими стадами на надымской территории, очень беспокоит оленеводов ЗАО «Ныдинское» Надымского района. Территория в районе Ямбурга, у мыса Парусного, Мыса Круглого и Ненянг-Лапте является местом выпаса их оленей в летний период, а антипаютинские стада зимой и весной вытаптывают ее.

Зимние стойбища антипаютинских ненцев располагаются на возвышенных местах с хорошим обзором пастбищ. Зимой практикуется раздельный выпас, поэтому многие оленеводы кочуют отдельными чумами. Два-три чума можно встретить только на стойбищах родственников, а более трех – на стойбищах совхозных пастухов.

Рацион питания антипаютинских ненцев в зимне-весенний период пополняется рыбой ценных пород – нельмой и осетром. Из мороженой рыбы делают строганину, а из осетра получается очень жирная, наваристая уха. Оленей на еду и продажу забивают только старых и слабых. Мясо едят сырым и вареным, из мороженой оленины делают строганину.

В марте антипаютинские оленеводы начинают каслание на свою территорию. Однако в отличие от гыданских ненцев, им приходится тратить много времени на поездки в соседние стойбища,

чтобы выловить из чужих стад своих оленей. Большая скученность оленей в районе Ямбурга приводит к тому, что олени, иногда десятками голов, переходят из одного стада в другое. Тем более что ночью оленей не окарауливают.

Если в чужое стадо забрело немного оленей, их отлавливают арканом, обычным способом. Если же два стада сильно перемешались, то здесь применяют следующую тактику. Оленеводы, мужчины и женщины, приезжают к соседям на 4-5 нартах, в которые запрягают по 2-3 оленя. Совместными усилиями пастухи пригоняют стадо, и начинается отлов. Выловленных быков приезжие пастухи запрягают в свои упряжки, чтобы в каждой получилось по 5-6 оленей. Пойманным важенкам связывают ноги и оставляют их лежать на снегу. При этом их поворачивают в ту сторону, куда погонят затем все стадо. Телят отгоняют в одну сторону, а стадо хозяев стойбища в другую, как можно дальше. Подождав пока телята отойдут достаточно далеко, важенкам отвязывают ноги и впускают их криками. Важенки вскакивают на ноги и, подчиняясь материнскому инстинкту, бегут вслед за своими телятами. За один раз всех оленей в сильно перемешавшихся стадах выловить не удается, поэтому эту процедуру могут проделывать несколько раз.

Отельные места антипаютинских оленеводов расположены на Гыданском п-ове, поэтому большинство из них переходит Тазовскую губу уже к маю. Однако в последние годы все больше антипаютинских пастухов остается на надымской территории, что зачастую приводит к открытым конфликтам. На уровне административных районов этот вопрос никак не решается.

Зимой на надымскую территорию с востока через Тазовскую губу перекочевывают находкинские ненцы. В основном это пастухи-частники, приписанные к п. Находка. Они кочуют в верховьях р. Пойлово-Яха и на ее притоках. Традиционное хозяйство находкинских ненцев такое же, как и у остальных ненцев Тазовского района. На Ямбурге они продают оленье мясо и мелкую (по сравнению с антипаютинскими полутораметровыми осетрами и нельмами) рыбу – муксуна и щёкура.

По берегам р. Пойлово-Яха в большом количестве растет лиственница – основной строительный материал у ненцев. Из лиственницы ненцы изготавливают нарты, шесты для чума, хореи, доски для пола, столики для еды, колыбели и др. Орудиями изготовления предметов служат: топор (нен. *тубка*), ножи различных

форм (нен. *хар, ня хар, сэдорабць*), шило (нен. *пинчминдя*), лучковое сверло (нен. *парэ*) и пила (нен. *ихибць*). Топоры и пилы ненцы покупают, а ножи делают сами из напильников и пружин капкана. Все заготовки для нарты – полозья, копылья, перекладыны и сидения – выстругиваются топором и доводят до нужных форм и размеров ножами и другими инструментами. Все детали вставляются в пазы. Переднюю часть полозьев размачивают в воде, а затем изгибают, нагревая на костре.

Маленькие столики для еды (нен. *толь*) состоят из столешницы, 4-х ножек, вставленных в пазы и выдвижного ящичка для хранения чайных чашек и блюдеч.

Ящички или сундуки (нен. *лабтэй, ларь*) для хранения и перевозки посуды, орудий труда подгоняют специально по размерам для установки на нарты (нен. *ларь-хан*).

Для выбивания снега ненцы изготавливают из лиственницы специальные палки (нен. *янгыча*). Они делятся на мужские и женские. Первые имеют форму лопатки с вогнутой полостью и длинной ручкой и служат для выбивания снега и сора из шкуры для сидения на нарте, для раскапывания снега, при поисках пастбищ и установке капканов. Вторые имеют саблевидную форму, ими выбивают снег из одежды, обуви, с покрышек чума. Женские выбивалки всегда находятся в чуме с правой стороны от входа. Каждый входящий в полумрак чума с яркого уличного света правой рукой нащупывает выбивалку, и пока глаза привыкают, выбивает снег из своей обуви. Только после этого он проходит на свое место.

Пользуясь обилием строительного материала на р. Пойлово-Яха, находкинские ненцы изготавливают нарты, хореи и шесты для чума не только для себя, но и на продажу, а вернее, на натуральный обмен. Они меняются с антипаютинскими ненцами на живых оленей или оленьих шкур. Цена одной нарты – один олень. Находкинские оленеводы, оставшиеся зимой на р. Мессо, где также в изобилии растет лиственница, делают нарты для обмена с гыданскими ненцами, с которыми они встречаются на территории Красноярского края.

К весне большинство находкинских оленеводов уводит свой стада обратно через Тазовскую губу на весенне-летние пастбища в низовья Таза. Отдельные находкинские семьи остаются на надымской территории, в частности, на р. Монгаюрибей и в районе по-

селка газовиков Юрхарово. Стада надымских оленеводов здесь не выпасаются.

В Тазовском районе на рубеже XX-XXI вв. сложилась наиболее благоприятная, в отличие от других районов ЯНАО, обстановка для сохранения традиционного образа жизни и культуры ненцев. Ненцы, проживающие на Гыданском п-ове занимаются, преимущественно оленеводством и сезонным рыболовством. Благодаря естественно-географическому положению, они оторваны от промышленно развитых центров. Геологоразведка и разработка газовых месторождения не так существенно затронули места их традиционных кочевий. В конечном итоге все эти факторы способствуют сохранению традиционных видов хозяйственной деятельности и бытового уклада, что положительно влияет и на демографические процессы у коренного населения района. Продолжительность жизни отдельных лиц в данной группе доходит до 90, а в некоторых случаях – до 100 и более лет. Однонациональные семьи стабильны, в них сохраняется традиционный уклад. Количество смешанных браков невелико, к тому же, основная часть ненцев проживает в тундре, поэтому существенного размывания этноса здесь не происходит.

Сохранение подобного положения как можно дольше возможно только при взаимовыгодном сотрудничестве нефтегазовых компаний с оленеводами, соблюдении интересов обеих сторон во время разработок нефтегазовых месторождений и прокладке коммуникаций. Только разумное хозяйствование поможет сохранить экологический баланс на территориях традиционного природопользования, а вместе с ним уникальную оленеводческую культуру ненцев Тазовского района.

ГЛАВА VII.

НА ТАЙМЫРЕ

Первого января 2007 года Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа составили единый субъект Российской Федерации – Красноярский край в пределах границ трёх ранее существовавших субъектов. Автономные округа вошли в состав края как Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский муниципальные районы с особым статусом.

Таймырский район целиком расположен за Полярным кругом. Он включает в себя четыре административных объединения (бывшие ранее районами Таймырского автономного округа): городское поселение Дудинка, городское поселение Диксон, ему принадлежит о-в Диксон и часть арктического побережья Енисейского залива; сельское поселение (далее с/п) Караул, его территория простирается по обоим берегам Енисея ниже Дудинки; и сельское поселение Хатанга, в него входит бассейн р. Хатанга и вся северо-восточная часть округа вплоть до границ Якутии. Бассейн притока Хатанги р. Хетá и центральная часть полуострова, а также южная полоса лесотундры по обоим берегам Енисея выше Дудинки находится в подчинении Дудинской городской администрации. Общая площадь района равняется 879,9 тыс. км² [Официальный сайт администрации]. Это самое крупное территориальное образование на Крайнем Севере России.

Район населяют представители пяти коренных народностей Крайнего Севера. Всесоюзная перепись населения 2002 г. зарегистрировала на его территории 5517 долган, 3054 ненца, 766 нганасан, 197 энцев и 305 эвенков. Кроме того, там проживали русские (23 318 чел.), украинцы (2 423 чел.), белорусы (294 чел.), немцы (587 чел.), татары (425 чел.). Всего же там насчитывается более 60 национальностей [Сайт территориального органа].

Большинство ненцев и энцев проживают на территории с/п Караул, в которое входят село Караул и поселки Носок, Воронцово, Байкаловск, Усть-порт, Тухард, Поликарповск, Казанцево, Кереповск, Мессояха, Мунгуй. Большая часть поселков располагается на берегах Енисея. Жители, объединенные в небольшие артели, общества и другие хозяйственные структуры, занимаются олене-

водством, охотой и рыболовством. Численность населения поселков и прилегающей тундры на 2006 год была 4423 человека, в том числе 3109 человек представителей коренных малочисленных народов. Из общей численности доля коренных народов составила 70,3 %, в том числе: ненцев – 2873 чел., долган – 97 чел., нганасан – 7 чел., энцев – 126 чел., эвенков – 5 чел., ульчи – 1 чел. [Здесь и далее Официальный сайт администрации].

Село Караул, административный центр одноименного сельского поселения было основано, по некоторым данным, в 1616 г. Название села, впервые отмеченное на географической карте в 1884 г., связано со словами «караулить», «сторожить», «охранять», «нести дозор». По одной из версий русские люди охраняли здесь вход в Енисей от иностранных мореплавателей, по другой – коренные жители подкарауливали диких оленей. Долгое время это поселение оставалось ясачным зимовьем, затем стало одним из станков русских купцов и рыбопромышленников.

Как и большинство северных поселков, Караул стал развиваться в годы советской власти. В 1930 году здесь был образован первый колхоз «Новая жизнь». Исполняя постановления правительства о «коренизации» руководящих органов северных окраин, председателем колхоза был назначен ненец Васса Лампай. В 1931 г. здесь открылась школа, а в 1934 г. – Дом туземца.

Сегодня в с. Караул проживают ненцы, долганы, нганасаны, энцы, а также русские, украинцы, белорусы, чуваша, немцы, литовцы, азербайджанцы, татары, башкиры и казахи. Здесь сосредоточены все управленческие структуры поселения.

Поселок Усть-Порт расположен между Дудинкой и Караулом. Он был образован в 1916 г. как база будущего порта в низовьях Енисея. В 1921 г. строительство порта прекратилось, но поселок продолжал развиваться. В 1930 году здесь появилась первая школа, через год завершилось строительство консервного завода. В 1937 году открылся лечебный пункт. К концу 1939 года Усть-Порт представлял собой рабочий поселок с рыбозаводом. В предвоенные и военные годы на Таймыр были сосланы тысячи спецпереселенцев – латышей, эстонцев, литовцев, финнов, немцев и калмыков.

В 45 километрах от Усть-Порта, вниз по течению Енисея стоит небольшой национальный поселок Казанцево. Здесь проживает несколько семей ненцев и энцев. Почти все они работают в промыслово-рыболовецком хозяйстве «Большая медведица». Зимой и ле-

том они добывают рыбу, куропаток и зайцев. Вывоз и реализацию продукции осуществляет руководитель хозяйства. Он же обеспечивает рыбаков-охотников всем необходимым для промысла. Поселковые дети учатся в средней школе п. Усть-Порт и живут в пришкольном интернате.

Точной даты возникновения п. Носок не сохранилось. Возможно, он был основан русскими торговыми и промышленными людьми. Постепенно поселок разрастался, здесь стали строиться деревянные дома из плавного леса. До 1970-х гг. здесь располагалась центральная усадьба колхоза, а позже совхоза «Заря Таймыра». Местные оленеводы, охотники и рыбаки ведут кочевой образ жизни, а их дети живут в интернате поселковой средней школы.

Фактория Хинки, как и ряд других факторий была основана на пути кочевий оленеводов, чтобы тундровые жители могли купить хлеб, чай, сахар, другие необходимые продукты и товары. Сюда местные рыбаки сдавали свой улов.

В 25 километрах от Караула расположена рыболовецкая точка Пелядка, где проживает многочисленная семья рыбака-охотника Егора Михайловича Ямкина.

На месте современного п. Байкаловск раньше стояли две рыбацкие избышки да несколько чумов. Застраиваться поселок начал с 1935 г., а вскоре стал центральной усадьбой колхоза «Новая жизнь». Основной отраслью хозяйства являлась рыбодобыча, позже, когда у оленеводов-частников конфисковали оленей, стало развиваться оленеводство. В 1938 г. центром колхоза «Новая жизнь» стало село Мунгуй.

Самым северным поселком с/п Караул является с. Воронцово. Первым поселенцем здесь был купец Воробьев, построивший промысловую избышку. Он завозил сюда из Дудинки товары, а вывозил рыбу, мясо, пушнину. По одной из версий, местные жители называли купца Вороном, поэтому и поселок стал называться Воронцово.

В Воронцовской тундре жили ненцы, энцы, нганасаны и несколько долганских родов. В 1931 году все коренное население объединили в один Долгано-Ненецкий кочевой совет. Группа энцев позже вошла в ненецкий колхоз «Новая жизнь» Малохетского кочевого совета на территории Мунгуйской тундры.

Поселок Тухард появился в связи со строительством газопровода Мессояха – Дудинка – Норильск. До появления газовиков это

место называлось Кислым мысом. Здесь проживали потомки крещеных в XVIII в., ассимилированных ненцами в XIX в. энцев Пальчиных. Сначала здесь располагалась перевалочная база нефтегазодобывающей компании Норильскгазпром. Позже был построен населенный пункт, названный по-ненецки Тухард – город огня. Иногда ненцы называют его Факел, из-за горящих на нефтепромыслах факелов попутного газа.

В 1978 г. было принято решение о разделении совхоза «Октябрьский» Усть-Енисейского района на оленеводческое и рыболовецкое хозяйства. Так был образован оленеводческий совхоз «Тухард».

25 мая 2002 года поселок Тухард, бывший ранее в подчинении администрации Дудинки, передали сельскому поселению Караул.

Основной сельскохозяйственной отраслью экономики с/п Караул является оленеводство. Здесь выпасается самое большое поголовье домашних оленей – около 50000 голов.

Перспективы развития экономики администрация поселения связывает с разработкой месторождений полезных ископаемых – нефти, газа и газового конденсата. Сейчас на стадии изучения и разведки здесь находятся одиннадцать месторождений. Запасы нефти на месторождении Пя-Яха составляют почти 50 миллионов тонн. Одними из крупнейших месторождений являются Пеляткинское, Дерябинское и Казанцевское месторождения.

Ненцы и энцы оленеводы проживают также в п. Потапово, расположенном на территории городского поселения Дудинка. Всего в Потапово 414 жителей. Из них 132 ненца, 49 эвенков, 26, долган, 12 энцев, 10 нганасан и 185 представителей других национальностей.

По одной из версий, поселение на высоком правом берегу Енисея получило название Потапово от фамилии высланного сюда в 1886 г. на жительство рабочего-революционера. Он пользовался уважением у оленеводов, охотников и рыбаков, которые шли к нему за советом, как избавиться от кабалы местного жадного купца, постоянного обчитывавшего их при торговых сделках. В 1926г. в Потапово был образован сельский совет, а через 5 лет организован оленеводческий колхоз.

В XIX в. народы, проживавшие в низовьях Енисея, часто обозначались в научной литературе обобщенными терминами «береговые юраки» и «самоеды», без деления их на роды [Патканов,

1911, с. 43; Рычков, 1916]. К первым исследователи относили всех приенисейских ненцев, а ко вторым – энцев.

В XX в. этнический состав кочевого населения в низовьях Таза и Енисея существенно не менялся. Отдельные эвенки, якуты, долганы, а также командированные в качестве специалистов по оленеводству европейские ненцы, коми и др. на этническую ситуацию не влияли. Ненцы и энцы жили смешанно. Приполярной переписью 1926-27 гг. в междуречье Таза и Енисея было зафиксировано большое количество межнациональных браков, зато отмечено довольно много потомков оненечившихся энцев [ГАКК. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 448].

Расселялись кочевые хозяйства ненцев и энцев на обширной территории от р. Поёловаяха, впадающей в Енисейский залив на севере до п. Игарка на юге. Отдельные семьи проживали среди долган и нганасан [ГАКК. Ф. 2275. Оп. 1. Д. 25]. В районе Рыбной протоки у Енисея в 1926-27-гг. кочевали ненцы Ямкины, Ломпай (Ламбай), Каргаполовы (крещенные Ламбай) и энцы Силкины; в районе р. Соленой и ее притока Варкуяхи – ненцы Ломпай, Ямкины, Тогэ и энцы Силкины; в районе р. Мессо – ненцы Ептуне (Яптунай), Окадэтта (Окотэтто), Ядне, Ямкины, Худы (Худи) и оненечившиеся ханты Хаби; в районе рек Поёловаяха и Монгочияха, а также на мысу Шюгней-Сале – ненцы Шюгней (Сюгней), Яр, Яптуне; в районе р. Танама – ненцы Яр, Теседа, Ептуне и оненечившиеся ханты Сольянчер (Салиндер); на Енисейском мысу Лапто-Сале – ненцы Яр; в районе р. Б. Хета – ненцы Комаровы (крещенные Ненянг); в районе р. Яра – ненцы Яр, Ямкины, Теседа, Вынга (Вэнго), Пяся; в районе р. Гыда – ненцы Лапсуй, Яр, Ептуне, Вынга, Теседа и оненечившиеся ханты Сольянчер; в районе станка Караул – ненцы Фефеловы (крещенные Ламбай) и Тогэ; на Хынке речке ниже села Турновского – ненцы Ломпай, Тогэ, Лырмины; в районе р. Муксунихи – ненцы Яр, Надер (Адер), Ядне, Пяся, Тапкины (крещенные Яр), Теседа, Комаровы и оненечившиеся ханты Хаби; на Чировом озере ненцы Пальчины; на станке Плахино – ненцы Ямкины; на стоянке Убойной – энцы Болины и ненцы Ямкины; у с. Липатниково – ненцы Пальчины и энцы Болины; у с. Толстый нос и Привалово – нижеинбатские «остяки» (кеты) Мангычи и Ламбины; у станков Песчаный и Порша – ненцы Ямкины; у станка Игарка – энецко-якутский метис Пильков, баишенский

селькуп Ачели и ненец Пальчин [ГАКК. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 448. Л. 1-160].

В начале 60-х гг. XX в. основная масса енисейских ненцев и энцев проживала в Таймырском автономном округе (далее ТАО) на территории Носковского, Мунгуйского, Мало-Хетского и Воронцовского сельских советов Усть-Енисейского района. Смешанное проживание ненцев и энцев, межэтнические контакты, брачные связи постепенно привели к возникновению проблем самоидентификации, особенно у молодого поколения этих народов. Как отмечал в 1963 г. В.И. Васильев, некоторые ненцы давно уже перешли на энецкий язык, хотя осознают себя чистыми ненцами. Им же были отмечены случаи двуязычия [Васильев 1963: 35, 38].

Ведущее место в развитии хозяйства приенисейских районов в 1960-е гг. принадлежало укрупненному колхозу «Заря Таймыра». В него вошли артели «Новый путь» (п. Носок), им. Серго Орджоникидзе (п. Лескино), «Красное знамя» (п. Нарзой) и колхоз «Красный Таймырец» (п. Поликарповск). В 1961 г. общая площадь угодий этого колхоза составляла 4970,6 га, из которых 1955,4 га приходилось на олени пастбища. В оленеводстве и охотничьем промысле было занято по преимуществу ненецкое население. В четырех стадах насчитывалось около 5000 оленей. Два стада выпасались на левом, а два – на правом берегу Енисея. В левобережных стадах большинство пастухов являлись энцами [Васильев, Симченко 1963: 14; Васильев 1963: 53].

Основной отраслью хозяйства колхоза было рыболовство. В весенне-летний сезон 1961 г. в колхозе было 52 рыболовецких звена (по 3-5 человек в каждом), работавшие в с. Кареповском, Троицке и Яковлевке. Осенью, по окончании рыболовецкого сезона, рыбаки уходили с семьями в тундру на охоту за дикими оленями и песцами. Кочуя всю зиму по тундре, живя в балках, охотники возвращались в поселки ко времени вскрытия реки [Васильев, Симченко 1963: 13; Васильев, Туголуков 1960: 89].

В результате хозяйственных преобразований 1960-80-х гг. в ТАО колхозы были ликвидированы и на их базе были созданы совхозы. В 1990-е гг. развитием промыслового хозяйства в округе занимались 19 совхозов, госпромхоз «Таймырский» и опытно-производственное хозяйство (ОПХ) Норильский НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера [Васильев 1994б: 426].

Ведущей отраслью хозяйства промысловых совхозов продолжало оставаться оленеводство и рыболовство. Совхозные пастбища были расположены в центральной части п-ова Таймыр и на левобережье Енисея.

С пуском в эксплуатацию магистрального трубопровода Мессояха-Норильск и установлением круглогодичной навигации по Енисею ряд хозяйств, летние пастбища которых располагались на правом, а зимние на левом берегах реки, лишились возможности совершать ежегодные сезонные перекочевки своих стад. Совхозы «Северный», «Октябрьский» были вынуждены свернуть домашнее оленеводство и отказаться от дальнейшего развития этой отрасли. В результате численность домашних оленей в ТАО за 15 лет (с 1975 по 1990 гг.) снизилась на 19,7 % (с 97 тыс. до 77,1 тыс. голов соответственно) [Там же: 427].

На центральном Таймыре в качестве основного хозяйственного занятия местного населения продолжает сохраняться промысел дикого северного оленя. Здесь обитает самое большое стадо этой популяции (525 тыс. голов, по оценочным данным 1982 г. [Там же: 427-428]; более 800 тыс. голов, по данным 1998 г., более 1 млн. голов, по данным 2009 г.).

Пушная охота в 1990-е гг. имела на Таймыре характер индивидуального промысла. Если в 1958-1965 гг. охотники профессионалы и любители ежегодно добывали в среднем 20,8 штук песцовых шкурок на человека, то в 1987 г. было добыто всего 13,3 шкурок. Установление круглогодичной навигации на Нижнем Енисее, ввод в строй магистрального газопровода, строительство автодороги и других объектов изменили миграции песка, что не могло не отразиться на общем состоянии этой отрасли [Васильев 1994б: 427-428].

Рыболовством на Енисее продолжали заниматься совхозные рыболовецкие бригады. Они ловили омуля, ряпушку, чира (шокура), рыб сиговых пород. Для промысла по открытой воде летом и ранней осенью применялись закидные невода и плавные сети. В зимнее время практиковался подледный лов на притоках Енисея и тундровых озерах [Там же].

Для подавляющего большинства ненецких и энецких семей на Таймыре чум давно перестал быть универсальным жилищем для круглогодичного проживания. С постройкой стационарных поселков они получили квартиры в деревянных домах. По убранству и

внутреннему интерьеру эти квартиры не отличаются от тех, которые занимают русские и представители других национальностей. Кроме жилых домов в поселках располагаются комплексы общественных и культурно-бытовых учреждений. Там размещаются правления совхозов, сельские советы, отделения связи, школы-интернаты, детские сады, клубы, больницы, магазины, склады и пр.

У оленеводов ненцев и энцев в качестве зимнего жилища часто используется балок. Прообразом балка послужила кибитка, поставленная на полозья, которую в XIX в. использовали русские купцы для поездок в тундру в зимнее время. Первыми в качестве жилища балок стали употреблять долганы, от которых его заимствовали нганасаны, а от них энцы и ненцы. Современный балок представляет собой остов из деревянных планок, поставленный на полозья гораздо большего размера, чем обычные нарты. Дверь делается с левой стороны по ходу движения. Печка-буржуйка ставится обычно в левом углу от входа. Перед заселением балок покрывается одним слоем нюков из толстых, зимних оленьих шкур (мехом наружу). Внутри балка, пространство возле печки и столика для еды обтягивается покупной клеенкой. Летом шкуры и клеенку снимают. Перевозится балок с одного места на другое упряжкой из 5-7 оленей [Там же: 430].

Зимой оленеводы ненцы и энцы по-прежнему носят традиционную национальную меховую одежду (малицы, парки, сокуи). В начале XX в. среди коренного населения низовьев Енисея стала распространяться одежда и обувь русского образца. В летнее время некоторые мужчины носили покупные штаны и рубахи. Из обуви среди рыбаков получили широкое распространение высокие сапоги-бродни. Сейчас в поселках традиционную одежду носят только представители старшего поколения.

Энцев на Таймыре сейчас значительно меньше, чем ненцев. По данным В.П. Кривоногова, в 2002 г. на Таймыре проживало 245 человек энцев. Основными местами их обитания были центры сельских администраций, поселки Воронцово и Потапово. Отдельные семьи проживали в других поселках, а также в Норильске и Дудинке. Среди энцев был зафиксирован очень высокий процент смешанных браков, что ведет к усилению метисации. Уже в 1992 г. 100 % детей энцев были смешанного происхождения. По мере естественной смены поколений чистокровных энцев на Таймыре скоро не останется [2004: 167-170].

У енисейских ненцев, по данным того же автора процессы метисации проходят менее интенсивно. Наряду с долганами ненцы отличаются от других народов Таймыра максимальной «расовой чистотой». [Кривоногов 1997: 152].

Этнические процессы у разных групп энцев и ненцев протекают в зависимости от конкретной этнодемографической ситуации. Как отмечает В.П. Кривоногов, в северной (тундровой) группе слабее процесс метисации с европеоидами, но активнее смешение с ненцами. В южной группе доминирует русский язык, а в северной — ненецкий. В северной группе у смешанного энецко-ненецкого населения активнее проходят процессы ассимиляции и постепенно закрепляется ненецкое самосознание. На юге наблюдается определенное «этническое равновесие». Естественный прирост численности более ощутим в южной группе, так как здесь больше европеоидных метисов, которые чаще, чем ненецко-энецкое население определяют себя как энцы [1997: 157].

* * *

В июле-августе 2006 г. сотрудники лаборатории антропологии и этнографии ИПОС СО РАН провели комплексное археолого-этнографическое исследование на левых притоках Енисея: реках Большая и Малая Хета́ и Соленая. Этнографическим обследованием была охвачена группа ненцев — рыбаков и оленеводов — приписанных к вахтовому поселку газовиков объединения «Норильскгазпром» Тухард.

Поселок Тухард, был основан в 1968 году, когда строители поставили первые палатки рядом с одиноко стоящим чумом старого ненца Пальчина. Постепенно разрастаясь, поселок стал местом притяжения для оленеводов и рыбаков не только низовьев Енисея, но и ненцев Тазовской и Гыданской тундры. Ненцы и энцы выгодно сбывали здесь продукцию традиционных промыслов (пушнину, оленину, рыбу), и закупали различные продукты и товары по ценам более низким, чем в совхозных магазинах.

Местные ненцы были объединены в колхоз «Большевик», вошедший в 1960-е гг. в укрупненный совхоз «Заря Таймыра». В начале 1990-х годов, с избранием нового председателя совхоз обанкротился и окончательно пришел в упадок. В конце 1990-х гг. в п. Тухард на базе совхоза был организован рыболовецкий кооператив,

преобразованный в 2003 году в сельскохозяйственную промышленную артель «Факел».

Трудами членов артели в помещениях, принадлежавших ранее совхозу, была построена пантосушилка, установлены холодильники, ремонтируются помещения для мехпошивочной мастерской. При вложении определенной суммы денег в развитие артель могла бы приносить весомый доход.

До недавнего времени артель занималась приемом и засолкой рыбы, принимала мясо, панты, рога, шкуры. Рыбу в артель сдавало большинство местных рыбаков. Чира и муксуна здесь принимали по 50 рублей за кг, сига – по 35, пелядь – по 20-30, щуку – по 15, омуля – по 40; оленину – по 45; панты высшего сорта – по 250, первого сорта – по 190, второго сорта – по 140, третьего сорта – по 40, рога – по 60; шкуры волчьих – по 4000, медвежьих – по 10000, росомашьи – по 3500 рублей. Весь принятый товар отправлялся в Норильск по договору с промхозом «Таймыр».

Артель обеспечивала рыбаков лодками, моторами, топливом, сетями, патронами, лекарствами. Поселковые ненцы живут в основном на пособия по безработице или занимаются неквалифицированным трудом. Расширение производства в артели может создать рабочие места и обеспечит людей коренной национальности хорошим заработком.

Коренным населением, проживающим на реках Б. и М. Хета и Соленая, являются ненцы, большая часть которых ведет свое происхождение от энцев. Однако они осознают себя настоящими ненцами, память об энецком происхождении утрачена несколькими поколениями ранее.

Активное проникновение ненцев в междуречье Таза и Енисея отмечается в документах русских ясачных сборщиков, начиная с XVII в. [Васильев 1994а: 29-75; Долгих 1970: 136]. Межэтнические контакты, установившиеся между ненцами и энцами после угасания военных конфликтов, приводили к взаимному заимствованию хозяйственных навыков, элементов культуры и быта. Интенсивное хозяйственное освоение русскими низовьев Енисея привело к частичной утрате коренным населением своих традиционных культурных особенностей.

По данным Приполярной переписи населения 1926-27 гг. в низовьях Енисея проживали ненцы (юраки), приписанные ранее к трем инородным управам: Обдорской, Тазовской и Береговой, а

также отдельные семьи энцев (самоедов), приписанных к Карасинской инородной управе и тазовских хантов (остяков). В районе р. Большая Хета кочевала семья обдорского ненца Прокопия Комарова, из крещеных ненцев рода Ненянг (в переводе – комар). В районе р. Соленой и ее притока Варкуяхи проживали три семьи береговых ненцев Ломпай (Ламбай), одна семья береговых и три семьи тазовских ненцев Ямкиных (крещенные Аседа), три семьи обдорских ненцев Тоге (Тогой) и семья Романа Силкина, из крещеных карасинских энцев рода Вай [ГАКК. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 448].

Нашей группе удалось охватить этнографическим обследованием, проживающих в настоящее время на реках Б. и М. Хета и Соленая шесть семей Ямкиных, находящихся друг с другом в той или иной степени родства, одну семью Теседо, две семьи Тоги, и семью единственного в этой местности долганина Яроцкого, женатого на ненке. Кроме того, по словам информаторов, в этой местности живут ненецкие семьи Лырминых (крещеные Моло Аседа), Найвоседо (Айваседа), Яр, Ядне, Яптуне (Яптунай), Береговых, Пальчиных (крещеные Чор), по одной семье оненечившихся энцев Силкиных и энецко-ненецких метисов Каяриных.

Перевода на русский язык местных ненецких фамилий никто из информаторов дать не мог, кроме самых распространенных и простых: Теседо – безоленный, Яптуне – гусиная лапа. Ямкины очень невнятно говорили о происхождении своей фамилии. Фамилию Лампай пытались переводить как «лыжники» (от нен. *лампа* – лыжа). Также говорили, что Лампай это русское название, а по-ненецки правильно произносить Лаборте, но опять же не дали перевода.

Один из информаторов сказал, что Ямкины и Лырмины происходят из одного корня, они все Нгаседа (Аседа). Ямкины – по-ненецки Пя вана (корень дерева), а Лырмины – Моло (волчья ягода). Жениться между собой они не имеют права. Родственниками по материнской линии местным Ямкиным и Лырминым являются Тоги, Найвоседо, Береговые. Другой информатор сообщил, что Лампай – это чистые (настоящие) ненцы (по одной из версий Лампай энецкий род – Ю.К.). Они пришли сюда с севера, из района Лескино. Браки между двоюродными братьями и сестрами строго осуждаются.

Традиционные обычаи и обряды сохраняются в большей мере у ненцев, проживающих ниже по Енисею, приписанных к поселкам

Носок и Караул. У ненцев на Б. и М. Хете, на Соленой и их протоках уже давно детей называют русскими именами. Возможно, это связано с тем, что здесь очень много представителей различных ветвей рода Аседа (Ямкины, Лырмины) и Чор (Пальчины), которые были крещены еще в конце XVIII века.

Более чем двухвековое соседство с другими родственными и не родственными народами (в поселках Воронцово и Потапово проживают энцы, на Хатанге – долганы и нганасаны, русское и русскоязычное население поселков) напрямую или опосредованно наложило отпечаток на традиционную материальную и духовную культуру местных ненцев.

Летом здешние рыбаки стоят чумами, а с осени перебираются в балки. Летние рыбацкие стойбища располагаются обычно на песчаных плесах или поросших кустарниками берегах рек или проток. Оленеводческие стойбища располагаются в тундре на некотором расстоянии от рек (например, на крутом берегу старицы). Видимо, оленеводы опасаются, что олени могут переплыть мелеющие летом реки и их невозможно будет собрать.

На летнем стойбище стоит обычно один-два, реже три чума. Возле чума некоторые ненцы устанавливают покупную палатку для отдыха дежурного пастуха или для проживания женатого сына с невесткой. Иногда делают маленький чум для приготовления там пищи.

Вещи, которые у оленеводов обычно хранятся на грузовых нартах, местные рыбаки укладывают рядом с чумом на пустые бочки из-под бензина. На каждом стойбище имеется рация для связи с администрацией поселка. От входа в чум протягивается антенный провод, закрепляемый на конце высокого шеста.

Снаружи чум местных рыбаков и оленеводов ничем не отличается от обычного ненецкого чума, те же деревянные шесты, обтянутые брезентом. Внутри, посреди чума, разводится костер, над которым устанавливается на четырех ножках низкая металлическая плита с круглыми отверстиями. На плиту ставят чайники или кастрюли. Традиционных надочажных устройств с деревянными перекладинами и железным крюком нет. На противоположной от входа стороне чума, как обычно стоит столик для продуктов и два маленьких столика для еды. Там, между стеной и очагом могут свободно перемещаться женщины. Вертикального, «священного» шес-

та-симсы нет. Ненцы, живущие в чуме круглый год, устанавливают этот шест только в зимнее время.

Женских распашных ягушек, используемых обычно в качестве одеял для укрытия ночью у местных ненцев нет. Поэтому здесь укрываются покупными одеялами. Члены семьи спят обычно по обеим сторонам чума, ногами к печке. Спальные места закрываются пологом из обычной ткани. Так теплее, а в комариный период – защита от комаров.

Рыбаки выходят на лов рыбы на лодках-казанках с моторами. Ловят рыбу ставными сетями и неводами на Б. и М. Хете, Соленой и на больших и малых протоках. Здесь водится чир (в бассейне Оби и Таза его называют щёкурком), почирок (маленький чир), сиг, нельма, таймень, хариус, пелядь (сырок), сорога, щука, окунь, налим, иногда заходит горбуша. На Енисее ловят омуля, муксуна, корюшку. Иногда в речки заходит осетр, но его ловить запрещено. В озерах на левой стороне Енисея ловится чир, почирок, щука, налим. На правом берегу в озерах встречается красная рыба – кумжа.

Рыбу ненцы традиционно едят сырой, вареной, делают юколу. По-ненецки едение сырой рыбы или мяса называется нгайбат или на говоре енисейских ненцев – нгайбарчъ, но здешние ненцы употребляют энецкое и нганасанское слово – согудать.

Местные оленеводы в летнее время объединяются для совместного выпаса оленей. Собирают вместе до 500 (иногда больше) голов. Далеко не всегда это семьи родственников, часто друзья. Окарауливают оленей круглосуточно. Днем на пастушество ходят пешком, а ночью ездят на нарте, запряженной тремя оленями. Караят оленей по одному или по двое. Осенью, после кораля (подсчета и выбраковки оленей), пастухи разделяют стада и кочуют по одиночке.

Спасая оленей от комаров и мошки, оленеводы делают возле стойбища дымокур из веток тальника и торфа. Иногда дымокур огораживают шестами с натянутой на них сеткой.

Летом олени болеют копыткой (некробактериозом). Лечится она самыми распространенными на Севере лекарствами – бициллином и марганцовкой. Здешние пастухи применяют также ихтиоловую мазь, раньше использовали мазь Вишневского. От бруцеллеза лекарства нет. Раньше, когда существовал совхоз, приезжали специалисты из Норильска, брали у оленей кровь на анализ. От сибирской язвы в июле месяце делают оленям прививки. В сентябре

делают прививки от подкожного овода, вводят оленям инсектицидное лекарство «Этацид». С носовым оводом никак не борются. Аптечки с лекарствами для оленей и людей выдает оленеводам местная ассоциация народов Севера. Зоотехников в стадах сейчас нет, лечебные мероприятия оленеводы проводят сами. Зоотехники приезжают из Тухарда только на кораль.

Настоящим бедствием для оленеводов становятся серые вороны с недавнего времени целыми стаями зимующие на Севере. Весной, как раз во время отела, пастухи устают с ними бороться, вороны нападают на только что родившихся телят.

Самым подходящим периодом для резки пантов местные оленеводы считают конец мая – начало июня. Режут как обычно, завязывая молодые рожки у основания кожаным ремешком или веревочкой, и отпиливают их пилой-ножовкой. Если затем вовремя не снять веревочку, то рога загнойтятся, и гной постепенно перейдет и на голову.

Ушные метки оленям делают с рождения. После 17 августа, когда олени начинают чистить рога, начинается кастрация быков-хоров. Здесь, в низовьях Енисея, быкам вырезают яички или перекусывают зубами семенные канатики.

Клички оленям дают по масти, по особенностям строения рогов и пр. Например, Тэмуй – бурый, Сэрэку – беленький, Хорэку – бычок, Латэку – широкие рога, Хабурта – рога как у лося, Менаруй – запрягают редко и др.

Временных загонов-*ёркулабц* из составленных друг за другом нарт здесь нами не отмечено, нужных для запряжки оленей ненцы отлавливают арканами.

Август – месяц овода, поэтому в это время пастухам не составляет труда собрать стадо. Овод – лучший пастух, – говорят они. Ограду из шестов и сетей ненцы используют для «охоты» на овода, чтобы не пугать собравшихся в кучу оленей. На земле растиляется шкура белого или пестрого оленя, и пастух убивает садящихся на нее оводов. Для «охоты» изготавливается из дерева специальная колотушка, на которую крепится старая подошва от сапога. Каждому подбитому оводу «охотник» откручивает голову и оставляет лежать на шкуре. Другие оводы, видя своих собратьев, летят на эту шкуру, и редко кому удается вернуться от удара колотушкой.

Аркан (нен. *тынзян*) здесь так и называют арканом или по-энецки и нганасански – маутом. Традиционную одежду называют следующим образом: малица – мальча; гусь (нен. *соок*) – сокуй; ягушка (нен. *паны*) – парка; чижы – либт; кисы (нен. *пива*) – бокари. На лицо заимствование некоторых названий у энцев и нганасан.

В качестве зимнего жилища местные оленеводы часто используют балок. У местных ненцев первые балки появились в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Их привезли из района с. Потапово. До этого все ненцы жили в чумах.

Еще одной характерной особенностью обследованной группы ненцев является отсутствие у них священных нарт, где обычно хранятся различные амулеты, куклы, изображающие духов предков и прочие предметы традиционного культа. Это явилось результатом не только многолетней деятельности православных священников по христианизации коренного населения Таймыра, но и результатом активной борьбы с любым проявлением религиозности в 20-30-е годы XX в. Опасаясь репрессий, многие ненцы оставляли священные нарты со всем их содержимым далеко в тундре, зная наверняка, что советская власть туда не доберется, а ненцы чужие вещи не тронут.

Останки одной из таких нарт нам показали наши информаторы. В неглубокой ямке между двумя кустами тальника лежали в беспорядке обломки досок и какие-то металлические предметы. При ближайшем рассмотрении среди останков нами были обнаружены три колокольчика средних размеров, лезвие длинного ножа с односторонней заточкой без ручки, два деревянных полоза от охотничьего щита-лата, небольшого размера деревянная антропоморфная фигурка, деревянные фигурки росوماхи и щуки, связанные друг с другом кожаным ремешком, женские подвески на зимнюю шапку, а также прямоугольная жестяная коробка с крышкой, где, видимо и хранились мелкие предметы. Интересной оказалась находка половины круглой медной бляхи около пятнадцати сантиметров в диаметре. На бляхе изображены два человека, один из которых держит за рога оленя, другой – рыбу. По центру, между ними, личина какого-то существа с рогами. Внизу изображена лодка с тремя людьми. По краю бляхи – фигурный орнамент в виде цветов. Время изготовления и функциональное предназначение бляхи определить не удалось.

Борьба с религией свела на нет и шаманскую практику в этих местах. По словам местных ненцев здесь остался всего один шаман Кузьма Лырмин, да и тот уже не камлает. Почти нет на левой стороне Енисея и священных мест. Нам рассказали только об одном месте, которое ненцы называют Шиде сопка (нен. Сидемаха – двойная сопка).

Погребальные сооружения у местных ненцев традиционные. Отмечаются варианты захоронений. Большое ненецкое кладбище располагается на берегу Большой Хеты примерно в двух километрах от Тухарда. Наземные гробы-хальмеры стоят группами по два, по три и более, что указывает на захоронение здесь родственников. Некоторые гробы на три четверти или по самую крышку вкопаны в землю, встречаются подземные захоронения с могильными холмиками и металлическими оградками. Нововведением является установка мраморных плит (на могилах ненцев Пальчиных).

Тундровые захоронения, которые нам удалось обследовать – одиночные или семейные, располагаются на берегах рек или проток недалеко от стойбищ. Имеются наземные и подземные захоронения. Один из обнаруженных нами хальмеров был изготовлен из половины лодки.

Большинство хальмеров ориентированы головой на запад. На поселковом кладбище, рядом с могилами оленеводов лежат перевернутые изломанные нарты, также ориентированные передней частью на запад. В разных количествах возле могил лежат кости жертвенных оленей и бутылки из-под водки.

По рассказам местных ненцев, нельзя хоронить в традиционных гробах только людей умерших от эпидемий. Например, в устье р. Ёпояха, впадающей в р. Соленую находятся останки нескольких чумов, обитатели которых умерли когда-то от сибирской язвы. Говорят, они поели мяса зараженных оленей. Из всего стойбища остался в живых только один мальчик, который был в гостях на другом стойбище, он то потом и рассказал о беде. Хоронить, как положено покойников не стали, просто перерезали ремешки, связывающие основные шесты, и обрушили чумы.

В целом этнокультурная ситуация у таймырских ненцев достаточно стабильная. Большинство населения продолжает вести традиционный образ жизни. Несмотря на переживаемые в настоящее время экономические трудности, оленеводство в низовьях Енисея может успешно развиваться в будущем. Этому способствует, то что

здесь выпасают оленей именно ненцы, имеющие многовековые традиции ведения оленеводческого хозяйства. Большую роль играет также близость поселков и городов, где хозяйственная инфраструктура способствует развитию промышленности, перерабатывающей продукцию оленеводства. Только тесное взаимодействие руководителей хозяйственных структур с тундровиками поможет наладить здесь взаимовыгодные экономические отношения и сохранить самобытную ненецкую культуру.

ГЛАВА VIII.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКОЛОГИЯ

Оленеводство – это важнейшая отрасль хозяйства коренных народов, живущих в междуречье Оби и Енисея. Оно обеспечивает их всем необходимым для полноценной жизни в суровых условиях тундры и тайги. Поэтому сегодня первостепенной задачей является его сохранение и развитие.

Разумное взаимодействие различных хозяйственных и промышленных структур с оленеводами позволит сделать оленеводство рентабельным, приносящим прибыль не только тундровикам, но и переработчикам и реализаторам оленеводческой продукции.

На сегодняшний день на территории ЯНАО выпасается самое крупное поголовье домашних северных оленей – более 600000 голов. В последние годы наблюдается стабильный прирост оленей, как в совхозных стадах, так и у оленеводов-частников. По сравнению с концом 1990-х гг. численность оленей в округе увеличилась на 100000 голов. На Таймыре выпасается около 50000 оленей и значительного прироста поголовья не наблюдается.

Спад российской экономики 90-х гг. XX в. оказал негативное влияние на развитие многих отраслей хозяйства, в том числе ненецкого оленеводства. В связи с повышением цен на нефтепродукты разрушились традиционные межрегиональные связи, сократился рынок сбыта оленьего мяса, шкур, пантов. В результате этого оленеводческие совхозы стали нерентабельными, некоторые из них обанкротились. Из-за отсутствия наличных денег на оплату труда были сокращены штаты оленеводческих бригад. Кроме совхозных оленеводов пострадали также и частники, которым ограничили прием оленьины на совхозных приемных пунктах. Ненецкое оленеводство в это время переживало глубокий кризис. Большие проблемы возникали в связи с разработками нефти и газа на территориях традиционного природопользования ненцев.

Экономические и экологические проблемы современного ненецкого оленеводства разнообразны, многие из них имеют давнюю историю. В первую очередь они исходят от самих оленеводов. Сегодня, по данным специалистов, только $\frac{1}{4}$ часть коренного населения ЯНАО может полноценно вести оленеводческое хозяйство, обеспечивая себя продуктами питания, материалом для пошива

одежды и покрывал чума и т.д. Это связано с уменьшением в последние десятилетия площадей оленьих пастбищ на территории округа и их продуктивности [Вильчек и др. 1997: 40].

Большую роль здесь играет перераспределение оленей в общественном и частном секторах, набравшее обороты с перестроечных времен и достигшее апогея в XXI в. Совхозы, рыбозаводы и другие организации, занимающиеся сельским хозяйством в ЯНАО, владеют сейчас в округе только 25 % оленьего поголовья, а частники – более 65 %. Если колхозы и совхозы всегда ориентировались на получение прибыли от реализации оленьего мяса, рогов, пантов, то частники постоянно наращивали поголовье и забивали оленей по мере необходимости для собственного употребления.

Эта традиция уходит корнями в далекое прошлое, в XVIII-XIX вв., во времена становления у ненцев крупностадного оленеводства. Владелец большого стада оленей имел массу преимуществ перед рыбаками, охотниками или малооленными хозяевами. Он лучше питался и одевался, сдавал ясак оленьими шкурами и обменивал оленей на необходимые товары, от него зависели бедные соседи и родственники.

Ненцы не использовали опыт коми-ижемских оленеводов, переселявшихся со своими стадами за Урал в XIX в. Ижемцы перенявшие у большеземельских ненцев Архангельской губернии способы ведения оленеводческого хозяйства, усовершенствовали его и сделали товарным. Каждую осень они забивали на продажу до 20 % своего стада, получая доход до 500 рублей. Более склонные к предпринимательству, они стали конкурентами ненцев на тундровых просторах Северного Зауралья. На вопрос, «почему они не продают своих оленей, как это делают ижемцы», ненцы непременно отвечали, что «деньги можно потерять или пропить, а так, их богатство само по земле ходит» [Дунин-Горкавич 1995: 120, 125; Он же 1996б: 113, 114]. Современные ненцы называют своих оленей «живыми консервами».

На рубеже XX-XXI вв. ямальские оленеводы-частники стали активно возрождать традиции предков, увеличивая до возможных пределов оленьи стада. Для того чтобы уберечь пастбища от перевыпаса, а оленей от возможных эпизоотий была разработана специальная окружная программа развития оленеводства, в рамках которой несколько лет подряд оленеводы Ямальского района продавали по 1000 голов оленей совхозу Верхне-Пуровский. Однако и это не

помогло решить проблему до конца. Тундровые олени плохо приживались в лесотундре. Поэтому первоначальная задача «вливать свежую кровь в совхозное поголовье», была заменена созданием отдельных стад и формированием новых бригад оленеводов. В то же время, в северной и центральной части п-ова Ямал отмечалась большая скученность небольших по численности (до 150 голов) стад оленей, принадлежащих частникам. До сего дня эти частники ведут замкнутый образ жизни, кочуя со стадами на небольших участках тундры, ограниченных естественно-географическими преградами (реками, озерами, оврагами и пр.), отделяющими территорию одного хозяина от территории другого. Хотя их предки еще в начале XX в. имели возможность, без большого ущерба окружающей среде, кочевать на юг до Обдорска (Салехарда) и на Север до Карского моря.

Проблемы сокращения пастбищных угодий усугубляет интенсивное развитие в округе нефтегазодобывающей промышленности. Разведка и добыча нефти и газа началась в 1950-х гг. в ЯНАО, а к концу 1960-х гг. были разведаны месторождения в низовьях Енисея. С самого начала разработки нефти и газа велись без учета специфики тундровой флоры и фауны, бездумно уничтожались ягельники, загрязнялись отходами производства рыбные озера и реки. В 1970-1990-е гг. проблемы землепользования в районах проживания ненцев, обострились. Геологоразведочные работы на Гыданском, Тазовском п-овах и в бассейне р. Таз вывели из оборота километры ягельников в Гыданской и Антипаютинской тундрах, в низовьях р. Мессо-яха. Прокладка на п-ове Ямал магистрального газопровода Бованенково-Центр и вахтовой железной дороги по окончании строительства грозит вывести из хозяйственного оборота более 600 тыс. га пастбищных угодий [Васильев 1994а: 435; Он же 2007: 85]. На Тазовском п-ове действует железнодорожная ветка Ямбург – Новый Уренгой, ведется интенсивная геологоразведка в центральной и восточной части полуострова, что создает серьезные проблемы у оленеводов Надымского района.

Своеобразно развивается экономика Приуральского района ЯНАО. Помимо национальных поселков на его территории находятся рабочие поселки Харп, Полярный, Обской, г. Лабитнанги и окружной центр г. Салехард. На Оби и Обской губе с притоками развито судоходство и рыбный промысел. В горах Полярного Урала ведутся разработки рудного и горнохимического сырья.

Приуральский район почти не затронула хозяйственная деятельность, связанная с освоением нефтегазовых ресурсов. Основной хозяйством сельского населения района является оленеводство, 77,5 % площади района занимают олени пастбища. В начале 1990-х гг. поголовье оленей в районе достигло 60000 голов, после чего начался спад и, оно сократилось почти на половину. Большая часть поголовья оленей выпасается в Байдарацкой тундре [Приуральский район 2000: 239, 243]. С ростом числа оленеводов-частников в 1990-е гг. стали возникать проблемы перераспределения пастбищ. Лишенные постоянного заработка и социальной защиты оленеводы-частники увеличивали размеры своих стад, чтобы иметь возможность самим продавать продукцию оленеводства и как-то выживать. Это привело к перевыпасу пастбищных угодий, олени плохо набирали вес, часто болели.

Сейчас поголовье оленей находящееся в частной собственности размещено по территории района неравномерно, что обусловлено особенностями распределения традиционных отраслей среди разных народов Севера. Оленеводством в районе занимается большая часть ненецкого и коми-ижемского населения, поэтому почти все поголовье оленей сосредоточено в северной части района на территории Байдарацкого и Белоярского сельского округов. В Белоярске имеются две оленеводческие бригады совхоза «Байдарацкий», сформированные только из семей коми-ижемцев.

В летний период олени стада выпасаются на пастбищах в бассейнах рек Кара, Байдарата и верхнего течения р. Щучья, на побережье Байдарацкой губы. Зимой пастухи перегоняют стада в зону северной тайги. В среднем в каждом личном хозяйстве содержится 120-130 голов оленей [Там же: 243].

В южной части района оленеводство не играет значительной роли. В Харсаимском сельском округе выпасом оленей занимается всего несколько семей ненцев и коми-ижемцев. По данным на 1999 год в округе было зарегистрировано 7 оленеводческих хозяйств, в которых было всего 119 оленей.

Важной отраслью хозяйства Приуральского района является рыболовство. После банкротства совхозов на их базах в разных поселках стали создаваться рыболовецкие кооперативы и акционерные общества, а также родовые общины коренного, в основном хантыйского, населения. Однако сложная экономическая ситуация, в частности, заниженные цены на рыбу не позволяют сделать вы-

пуск рыбной продукции рентабельным. Например, в с. Харсаим рыбоучасток сейчас не работает на полную мощность. Рыбаки не имеют возможности сдавать рыбу из-за того, что сгорело хранилище-холодильник, стоявшее на берегу. К тому же, между Аксарковским рыбозаводом и Салехардским АО «Надежда» до конца не решен вопрос о правах владения рыбоучастком. Рыбаки «живых» денег не получают, а продуктами отовариваются в долг. Только продавая заезжим покупателям, выловленную сверх плана рыбу, они могут что-то купить.

Традиционным занятием всего коренного населения района является охотничий промысел, как дополняющий вид хозяйственной деятельности. Основным промысловым животным в тундровой зоне является песец, а в таежной белка и ондатра. Из птиц добывают глухаря, тетерева, куропатку.

В Надымском районе экономические и, связанные с ними экологические проблемы оленеводов возрастают с каждым годом. Пограничное положение Тазовского п-ова, большую часть которого занимает район, обусловило специфику выпаса оленей на этой территории. Формально, пастбища от Мыса Круглого и долины Ненянг-Лапте на севере до бассейна р. Надым на юго-западе принадлежат ЗАО «Ныдинское». Однако, в зимнее время, когда ныдинские оленеводы откочевывают к югу от этих мест, сюда приводят своих оленей пастухи из других районов ЯНАО. 20 бригад совхоза «Ярсалинский» и 10 бригад совхоза «Панаевский» кочуют в верховьях рек Кутопьюган и Пырь-Яха. От Мыса Круглого до поселка газовиков Ямбург водят своих оленей пастухи совхоза «Антипаютинский» и оленеводы-частники, приписанные к поселкам Антипаюта и Находка Тазовского района. С юга приходят оленеводы Пуровского района и Белоярского района ХМАО. Департамент агропромышленного комплекса ЯНАО регулирует отношения между совхозами, согласовывая и подписывая договоренности о разрешении выпаса определенного количества оленей на территории Надымского района. Частники, не имея отношения к межрайонным соглашениям, перегоняют своих оленей на надымскую сторону самовольно. Их олени часто не столько съедают, сколько вытаптывают ягель. Некоторые антипаютинские частники остаются на Мысе Круглом, и после вскрытия ото льда Тазовской губы, мотивируя это тем, что не успели до ледохода отогнать оленей на свою терри-

торию. Часто это приводит к конфликтам с ныдинскими ненцами, иногда дело доходит до открытых столкновений.

Нельзя назвать стабильными и взаимовыгодными отношения оленеводов Надымского района с газовиками. Площадь земель, пригодных для ведения традиционного хозяйства, нарушенных в ходе освоения в районе нефтегазоносных месторождений составила на конец XX в. 25,3 тыс. га [География 2001: 325]. Особенно пострадали пастбища северных бригад ЗАО «Ныдинское». Маршруты их сезонных перекочевок, во многих местах пересекаются трубопроводами, железной и автомобильной дорогами, газопромыслами, а также зонами отчуждения, с перепаханной тракторами и бульдозерами тундрой и завалами промышленных отходов. На р. Хэмпаята, где весной происходит отел важенок, в начале XXI в. стояло 11 буровых вышек, на р. Аркаяха – 4, а на р. Лайяха – 2 буровые вышки. На р. Хановейяха стояли 4 неработающие буровые и, вокруг них валялся неприбранный металлический лом. Река Хэмпаята считается у ныдинских ненцев плохим местом. Именно там олени заболевают копыткой (некробактериозом), возникающей оттого, что олени ранят себе ноги о разбросанные по тундре металлические предметы. Много мусора оставляют после себя топографы и взрывники-сейсмологи. Иногда, после прогона по загрязненной территории, олени начинают болеть потому, что съели какой-то мусор. Неоднократные обращения оленеводов в различные инстанции с просьбой об изменении их бедственного положения, не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов.

Экономическую ситуацию и экологические проблемы в Пуровском р-не можно рассмотреть на примере Пяко-Пуровской национальной родовой общины. Правление общины, для удобства местных ненцев перенесено из районного центра Тарко-Сале в п. Ханымей. Сейчас в общине числится около 250 человек, из которых трудоустроено не более 50. На ее территории, охватывающей бассейн реки Пяко-Пур, выпасается около 900 голов оленей. На реках и озерах широко практикуется сезонный лов рыбы. Прием и переработка рыбы ведется Пуровским рыбозаводом, расположенном в районном центре.

На территории Пуровского района разведано 114 месторождений нефти и газа (из 175 по ЯНАО) и места проживания членов Пяко-Пуровской общины находятся в зоне интенсивного освоения. За использование родовых угодий нефтегазодобывающие компа-

нии выплачивают семьям оленеводов и рыбаков денежную компенсацию. В конце 90-х годов прошлого века, одна только компания Ноябрьскнефтегаз тратила на содержание 143-х северных семей около одного миллиона долларов [Власть 1998]. В настоящее время с каждой семьей, входящей в общину, заключается экономическое соглашения в рамках экономического договора об оказании безвозмездной финансовой помощи за использование общинной земли под промышленную разработку. Еще несколько лет назад из 42 семей такие договоры были заключены лишь с 17. Сейчас практически все семьи получают компенсацию по договорам. Помимо этого ненцам выплачивают деньги за ведение кочевого образа жизни, которые в просторечии называют «кочевыми» или «нееловскими». Совокупный бюджет семьи общинника, складывающийся из компенсационных, «кочевых» и вырученных от продажи рыбы денег, позволяет им вести безбедную жизнь. Кроме одежды, пищи и предметов обихода, ненцы приобретают лодочные моторы, снегоходы «Буран», и, даже автомобили.

При непосредственной помощи нефтегазодобывающих компаний в п. Ханымей строится жилье для ненцев – благоустроенные одноэтажные кирпичные коттеджи на две семьи. В настоящее время в трех из них живут уже шесть семей, а их чумы, нарты с вещами и хозяйственные принадлежности находятся под присмотром родственников, живущих в тундре. Прочно вошла в ненецкий быт мобильная связь – как минимум один-два сотовых телефона имеются в каждой семье. Сигналы сотовой связи уверенно ловятся в тундре, так как рыбацкие и оленеводческие стойбища окружены сетью дорог, нефтепромыслами, перекачивающими станциями и пр. Для подзарядки телефонов в чуме используют японские дизельные миниэлектростанции. Зимой от стойбища до поселка ненцы добираются на оленьей упряжке или на снегоходе. Летом же, пройдя несколько километров по тундре между озерами и болотами до ближайшей трассы, едут на попутных машинах или вахтовых автобусах.

В целом, создается впечатление, что лесные ненцы Пяко-Пуровской общины живут хорошо, многие их проблемы решены или будут решены в ближайшей перспективе. На самом деле дела обстоят несколько иначе.

На одном из интернетсайтов, посвященных Пуровскому району, бодро рапортуется о том, что район является единственным в

ЯНАО недотационным, самостоятельно и успешно развивающимся муниципальным образованием, что углеводородные запасы и ценные минеральные богатства его уникальны и практически неисчерпаемы, подчеркивается хозяйственная значимость растительного и животного мира, благодаря чему Пуровский район обладает огромной перспективой развития. О проблемах экологии района ничего не говорится.

В результате промышленного освоения территории района экологическая ситуация в целом и на территории Пяко-Пуровской общины, в частности, с каждым годом ухудшается. То в одном, то в другом месте происходят порывы нефтепроводов или загрязнение почвы токсичными отходами. Имеют место случаи массового падежа оленей, загрязняются нефтью рыболовные угодья ненцев. По данным на конец 1990-х годов, площадь нарушенных промышленным освоением земель в Пуровском р-не составляла более 62,2 тыс. га [География 2001: 325]. Это больше чем во всех остальных районах округа вместе взятых.

Оленеводство в Пуровском р-не с каждым годом все больше деградирует из-за постоянного сокращения пастбищных угодий. Новые дороги и маршруты трубопроводов прокладываются без согласования с правлением общины и хозяевами конкретных угодий, в результате чего иногда разрушаются ненецкие захоронения. На некоторых оленеводческих стойбищах Пяко-Пуровской общины ненецкие семьи живут очень скученно.

В середине 1990-х годов исследователями предлагались различные варианты адаптации коренного населения Пуровского р-на к производственным объединениям, работающим на территории района. Один из них, который условно можно назвать позитивным, предлагал опираться на сохранившиеся социальные связи рода, ввести в практику заключение коллективных договоров с группой родственников, способствовать развитию социально-экономического самоуправления в тундре и многое другое [Дрягин 1995: 103-104]. По сути, речь шла о создании родовых общин и заключении коллективных договоров с нефтегазодобывающими предприятиями, что в настоящее время и делается.

Второй вариант (негативный) предполагал развитие инфраструктуры поселков с созданием новых рабочих мест с перспективными технологиями на основе традиционных промыслов. Адаптацию предлагалось проводить индивидуально, основной упор де-

лая на перепрофилирование молодежи, вышедшей из тундры, принимая ненцев на работу поодиночке в коллективы с доминирующим русским составом и т. д. Кроме того, предлагалось способствовать развитию межнациональных браков [Там же: 104]. Итогом развития ситуации по второму варианту должна была стать полная ассимиляция в Пуровском районе ненецкой молодежи, без перспективы ее возвращения в тундру, постепенное вымирание старых тундровиков, свертывание оленеводства как отрасли традиционного хозяйства. Выгода от этого была бы только нефтегазодобывающим предприятиям, решавшим множество своих проблем.

В настоящее время в Пуровском районе отношения нефтяников с ненцами развиваются в рамках первого варианта, хотя и его нельзя назвать перспективным. Сейчас, как и в советское время, в районе проводится патерналистская политика по отношению к малочисленным народам Севера. Руководство нефтегазодобывающих компаний взяло на себя роль советских партийных и хозяйственных руководителей, обеспечивавших ненцев различными льготами и дотациями. Эта политика приводит, к тому, что у ненцев сохраняется иждивенческое отношение к жизни, сознание того, что о них должен кто-то постоянно заботиться.

Оценивая создавшееся на территории Пяко-Пуровской родовой общины положение в целом, можно прогнозировать в ближайшей перспективе постепенное свертывание традиционных видов хозяйства на территории, принадлежащей общине, переселение ненцев в поселок и выезды их на сезонный лов рыбы до тех пор, пока будут оставаться незагрязненными нефтью какие-либо реки и озера.

Тазовский р-н до недавнего времени меньше остальных районов был затронут разработками нефти и газа. Первую разведочную скважину здесь пробурили в 1962 г. Затем была образована Тазовская нефтегазоразведочная экспедиция. Недалеко от районного центра Тазовский вырос поселок Газ-Сале (Газовый Мыс). Юрхаровская экспедиция, обосновавшаяся в п. Юрхарово Надымского р-на, начала работать на территории Тазовского района в начале 1970-х гг. Геологоразведка и бурение скважин производилась в антипаютинской и находкинской тундрах. Постепенно газовики освоили месторождения в низовьях рек Таз и Мессо-Яха, вдоль побережья Обской губы и в гыданской тундре. В середине 1990-х гг. разведка газа и бурение были приостановлены на большей части

территории района. Были законсервированы вахтовый поселок Юрхарово, поселок экспедиции гдубокого бурения в Антипаюте и ряд других.

По сравнению с другими районами округа ущерб окружающей среде Тазовского района был нанесен в то время незначительный. Небольшая передышка, данная газовиками оленеводам, позволила им без особых опасений выпастать своих оленей на всей территории Гыданского п-ова, поделенного между Гыданским рыбозаводом, совхозми «Антипаютинский» и «Тазовский». Однако на юго-западе п-ова есть место, куда оленеводы стараются и сегодня не пускать своих оленей. Это Мыс Трехбугорный, где в начале 1970-х гг. геологоразведчиками был произведен ядерный взрыв малой мощности для поднятия газоносного пласта (несколькими годами позже такой же взрыв прогремел на р. Адерпаюта на севере Надымского р-на). Выход радиации в этих местах до сих пор губительно отражается на здоровье оленей и людей.

Избегав больших экологических бедствий, ненцы Тазовского района столкнулись в 1990-е гг. с экономическими проблемами. Обанкротившиеся совхозы не платили зарплату пастухам оленеводческих бригад. В поселковых магазинах, с очень скудным выбором, им выдавали продукты и промышленные товары под будущую зарплату. Частники отоваривались на деньги, вырученные от продажи поселковым жителям мяса и рыбы.

В сложившейся ситуации оленеводы сами стали решать свои проблемы. В отличие от жителей таежной зоны (хантов, манси, лесных ненцев), создавших родовые общины и получавших от нефтяников денежную компенсацию за использование своих угодий, тундровые ненцы, опасаясь передела пастбищных территорий, отказались в 1990-е гг. идти по этому пути. Повышение цен на муку, сахар, другие продукты, без которых современные ненцы уже не могут обходиться, или закрытие совхозных факторий, где эти продукты можно было приобрести, вынуждало оленеводов изменять традиционные маршруты кочевий и перегонять на зимне-весенний период свои стада ближе к газопромыслам.

Газовики охотно скупали у ненцев мясо, рыбу и песцовые шкурки. В вахтовых поселках ненцы отоваривались разнообразными продуктами и товарами, к тому же, по ценам гораздо ниже, чем в совхозных магазинах. В Надымском районе – это п. Ямбург и прилегающие газопромыслы, в Красноярском крае – п. Тухард

(Факел), Мессояха, Носок, Караул и др. К Ямбургу подходили оленеводы Антипаютинской и Находкинской тундр, а в Красноярский край перекочевывали гыданские и, частично, находкинские ненцы.

Здесь необходимо отметить, что перекочевки к вахтовым поселкам ненцы совершали со своими стадами, состоявшими из нескольких сотен оленей. В зимнее время на северо-западе Надымского района, как говорилось выше, концентрировалось большое количество оленей антипаютинских и находкинских ненцев, которые вытравляли весенние пастбища надымских оленеводов. Похожая ситуация складывалась и в Красноярском крае. Эти проблемы остаются актуальными по сей день и если в дальнейшем ситуация не изменится, это может привести к катастрофическим последствиям.

В начале XXI в. добыча газа и разведка новых месторождений в Тазовском районе возобновились. На Тазовском п-ове, северо-восточная часть которого территориально относится к району, продолжила свою деятельность компания «Ямбурггаздобыча», в верховьях р. Мессо-Яха, на границе с Красноярским краем – компания «Норильскгазпром». Также в районе работают компании «Ямалнефтегаз», «Новатэк», «Славнефть», «Роснефтегаз». Здесь разведано 28 месторождений углеводородного сырья и в ближайшие 10-15 лет Тазовский район может стать одним из ведущих в округе по их добыче и транспортировке. Как это отразится на оленеводстве и других видах традиционного хозяйства, можно только предполагать.

Нефтегазовые компании, заинтересованные в получении прибыли от добычи углеводородов, заключают с администрацией Тазовского района соглашения о взаимовыгодном сотрудничестве. В них имеются пункты о «рациональном использовании территории при освоении месторождений» и «содействии в развитии объектов социально-культурного и бытового назначения». Большая часть денежных средств, поступающих от газовиков, расходуется обычно на развитие поселковой инфраструктуры. Остальные деньги тратятся на организацию и проведение «Дня оленевода» и «Дня рыбака», где победителей различных соревнований награждают снежками «Буран» или лодочными моторами [Прогноз социально-экономического]. Такая же ситуация сложилась и в других районах округа.

На Таймыре оленеводство никогда не отличалось стабильным развитием. Оно поддерживалось в основном ненцами на левобережье Енисея. Попытки организации оленеводческих колхозов на правом берегу не приносили большого успеха. Приемам оленеводческого хозяйства пытались научить исконных охотников на дикого оленя нганасан. Кроме того, при создании колхозных бригад и распределении пастбищных угодий не учитывался такой естественный природный фактор как миграции дикого северного оленя, что неоднократно приводило к полному уходу дикими большинством стад домашних оленей. В 1990-е гг. таймырские оленеводы переживали те же экономические трудности, что и оленеводы Ямала, связанные с банкротством совхозов, перераспределением общественных и частных оленей, невозможностью реализации продукции традиционных промыслов и пр.

Современная экологическая ситуация на Таймыре очень сложная. В этом регионе имеются залежи полезных ископаемых (нефть, газ, уголь, цветные и редкие металлы). Еще в 1930-е гг. в Норильском районе были открыты медно-никелевые руды. На их базе позже был построен Норильский горно-металлургический комбинат. Удельный вес металлов, производимых комбинатом, в общероссийском производстве составляет: никеля – более 90 %, меди и кобальта – более 70 %, металлов платиновой группы – почти 100 % [Плужников 2000].

Деятельность Норильского комбината связана с огромными выбросами загрязняющих веществ в атмосферу. По данным экологов, оксид серы составляет около 95 % отходящих газов предприятий комбината. В результате средняя концентрация диоксида серы в атмосфере Норильска в десять раз выше средней по стране. Например, в районе Норильска из-за загрязнения атмосферы (достигавшего 22,5 млн. т. газообразных и твердых выбросов в год в конце 1980-х гг.) кислотные дожди выпадают на площади 400 тыс. км² (что превышает территорию Германии). Поврежденные деревья и кустарники встречаются на территории 5,65 тыс. км². Древесная растительность почти полностью уничтожена на площади 1,8 тыс. км² [Вильчек и др. 1997: 34-35]. Максимальные концентрации двуоксида азота превышали допустимые нормы почти в 25 раз. Критические нагрузки по выпадению серы превышены в 6 раз, азота – в 1,2 раза [Современное 2004: 48].

Особое место среди загрязнителей занимают тяжелые металлы – медь, никель, в меньшей степени цинк, хром, свинец, кадмий и др. Проникновение этих металлов в почву (особенно меди и никеля) уменьшает видовое разнообразие мхов, лишайников. Сокращаются ягельники. Очень большая концентрация вредных веществ наблюдается в деревьях хвойных пород (ель, сосна), можжевельнике. Повышенное содержание металлов обнаружено в грибах и ягодах, так что становится опасным употреблять их в пищу [Российская 1996: 20, 49].

Сложившаяся ситуация вынуждает местных охотников и пастухов искать новые места для охоты и кочевков в отдалении от своих прежних территорий. Начиная с 1960-х гг. коренные жители Таймыра стали переходить от сети небольших, равномерно распределенных поселений, расположенных вдоль традиционных торговых путей, к периферийным поселкам, отделенным друг от друга зонами загрязнения и объектами энергетики. К ним относится самая северная гидроэлектростанция в мире, Хантайская ГЭС, построенная в 1972 г. Площадь ее водохранилища чуть более 2 тыс. км². При строительстве электростанции в зоне затопления оказались значительные охотничьи территории и пастбища эвенков, энцев и долган, проживавших в поселках Потапово, Хантайское Озеро и Игарка. Со времени образования водохранилища воды Хантайского озера периодически заливают стоящий на нем одноименный поселок или же отсекают его от суши широкой полосой грязи [Современное 2004: 48].

На сегодняшний день на территории Таймырского района выведено из хозяйственного оборота более 13 млн. га земель охотничье-промыслового назначения и оленьих пастбищ. Экономический ущерб, по данным специалистов, оценивается в 50 млрд. рублей. Ежегодный сброс загрязненных сточных вод полностью уничтожил рыбные запасы в реках Щучья, Купец, Амбарная, Талнах и др. Загрязняются подземные воды. Изменяется микроклимат и условия жизнедеятельности населения региона. В результате изъятия земель хозяйственного назначения и техногенного воздействия Норильского комбината ликвидированы 13 колхозов, 13 становищ в Авамском районе, 2 поселка, 2 становища в Дудинском районе. При этом экономический и экологический ущерб хозяйствам возмещен не был. Денежная компенсация за загрязнение окружающей среды в район не поступает. Норильский промышленный район и

прилегающие территории по совокупности показателей могут быть отнесены к зоне экологического бедствия [Там же].

На морском и речных побережьях Таймыра скопилось огромное количество промышленных и бытовых отходов, металлической тары и металлолома, а проблема сбора, размещения и утилизации этого мусора практически не решается. По предварительным подсчетам экологов только металлических бочек на территории района сконцентрировано от ста двадцати до ста пятидесяти тысяч штук [Там же: 49].

Если Норильский комбинат создает экологические проблемы на правом берегу Енисея, то на его левом берегу угрозу экологическому равновесию представляет деятельность предприятий нефтегазового комплекса. Разведка и промышленное освоение месторождений нефти и газа, строительство вахтовых поселков, магистральных газопроводов, железных и автомобильных дорог влияет на естественные миграционные пути оленьих стад. Пуск в эксплуатацию магистрального трубопровода Мессояха-Норильск исключил возможность для многих хозяйств оленеводов совершать сезонные перекочевки на летние пастбища. Кроме того, после себя на выработанных месторождениях газовой оставляют практически безжизненное пространство, на естественное восстановление которого уйдет не одно десятилетие. Промышленное освоение газоносных площадей на левобережье Енисея идет пока не так интенсивно, как в ЯНАО. Но и здесь уже появляются проблемы сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности. Вдобавок к трубопроводу Мессояха-Норильск планируется строительство еще одной ветки газопровода в районе рек Большая и Малая Хета и Соленая, что неизбежно негативно отразится на жизни и деятельности коренного населения Таймырского района. Если газовой потеснят оленеводов, то в ближайшем будущем здесь можно прогнозировать нарушение экологического баланса в связи с перевыпасом пастбищ, а затем резкое сокращение поголовья оленей.

Можно отметить, что сегодня на Таймыре ведется строгий контроль за соблюдением экологических норм при промышленном освоении территорий, хотя ситуация еще далека от идеальной.

Для того чтобы в корне изменить положение, необходимо принимать срочные меры по защите северных территорий в междуречье Оби и Енисея. Одним из таких мероприятий должно стать создание заповедников или заказников в ареалах обитания тундро-

вых животных и на нерестилищах ценных рыб, с запретом там любых видов производственной деятельности. Также необходимо законодательное закрепление за ненцами и другими оленеводами Западной Сибири права на хозяйственное освоение тундровых и таежных угодий. Кроме того, можно наладить взаимовыгодную торговлю с ненцами через систему факторий, что избавит их от излишних перекочевков по тундре и позволит сохранить экологический баланс. Все промышленные разработки необходимо проводить с учетом экологических последствий для региона. За использование территорий охотничье-промыслового и оленеводческого назначения предусматривать компенсационные выплаты конкретным владельцам угодий.

Если меры не будут приняты в ближайшее время, это может привести, в обозримом будущем, к частичному или полному свертыванию ненецкого оленеводства как ценной отрасли сельского хозяйства, постепенной люмпенизации, деградации и деэтнизации коренного населения Ямала и Таймыра.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Оленеводство в России, начиная с постсоветского периода, оказалось в состоянии глубокого экономического кризиса. Некоторые исследователи сравнивают его по размаху с последствиями коллективизации начала 1930-х гг. [Клоков, Хрущев 2004: 11-12] Однако если в те далекие годы советское правительство принимало меры по стабилизации положения, то в 1990-е гг. никто этого не делал. Оленеводы были предоставлены сами себе и, выживали как могли. Не стали исключением и ненцы, проживавшие в Ямало-Ненецком и Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округах. Резкий переход государства от политики патернализма в отношении ненцев к политике «равных возможностей» стал главной причиной упадка оленеводческих хозяйств Ямала и Таймыра в конце XX-начале XXI в.

Являясь сложной отраслью сельского хозяйства, отличной от других отраслей, оленеводство нуждается в особой системе управления. До эпохи колхозного строительства у ненцев существовала традиционная система распределения пастбищных, рыболовных и охотничьих угодий, где богатые оленеводы позволяли вести хозяйство своим малоолненным сородичам и нередко помогали им оленями и продуктами. Советское правительство уравнило всех в правах и обязанностях и поставило под контроль Министерства сельского хозяйства управление оленеводством. Предоставляя различные льготы и дотации, организуя забой оленей, занимаясь переработкой и реализацией оленеводческой продукции, на протяжении нескольких десятилетий партийное и хозяйственное руководство сформировало у ненцев иждивенческое сознание, уверенность в том, что государство будет постоянно заботиться о них. Тем больнее было оленеводам почувствовать себя в 1990-е гг. оставленными на произвол судьбы.

В настоящее время, положение в ненецком оленеводстве, несмотря на небольшой экономический рост, еще далеко от стабильного. Однако оно имеет хорошие перспективы развития, так как на бескрайних просторах тундры выпасается большое количество оленей. При рациональном подходе к хозяйственному освоению тундровых территорий, ненецкое оленеводство может приносить стабильную прибыль от реализации мяса, шкур, пантов, рогов, камусов, без ущерба для традиционного кочевого быта ненцев. Для

этого необходимо чтобы государственные управленческие структуры активнее сотрудничали с оленеводами, привлекая их к управлению оленеводством и принятию решений по вопросам хозяйственного освоения территорий Ямала и Таймыра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

ГАКК. Ф. Р-769; Ф. 2275.

Прогноз социально-экономического развития // Сайт администрации Тазовского района ЯНАО. Режим доступа: <http://tasu.ru/evolution/1197/1198>.

Официальный сайт администрации Красноярского края. Режим доступа: <http://www.taimyr24.ru/about/area/>.

Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. Режим доступа: <http://www.krasnet.ru/~statis/text/vpn2002.htm>.

ЛИТЕРАТУРА

Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. Екатеринбург. С. 121-132.

Алекса А.П. Словарь терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях. М., 1971.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XVII-XVIII вв. Иркутск. Обл. изд-во, 1941.

Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896.

Бахрушин С.В. Самоеды в XVII в. Т. III. Ч. 2. М., 1955.

Бруин де К. Путешествие через Московию. Чтение в Императорском Общ-ве истории и древностей российских при Моск. Университете. Кн. первая. М., 1872

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I. Саянский очаг одомашнивания оленя) // Советская этнография. 1970. № 6.

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II. Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии // СЭ. 1971. № 5.

Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1.

Васильев В.И. Лесные энцы // Сибирский этнографический сборник V. М.-Л., Наука. 1963. С. 33-70.

Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979.

Васильев В.И. Ненцы. Энцы // Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М. 1994а. С. 29-75.

Васильев В.И. Ненцы, энцы, нганасаны (северосамодийские народы) // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994б. С. 412-440.

Васильев В.И. К проблеме строительства магистрального газопровода и железной дороги на полуострове Ямал. 1987 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1985-1994 годы. М. ИЭА, 2007. С. 83-88.

Васильев В.И., Симченко Ю.Б. Современное самодийское население Таймыра // Советская этнография. № 3. 1963. С. 9-20.

Васильев В.И., Туголуков В.А. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // СЭ. №5. 1960. С. 128-141.

Власова И.В. Русские в Сибири и на Дальнем Востоке // Русские. Народы и культуры. М. Наука, 1997.

Вербов Г.Д. Лесные ненцы // СЭ, № 2, 1936.

Вербов Г.Д. Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. Салехард, 1937.

Вершинин Е.В. Надымский городок в XVII веке и русское освоение Северо-Западной Сибири (по материалам письменных источников) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 28-31.

Вильчек Г.Е., Серебряный Л.Р., Тишков А.А. Устойчивое развитие российской Арктики: Что может география? // Изв. РАН. Сер. Географ. № 1. М., 1997.

Власть. № 29(281). 04.08.1998. С. 21.

География Ямало-Ненецкого автономного округа. Природа, население, хозяйство, экология. Уч. пособие для 8-9 классов. Тюмень. Изд-во ТюмГУ. 2001.

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск. Новосиб. гос. ун-т, 1993.

Головнев А.В., Зайцев Г.С., Прибыльский Ю.П. История Ямала. Тобольск – Яр-Сале. 1994.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Ново-николаевск, 1925.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., Наука. 1970.

Дрягин В.В. Проблемы адаптации коренных народов Тюменского Севера к производственным структурам (на примере объединения «Пурнефтегазгеология») // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск. Изд-во ТГУ, 1995. С. 95-104.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. I. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М. Либеря, 1995.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. II. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М., Либеря. 1996а.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. III. Этнографический очерк местных инородцев. М. Либеря, 1996б.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992.

Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. Т. XLIX. СПб., 1913.

Зенько М.А. Экологический календарь лесных ненцев: опыт хозяйственно-культурной, этнографической и историко-этнографической реконструкции // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Пярых Сибирских чтений. СПб., 2004.

Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771-1772). Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Труды института этнографии. Т. 5. М.-Л. Наука, 1947.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. Спб., 1847.

Карапетова И.А. Лесные ненцы: к проблеме региональной и субэтнической специфики в материальной культуре // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. Сб. статей. М., 1986. С. 48-55.

Карапетова И.А., Соколова З.П., Соловьева К.Ю. Этносоциальная ситуация и проблемы традиционного природопользования

восточных хантов и лесных ненцев // Народы Сибири. Кн. 2. Сибирский этнографический сборник. 7. / Библиотека Российского этнографа. М. ИЭА; КМЦ, 1995. С. 5-20.

Квашнин Ю.Н. Этнодемографические характеристики населения национальных поселков Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Современные тенденции репродуктивных процессов у народов Севера (социально-демографический аспект). М. ИЭА РАН, 1996. С. 100-209.

Квашнин Ю.Н. Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири (ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник. Народы Севера России. М. ИЭА РАН, 2000. С. 5-75.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о селькупско-ненецких межэтнических контактах в низовьях Таза // Словцовские чтения – 2002. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень. Изд-во Тюм. ун-та, 2002а. С. 143.

Квашнин Ю.Н. Селькупы в низовьях Таза // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4. Тюмень. ИПОС СО РАН, 2002б. С. 230-232.

Квашнин Ю.Н. Гыданские ненцы: история формирования современной родовой структуры (XVIII-XX вв.). М.-Тюмень, 2003.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о границе расселения ненцев и энцев в XVII в. // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Ч.1. СПб., 2004. С.163-166.

Квашнин Ю.Н. Оленеводство сибирских тундровых ненцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень. ИПОС СО РАН, 2005. С. 200-223

Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. Информационно-аналитический обзор. Т. 1. СПб., 2004.

Козьмин В.А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце начале в. (проблемы происхождения и типология). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Л., 1981.

Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 45-48.

Козьмин В.А. Оленеводство коми-ижемцев в Западной Сибири // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск. ОмГУ, 1990.

Кольчева Е.И. Ненцы Европейской России в конце XVII-начале XVIII века // СЭ. №. 2.

Кривоногов В.П. Русскоязычные метисы? // Народы Сибири. Права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 148-161.

Кривоногов В.П. Энты в начале XXI в. // Этносы Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2004. С. 167-171.

Крупник И.И. Становление крупнотабуного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М. Наука, 1989.

Кузнецова Ф.С. История Сибири. Ч. 1. Новосибирск. ИНФО-ЛИО-пресс, 1997.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб., 1868.

Лёзин В.А. Реки и озера Тюменской области. Тюмень, 1995.

Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М. Гос. уч.-пед. изд, 1957.

Марков С. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах // Избранные произведения в двух томах. Том первый. М. Худож. лит-ра, 1990.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург. Изд-во УРГУ, 1997.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVII-первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

Мухачев А.Д., Лайшев К.А., Зеленский В.М. Таймыр: традиционное природопользование аборигенных народов. Новосибирск, 2001.

Народы Сибири. М.-Л., 1956.

Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты. М. Наука, 2005.

Ненцы Ямала: кочевники и хранители традиций (к 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа). Тюмень-Салехард, 2005.

Обдорский край и Мангазея в XVII в. Сб. док. / Авт.-сост. Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004.

Общественный строй у народов Северной Сибири. М. Наука, 1970.

Очерки истории Яр-Сале. Тюмень. Изд-во «Вектор Бук», 1997.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911.

Плужников Н.В. Народы Таймырского автономного округа: рукопись аналит. докл. По народам Севера и Сибири, 2000 // Архив ИЭА РАН.

Подкорытов Ф.М. Оленеводство Ямала. Сосновый Бор. Тип. Ленингр. атом. станции. 1995.

Приуральский район на карте Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург. Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000.

Приходько М.С. Картинный словарь русско-нещанского языка. СПб., 2000.

Российская Арктика: на пороге катастрофы. М., 1996.

Рычков К.М. Береговой род юраков // Записки ЗСОРГО. Т. 3. СПб., 1916. С. 154-191.

Северное оленеводство. М. Колос, 1979.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М. Наука, 1976.

Симченко Ю.Б., Смоляк А.В. Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М. Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993. С. 201-253.

Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад. М. ИЭА РАН, 2004.

Старков В.Ф. Русское арктическое мореплавание в XVI в. и походы на Шпицберген // Проблемы историко-культурной среды Арктики. М. 1990.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). / Сб. док. Сост. Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова. Тюмень, 1994.

Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М. Агропромиздат, 1986.

Титов А. Сибирь в XVII веке (Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях с приложением снимка со старинной карты Сибири). М., 1890.

Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб. 1871.

Турутина П.Г. По тропам моих предков и моего детства. Екатеринбург, 2000.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.-Л., Наука. 1966.

Хомич Л.В. Современные этнические процессы на Севере европейской части СССР и Западной Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., Наука. 1970.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. Наука, 1976.

Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.

Хомич Л.В. Некоторые вопросы хозяйства, культуры быта коренного населения Пуровского и Надымского районов Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. 1962 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1959-1962 годы. М. ИЭА РАН, 2005. С. 399-409.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам в 1837 году. Т. 1. СПб., 1855.

Языки и письменность самоедских и финноугорских народов // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. / Ред. Г.Н. Прокофьев. М.-Л., 1937.

Ямал знакомый и неизвестный. Тюмень. ИПОС СО РАН, 1995.

Castren M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. St.-Pb., 1856.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭКСПЕДИЦИЯ В АНТИПАЮТИНСКУЮ ТУНДРУ

(из полевого дневника этнографа) *

11 августа, четверг.

11.00. Встали поздно. Вчера до полуночи разбирали собранный материал. День солнечный, как на заказ. Анатолий Андреевич сказал, что, вроде бы слышал звук вертолета. После завтрака группа отправилась на работу, а я пошел в поселок узнавать улечу ли сегодня в тундру. В воздух поднялся какой-то вертолет. Я подумал, что это тот самый, и очень расстроился. Пришел в правление совхоза, где мне сказали, что вертолет действительно улетел и больше не собирается делать рейсов. Совсем упав духом, побрел в аэропорт. Начальник аэропорта Бородулин сказал, что летчики сами ничего не знают. Возможно, что в тундру они все-таки полетят. Честно говоря, здесь царит страшная неразбериха с транспортом. Сегодня тебе говорят, что вертолета не будет, на завтра выясняется, что он уже улетел (то же самое мы наблюдали и в п. Гыда в прошлом году). Вылет в тундру откладывается со дня на день уже две недели. В конторе совхоза в мешках портится хлеб, заготовленный пять дней назад для совхозных оленеводов.

13.00. Зашел в пекарню и на всякий случай заказал 10 булок хлеба для тундровиков и купил две для наших. На вертолетной площадке встретил Нину Николаевну Ядне и Людмилу Дмитриевну Салиндер. Они ждут прибытия вертолета. Я побежал в гостиницу собирать вещи. Через двадцать минут борт приземлился на вертолетной площадке. Сгибаясь под тяжестью рюкзака, быстрым шагом зашагал к вертолетке. Доски на высоких мостках пружинят, того и гляди, слечу с них в кусты ольшаника. Вертолет закрутил винтами, и я прибавил шагу. Нина Николаевна уже сидела в вертолете и махала мне из открытой двери рукой, поторап-

---

* Выезд в тундру был частью экспедиционных работ, проводившихся Гыданским отрядом Северной экспедиции Института этнологии и антропологии РАН с 18 июля по 22 сентября 1994 г. в п. Антипаюта Тазовского района ЯНАО. Руководил экспедицией автор, лаборантами-исследователями были А.А. Шульдин, Ю.А. Хухлина и Е.С. Патрикеева. Основной целью экспедиции был сбор демографических данных и генологических описаний у ненецкого населения приписанного к Антипаютинскому сельскому совету.

ливая. Я побежал, насколько позволял бежать рюкзак. Взять хлеб в пекарне так и не успел.

В вертолете нас оказалось всего 6 человек: Нина Николаевна, ее племянница Александра, Ира дочь Начу Вануйто бригадира 1-й бригады, которая везла из надымской больницы своего младшего, грудного братишку, ненец-проводник и я. Весь проход между сидениями был завален мешками с хлебом. В задней части стояло несколько ящиков дешевой литовской водки «Кристаллина».

14.00. Наконец вертолет поднялся в воздух. Все прильнули к окнам. Командир борта взял курс на запад. Летим вдоль побережья Тазовской губы. Красота неописуемая. Летим довольно низко, поэтому видны все отмели на губе. Берег губы песчаный, а от него вглубь материка расстилается буро-зеленым ковром плоская тундра. Пейзаж очень сильно отличается от чукотского, где сплошь холмы и огромные сопки.

Нина Николаевна сказала, а вернее прокричала мне из-за сильного шума вертолетного винта, что сначала мы приземлимся на стойбище 1-й совхозной бригады. Дочь бригадира с нетерпением всматривалась в тундру, желая поскорее встретиться с родными.

От монотонного гудения мотора я вскоре задремал. Разбудили меня маневры вертолета, который, чуть накренившись вправо, стал делать круг, чтобы зайти на посадку. Я открыл иллюминатор и сделал снимок оленеводческого стойбища. Это было 1-е стадо. Мы подлетали к 5-ти чумам, стоявшим полукругом. Вокруг каждого из них стояли нарты. Услышав звук вертолета, все обитатели стойбища вышли из чумов и побежали к месту посадки.

Вертолет мягко опустился на тундру. Летчики, не останавливая винта, открыли дверь и выкинули лестницу. Первой вышла Ира, ее мать приняла у нее ребенка и они вместе пошли к чумам. В вертолет ввалился бригадир Начу, высокий, плотного телосложения ненец, с окладистой черной бородой. Его вид впечатляет. Еще в Антипаюте Нина Николаевна рассказывала мне про него. У него самая большая в округе семья, красавица жена и 15 детей. Его бригада – самая лучшая в совхозе «Антипаютинский», в ней больше всего оленей – 10000 голов. Бригадира неоднократно награждали грамотами, премиями и возили на различные мероприятия окружного, областного и даже всесоюзного значения. Говорят, что от этого он даже возгордился. Начу выгрузил несколько мешков с

хлебом и два ящичка водки. Летчики быстро закрыли дверь, и вертолет снова поднялся в воздух.

Дальнейший полет оказался не долгим. Вскоре вертолет опять пошел на посадку. Это 10-е стадо. Здесь я останусь и поработаю. И здесь вертолет встречали все жители стойбища. Я вышел из вертолета и оттащил подальше свой рюкзак. Ко мне подошли два ненца и поинтересовались, кто я такой и зачем приехал. Объяснил им, что я этнограф, изучаю жизнь и быт ненцев. Расказать что-то еще из-за шума винта было невозможно.

Особый восторг у встречающих вызвало появление Нины Николаевны. Молодые ненки в суконных ягушках и цветастых платках окружили ее, стали что-то говорить, перекрикивая звук мотора, их лица светились радостью. Мужчина в малице поприветствовал ее, вскинул на плечо ее рюкзак и пошел к ближайшему чуму. Племянница Нины Николаевны вышла из вертолета обнялась с матерью и зашла обратно. Она не могла остаться с родными, в поселке ее ждал маленький сын и работа. Летчики жестами просили всех отойти от вертолета и полетели в обратный путь.

16.00. На стойбище стоит 3 чума. Нина Николаевна познакомилась со своим братом Нерчу Ядне, а потом отвела в чум к Владимиру Яптунаю, где я и обосновался. Радушные хозяева пригласили меня пить чай. Меня усадили на шкуры на правой стороне чума. Хозяйка выдвинула на середину низенький столик, поставила на него небольшие пиалы с маслом и сахаром, а также миску с морошкой и голубикой засыпанной сахаром, большим ножом нарезала хлеба. Из выдвигаемого ящичка стола она достала чашки, блюда и чайные ложки. Хозяин предложил выпить водки за знакомство. Во время еды хозяйка чума сидела все время молча в стороне, а к столу подходила только, когда муж просил ее подлить нам чаю. Ненцы пьют довольно густой чай, заваривая его прямо в большом чайнике.

После чая мы с хозяином закурили, и он стал не спеша спрашивать меня о моей работе и жизни в Москве. Уже не в первый раз мне приходится выслушивать от ненцев мнение, что все москвичи живут без забот, у каждого из них есть квартира, машина, хорошая зарплата. Приходится их переубеждать, что далеко не все живут в Москве обеспеченно.

Во время разговора я рассматривал внутреннее убранство чума. Чум поставлен прямо на землю. Посредине, в небольшом уг-

лублени тлеют угольки костра. Над очагом висит деревянное устройство с отверстиями и с железным крюком для подвешивания котла или чайника. У левой и правой стены чума лежат оленье шкуры. За очагом установлен вертикальный шест. За ним стоит столик на высоких ножках, где лежит хлеб, пакеты с макаронными изделиями, пачки чая, сигареты и разная мелочь. Чум покрыт брезентом.

Настало время и мне задавать вопросы. Я достал свои тетради и стал составлять родословную этой семьи. Она оказалась не такой большой, потому, что основная масса носителей фамилии Яптунай проживают в Гыданской тундре. Предки этой семьи перекочевали оттуда. Жена Владимира Яптуная из рода Вануйто. С ними живет еще мать Владимира, урожденная Салиндер. У них трое мальчиков и трое девочек. Старший сын Родион сейчас в тундре с оленями. Девочки и младшие сыновья в чуме у Нерчу. Там, Нина Николаевна или как ее здесь называют по-ненецки уважительно Нина-хада – бабушка Нина, раздает подарки. Почти все обитатели стойбища находятся в том или ином родстве с бабушкой Ниной. Ядне одна из самых больших фамилий в антипаютинской тундре.

18.00. Вышел из чума, чтобы немного проветриться. Ко мне сразу же подбежали три небольшие собаки, разной масти и стали вертеться возле меня. Я погладил одну из них, тут же под мою руку подлезла другая. Третья зарычала на первых двух и попыталась отогнать их от меня. Я погладил и ее. Они чуть не передрались между собой. Видимо, ненцы не особенно балуют своих собак лаской.

Постеснявшись спросить, есть ли здесь определенное место, где отправляют нужду, я пошел за ближайшую сопку. Невдалеке увидел Нерчу, который, сняв ремень, подпоясывавший малицу, присел на корточки. Малица со всех сторон полностью прикрыла его ноги, и понять, чем он занимается, было невозможно. Чуть правее Владимир проделал то же самое. Я пошел дальше, чтобы скрыться от посторонних глаз.

Погода была солнечной и теплой, но дул сильный ветер. Я прошелся по окрестностям, собирал голубику. Возвращаясь к стойбищу, увидел двух мальчиков лет семи. Одеты в малицы они соревновались в стрельбе из небольших самодельных луков. Один из них что-то почти непрерывно говорил другому по-ненецки, а вто-

рой внимательно его слушал, изредка отвечая, и выполнял все его указания. Так играя и разговаривая, они уходили все дальше от стойбища.

Из чума вышла Нина-хада. Увидев меня, она спросила, как я устроился, и стала рассказывать о своих родственниках и об их жизни в тундре. Я расспросил ее о жителях остальных чумов.

Бригадир Молька Лапсуй со своей семьей жил в среднем чуме. А в нескольких километрах отсюда располагались еще два чума. Это карантинная часть 10-го стада. Летом олени болеют копыткой, поэтому все большие совхозные стада разделяют на две части, чтобы легче было выявлять и лечить заболевших оленей. Сейчас Молька, Родион Яптунай и Денис Ядне были в стаде. Вместе с пастухами карантинного стада они занимались лечением и кастрацией оленей.

Во время нашего разговора из чума вышла жена Нерчу в старой суконной ягушке. Она вынесла доску, уперла ее одним концом в землю, натянула на нее шкуру и принялась выскрабливать ее железным скребком, вставленным в середину слегка изогнутой палки. Кожа, имевшая желтоватый оттенок, постепенно становилась все белее и белее.

20.00. Незаметно наступил вечер. Я подошел к чуму Яптунаев. Возле чума сидела старшая дочь Владимира Нонна, девушка двадцати лет, и при свете заходящего солнца с увлечением читала какую-то сильно потрепанную книгу.

Из чумового отверстия тянулся дымок. Зайдя внутрь, я присел на шкуры. В чуме горела керосиновая лампа, прикрепленная к вертикальному шесту. Хозяйка возилась у костра, над которым висел большой котел, а два черных прокопченных чайника стояли прямо на углях. В котле варилось оленье мясо. Через полчаса оно было вынуто и положено в большую миску, а бульон густо заправлен мукой. Хозяйка не говоря ни слова, выдвинула на середину стол, нарезала хлеба и поставила миску с мясом. К столу, подогнув под себя ноги, подсади только мы с Владимиром и мальчишки. У каждого ненца имеется свой нож. Я тоже достал свой небольшой перочинный ножик. Каждый взял себе по куску и стал есть, отрезая по маленькому кусочку.

Еще в прошлом году, в Гыде, меня поразило, как ненцы едят мясо. Они зажимают большой кусок зубами и быстрым движением ножа снизу вверх отрезают маленький кусочек. Так же ели ба-

ранину монголы-скотоводы в фильме Никиты Михалкова «Урга – территория любви». Я попробовал проделать то же самое, но чуть не отрезал себе кончик носа.

Пока мы управлялись с мясом, хозяйка налила нам в чайные чашки похлебку. Чай нам налили в те же чашки, предварительно протерев их насухо мхом, который здесь используют в качестве ветоши. Насытившись, мы прилегли на шкуры, а к столу на пластмассовые ящики из-под водки подсели женщины.

22.00. Настало время укладываться спать. Самые младшие, девятилетний Виктор и семилетний Алексей давно повалились на шкуры и уснули, не снимая малиц, и не дожидаясь, когда разберут постели. Мы с Владимиром вышли на улицу. Минут через десять нас позвали. Шкуры, аккуратно свернутые днем у стенок чума, были теперь расстелены. Мне показали мое место на левой стороне чума и выдали чижжи (меховые чулки мехом внутрь), которые ненцы обычно надевают на ночь. Вместо одеяла мне дали женскую ягушку, сшитую из оленьих шкур. Так как у ягушки мех и с наружной и с внутренней стороны я накрылся ею, не разбирая сторон. Это увидела Нонна и сказала, что накрываться надо внутренней стороной, а внешней накрываются только покойники. Слева от меня расположился Владимир с женой, а справа – младшие мальчишки. На другой стороне чума улеглись дочери и мать Владимира. Над нашими постелями опустили ситцевый полог от комаров, привязанный к шестам чума. Долго не мог уснуть на новом месте.

12 августа, пятница.

10.00. Проснулся от звуков. В костре потрескивали ветки тальника, хозяйка возилась с чайниками. Все встали. Я умылся на улице из рукомойника, привязанного проволокой к нарте. Напились чаю с хлебом и маслом. Ненцы не намазывают масла на хлеб, они подцепляют чайной ложкой маленький кусочек и отправляют его в рот. Сахар в чай не кладут, тоже едят ложкой. После чая небольшой перекур.

После завтрака хозяйка и ее дочери стали наводить порядок в чуме, а хозяин надел малицу, аккуратно подпоясал ее ремнем и вышел на улицу. Вместе с ним вышел и я. Младшие мальчишки уже давно бегали возле чумов.

Нерчу пригнал стадо, сегодня он был дежурным пастухом. Первый раз в жизни я увидел, как загоняют оленей в кораль. Он состоит из нарт, стоящих полукругом и упирающихся чуть наискосок носами в зад друг другу. Женщины держат в руках длинную веревку и по мере заполнения загона замыкают круг. Нина-хада пригласила меня поучаствовать, и дала мне веревку. Когда я, по примеру женщин, стал махать руками с веревкой и гортанно кричать гэрть-гэрть, не давая наиболее строптивым оленям вырваться из загона, это вызвало веселье у всех обитателей стойбища. Примерно через полчаса в кораль загнали большую часть быков, отделив их от важенок и телят. Самых резвых и не приученных еще к загону пастухи ловили арканами. Во время загона собак привязали к нартам, чтобы не мешались под ногами.

Зайдя в загон, Нерчу стал выбирать быков для запряжки в нарту. Он вывел по очереди трех быков из круга и запряг сыромятной упряжью. Когда он выводил очередного быка, женщины опускали веревку до земли, а затем быстро поднимали, чтобы не выбежали другие олени.

Владимир и Нерчу начали ловить больных оленей. Пойманного быка Нерчу держал за рога, наклоняя их к земле, а Владимир наседавая всем телом на круп животного подсекал ему ноги. Нерчу попросил меня поддержать оленя за рога, покрепче прижимая их к земле. Владимир завязал три здоровые ноги оленя веревкой, чтобы тот не брыкался. Больную ногу, с большим, вздувшимся гнойником у самого копыта он крепко зажал левой рукой, а правой сделал ножом надрез. Из ранки брызнул гной. Владимир стал выдавливать руками и вычищать ножом гной до тех пор, пока рана не очистилась и не появилась свежая кровь. Нерчу залил рану густым раствором марганцовки, затем заправил большой шприц бициллином и вколол его оленю в бедро. Владимир развязал оленю ноги и слегка ударил его ладонью по бедру. Олень вскочил на ноги, пытаясь бежать, но не смог и потихоньку захромал к остальным оленям. Нерчу сказал, если рана снова загноится, операцию надо будет проводить еще раз. Таким же образом были подлечены еще три оленя – две важенки и теленок.

Присев отдохнуть на нарту я стал наблюдать, как женщины выпускают быков из загона. Ко мне подошел Нерчу и коротко сказал, – Пошли. Я пошел за ним к его чуму. С левой стороны от входа лежал довольно упитанный олень со связанными ногами, на его

шее была завязана мертвой петлей веревка. Нерчу взялся за один ее конец, а другой предложил взять мне. Я накрутил веревку на руку и Нерчу скомандовал, – Тяни! Мы затянули петлю на шее оленя. В это время Нина-хада три раза прошла под веревками вокруг оленя, как полагается гостю, в честь которого забивается олень.

Олень умирает в течение 10-ти минут, широко раскрыв глаза и как бы умоляя пощадить его. Когда смотришь в его тускнеющие глаза, кажется, что видишь, как его душа покидает тело.

Нерчу повернул оленя на спину и острым ножом аккуратно разрезал его шкуру от паха до шеи. Потом он и Владимир стали, не спеша отделять ее от туши, сначала левую, а затем правую сторону. Шкуру сняли до головы и до копыт. Отрезали голову. Ноги отрезали у колен вместе с частью шкуры и отложили в сторону. Тушу переложили на большой кусок плотного целлофана. Нерчу вспорол ножом живот оленя и вынул оттуда мочевой пузырь и кишки с остатками непереваренной пищи. В желудок оленя, заполненный кровью, он нарезал маленькими кусочками почки, печень и куски мяса.

Бабушке Нине первой налили стопку водки, потом выпили Нерчу с Владимиром. Затем все, включая жену и детей Нерчу, приступили к трапезе. Нина Николаевна предложила и мне присоединиться. Без водки, – сказала она, первый раз сырое мясо не пойдет. Я выпил стопку и присел к туше. Нерчу выловил для меня кусочек печени. Я его съел и взял кусок сырого мяса, который прожевал и проглотил с трудом. Не скажу, что кровавая трапеза была мне очень приятна, но и особого отвращения я не почувствовал.

Остатки туши женщины завернули в целлофан и уложили на нарту, на которой было упаковано довольно много вещей. Желудок с остатками крови положили в эмалированный тазик и поставили на ту же нарту.

После сырого мяса, – сказал Нерчу, – надо обязательно пить горячий чай. Мы зашли в его чум, тоже покрытый брезентом. Слева от входа было сделано небольшое окошко, закрытое прозрачным органическим стеклом. Оно давало дополнительный свет, помимо того, который проникал сверху, из чумового отверстия. Меня усадили на гостевое место на левой стороне чума в центре. Жена Нерчу занялась чаем. Снова на столе сахар, масло и ягоды с сахаром. В качестве праздничного лакомства на стол было выставлено сгущенное молоко и положены кучкой карамельки. После

сырого мяса, горячий чай, заваренный по-ненецки, показался как никогда вкусным и ароматным.

14.30. Нерчу уехал на своей упряжке проверять оленей, а я и Нина Николаевна остались в его чуме. Младший сын Нерчу Тэтамбой, вчерашний разговорчивый лучник, все время показывает мне разные предметы и пытается поговорить со мной по-ненецки, а я понимаю лишь отдельные слова. Нина-хада выступает переводчицей. Она говорит, что племянник хвастается подарками, полученными от бабушки.

16.00. С карантинного стойбища приехали старший сын Нерчу Денис, Родион Яптунай, бригадир Молька Лапсуи и друг Дениса Руслан Салиндер. Они распрягли оленей, разошлись по своим чумам и стали приводить себя в порядок. Познакомился с ребятами. Они хорошо говорят по-русски, и охотно отвечают на вопросы. Денису 18 лет, осенью собирается в армию. Руслан младше него на два года. Они помогли бригадиру лечить оленей. Завтра опять собираются в карантинное стадо.

Ненцы, как я заметил, от природы застенчивы и не знают о чем говорить с приезжим человеком, а зачастую им трудно выразить свои мысли по-русски. Женщины, видимо, в силу обычаев, вообще молчат. Нормальную беседу удается вести только с Ниной Николаевной и с молодыми ребятами. С остальными чувствую себя немного не в своей тарелке из-за незнания ненецкого языка.

18.00. На вечернем загоне, когда ловили оленей для ночного дежурного пастуха, Денис дал мне аркан и показал, как надо правильно его сматывать. Первые попытки заарканить оленя оказались безуспешными.

После ужина Владимир Яптунай уехал на ночное дежурство.

13 августа, суббота.

9.00. После завтрака снова арканят оленей. Нина-хада дала мне веревку, и я опять вместе с женщинами замыкаю круг загона. Подошел Денис, сказал, что это женское дело, а мужчина должен ловить оленей. Теперь я понял причину вчерашнего смеха. Денис дал мне аркан, снова пытаюсь научиться простому, казалось бы, делу. Внимательно наблюдаю за Денисом. Он показывает, как надо правильно сматывать аркан.

Аркан сплетен из тонких полос оленьей шкуры, очищенной от меха. К нему привязан костяной замочек. Сначала делается петля

диаметром метра полтора. Замок зажимается в левой руке (заметил, что большинство мужчин этого стойбища бросают аркан именно левой рукой), на которую наматывается 7-8 ровных колец, одно чуть больше другого. Оставшуюся часть аркана сматывают в правую руку. При броске правильно смотанный аркан разворачивается в ровную петлю, которая попадает прямо на широкие рога оленя. У ненцев это получается очень лихо. Первый раз я сделал такую большую петлю, что ею можно было поймать двух оленей. В другой раз не выровнял аркан, кольца все изогнулись, и в полете аркан запутался... Ничего, думаю, что научусь.

Прокатился метров двадцать на упряжке Нерчу в качестве пассажира. Очень понравилось.

11.00. Забили двух оленей, у чума Ядне и у чума Яптуная. Шкуры этих оленей пойдут на пошив малиц. Как объяснила мне Нина-хада, наступило время забоя оленей на шкуры.

Снова пьем чай в чуме у Яптуная. Нина-хада говорит, что чай в тундре пьют несколько раз в день, а полноценную еду, такую как суп готовят только вечером, когда заканчиваются все дневные дела и поездки и вся семья собирается в чуме.

13.00. Записал родословную Мольки Лапсуя. Хотел прояснить линию гыданского шамана Варака Лапсуя, но не получилось. Сам Молька оказался стеснительнее любой женщины, за него все говорила жена. Однако она не смогла сказать, в каком родстве их семья находится с Вараком.

15.00. Начались сборы в карантинное стадо. Возле каждого чума стояла запряженная оленями нарта. Собрались ехать Нерчу, Денис, Руслан и Родион. Захотели сходить в гости и дочери Владимира Нонна и Елена и дочь Нерчу Ангелина. Владимир сказал, чтобы я шел пешком с девушками, а рюкзак с моими вещами привезут на чьей-нибудь нарте.

Вдали от родителей девушки оказались очень разговорчивыми. Сначала они донимали меня вопросами о Москве, просили рассказать какую-нибудь историю или пересказать фильм. Потом запели на три голоса какую-то заунывную эстрадную песню. Когда я спросил, что это за песня, они ответили, что ее поет Таня Буланова, они слышали ее в поселке по телевизору. Нонна спросила, видел ли я в Москве Буланову. Я сказал, что даже не знаю, кто это такая. Девушки мне не поверили. Сколько я ни объяснял, они никак не могли понять, что у меня совсем другие интересы.

Нас догнал на упряжке Денис. Девушки продолжили идти пешком, а мы с Денисом поехали. Сначала упряжкой правил он, затем дал и мне попробовать. С непривычки было трудно, но интересно. Никак не мог удержать в руках хорей, да еще нужно было вожжсей направлять передового оленя. Вроде стало получаться, но вдруг олени ни с того, ни с сего понесли. Пытаюсь их завернуть, но никак не могу перехватить вожжжу покороче, а они несутся дальше. Наконец, на одном из бугров олени остановились, нарта опрокинулась, и я из нее вылетел. Сзади, чуть не падая от смеха, приближался Денис. Он взял управление в свои руки, и мы поехали дальше.

Вдалеке показались олени и рядом с ними пастухи. Не доезжая до них метров сто, я снова взялся управлять упряжкой. Затормозив вожжсей передового оленя, я соскочил с нарты, подошел к пастухам и поздоровался по-ненецки, – Нгани торова. Они тоже поприветствовали меня по-ненецки и один из них, уже по-русски, сказал, что упряжных оленей после остановки надо привязывать к нарте, иначе они убегут и утащат нарту. Тут же он показал, как это делается.

17.00. *Наконец добрались до карантинного стойбища. Меня, нового человека, облаяли все собаки, но стоило их погладить или потрепать за ушком, как они прониклись ко мне доверием.*

Девушки познакомили меня с обитателями двух чумов. Здесь живут две семьи Салиндеров, но родственниками они не являются. Думаю, запись родословных все прояснит. Мы выпили чаю в каждом чуме.

Через некоторое время Нерчу привез Нину Николаевну. Радости обитателей обоих чумов не было предела. Все вышли ее встречать, глаза у всех светились счастьем. Бабушку Нину тоже напоили чаем в обоих чумах. Я сделал несколько снимков. Нинахада сфотографировала меня в окружении девушек. Солнце стало клониться к закату, и Нерчу стал собираться домой.

19.00. *После отъезда Нины Николаевны на стойбище стало немного грустно, все замкнулись и, не охотно выходили на разговоры с новым человеком. Я решил прогуляться по окрестностям. Возле одной из сопок обнаружил мертвую важенку, рядом с которой стоял теленок. Придя на стойбище, я рассказал об этом мужчинам, вернувшимся из стада. После ужина мы пошли на то место. Молодой парень, Владик Салиндер, по ушной метке определил,*

что это важенка Дениса Ядне и, судя по всему, лежит здесь давно, так что даже ее шкура ни на что не годится.

Познакомился поближе с молодыми ребятами Владиком и Иваном. Владик оказался очень разговорчивым, он говорил и задавал вопросы, почти не умолкая. Иван сидел рядом на нарте и говорил только тогда, когда я его о чем-то спрашивал. Оба они отслужили армию. Сейчас помогают родителям пасти оленей, но в штате совхоза не числятся. Я рассказал им о своей работе. Они отнеслись к моему рассказу с пониманием и интересом. Это очень порадовало.

Ночевать я остался в чуме Владика Салиндера. Мне выдали ночные чижги и ягушку и уложили на гостевом месте. Слева от меня расположился Владик с молодой женой, справа его отец и мать с младшей дочерью. На противоположной стороне спали сестра Владика, бабушка, дедушка, еще одна сестра и племянница.

14 августа, воскресенье.

8.00. *Утро началось как обычно. Однако после повседневной процедуры отлова и лечения оленей на стойбище началась необычная суэта и какие-то приготовления. Сначала хозяева обоих чумов распаковали священные нарты и вынули из старых дерматиновых чемоданчиков находившихся там, куклы-изображения умерших предков (нгытарма). Тряпочки, служившие поясками куклам, они привязали на концы хореев. Хореи воткнули в землю между полосьями и наклонно прислонили к нартам. К каждой нарте привязали священного оленя. На лбу у одного из них я заметил белое пятно. Затем были выловлены еще два молодых оленя (подросшие телята) темно-коричневой и белой масти. Их завалили рядом со священными нартами на землю, связали ноги и накинули каждому на шею по мертвой петле, которые завязали на одной веревке. Иван, стоявший между оленями, сорвал пучок мха и три раза обвел ими вокруг шеи сначала одного, потом другого оленя. После этого началось удушение. Оленей разделали, и я снова поел свежего теплого мяса. Попробовать оленью кровь я не решился.*

Бабушка Владика набрала в небольшую алюминиевую миску несколько кусочков мяса и печени, налила туда кружкой крови и отнесла ее в чум дедушке. Он болеет и почти не выходит из чума.

Снова пьем горячий чай. На столе тот же набор продуктов – масло, сахар, хлеб. Семья большая, поэтому все расселись за двумя

столиками, на той и другой стороне от костра. От стола к столу шиняряют два маленьких черных щенка – сенг (колокольчик) и сеек (сердечко), выпрашивая кусочки. Ни одной большой собаке подобное не позволено. Мать этих щенков, Алто, Владик называет лучшей собакой на стойбище, потому, что ни одна другая собака не умеет так быстро и хорошо работать с оленями.

Отец Владика уехал на дежурство, а мы отдыхаем в чуме. Владик возится с магнитолой, пытается активизировать подсевшие батарейки. Ему очень хочется послушать любимую (единственную на стойбище) кассету с записью группы “Сектор газа”. Я попросил его оставить бесплодные попытки и научить меня самым необходимым сейчас для общения ненецким словам и выражениям. Для этого я дал ему отдельную тетрадь, где он записал несколько ненецких выражений с русским переводом, такие как “я хочу есть”, “я хочу спать”, “ты откуда приехал”, “говори со мной по-русски” и др.

Языковой барьер угнетает меня. Сейчас Владик является практически единственным моим собеседником и переводчиком. Как только он отлучается куда-то по делам, все начинают говорить между собой по-ненецки и, я чувствую себя не в своей тарелке. Девушки и женщины стесняются или не хотят показать себя не скромными.

Записал родословную этой семьи Салиндер. В этом чуме проживают старик Мэйрю, его жена Масьне из рода Лапсуй, их сын Ыбля с женой Сянтной из рода Ядне и их дети Владик с женой Светланой Лапсуй, дочь бригадира Мольки, Евгения, которую все ласково называют Женяко, Катя, самая веселая из всей семьи, Татьяна и Райка, младшенькая, которая постоянно крутится возле матери. У Мэйрю есть еще сыновья и племянники, у которых свои семьи. Они кочуют в разных концах анטיפаютинской тундры, а некоторые живут в Анטיפаюте. Отец Мэйрю Нунку Салиндер перекочевал сюда из Пуровского района. Эти Салиндеры называют себя “беличьими”. Владик со слов деда Мэйрю рассказал мне о происхождении этого прозвища: “Жили в одном стойбище Салиндеры. И вот, однажды, решили они разделиться. Пришел с охоты мой прадед, убил пять белок. И начал он их считать, да вот никак не может, хоть и считает по руке. Четыре пальца гнёт, а пятый остаётся. И невдомёк ему, что пальцев пять и белок столько же. Вот с тех пор и стали называть наш род Беличьим.”

Владик стал подзадоривать деда. Он научил меня, как спросить у Мэйрю по-ненецки сколько ему лет. Я спросил, – Ирей! Сян пор? Мэйрю отвечает, что он 1908 года рождения. Тут в разговор вступает его жена Масьне и говорит, что это она 1908 года, а дед 1912. Дед с ней не соглашается и между ними завязывается полусерьезный полушутливый спор о том, кто из них старше, что вызывает у всех присутствующих умиление и добрый смех.

Мэйрю практически не говорит по-русски, хотя в молодости, по словам Владика, он работал в поселке, общался с приезжими и знал русский язык хорошо. Единственное, что осталось у деда в памяти это несколько русских частушек с матерными словами. Когда он их произнес, все, и я в том числе, покатались со смеху.

Владик рассказал мне, что дед был шаманом, правда не очень сильным, но теперь уже давно не шаманит. Я спросил Владика, не может ли старик показать шаманские принадлежности для того, чтобы я их сфотографировал. Владик перевел деду вопрос. Тот как-то сразу насупился, и что-то отрывисто сказал внуку по-ненецки. Владик не сразу нашелся, что мне ответить, перебрислся с дедом еще парой фраз, а потом сказал, что все шаманские вещи деда сейчас находятся в зимних нартах и до них не доехать.

Мы вышли с Владиком на улицу, и пошли в гости в соседний чум. Там молодая ненка Людмила Салиндер развела огонь и вскипятила воду для чая. Ее брат Иван и мы с Владиком расселись у столика и стали пить чай, макая в него баранки. За чаем, я продолжил расспрашивать Владика о старике Мэйрю. Он сказал, что дед неоднократно предлагал ему стать его учеником и перенять все навыки шаманской практики. Однако Владик отказывается, говоря, что не замечает в себе никаких шаманских способностей. То же самое отвечает на настойчивые просьбы Мэйрю и отец Владика.

На закате приехали пастухи, отец Владика вернулся с дежурства, а отец Ивана, Някуля Салиндер и бригадный зоотехник Николай Сусой приехали из основного стойбища бригады. На ночное дежурство отправился Иван.

15 августа, понедельник.

8.00. Встали, позавтракали. Началось обычное утро.

10.00. Ловим и лечим оленей. Старик Мэйрю вышел из чума и молча наблюдает за нами. Поймали олененка, которого уже нельзя вылечить от копытки. Владик взял топор и хотел убить его, но Мэй-

рю попросился сам это сделать. Одной рукой он взял олененка за левый рог, а правой коротким движением руки ударил его по затылку обухом топора. Затем Владик воткнул олененку свой нож в затылок, чтобы перерезать позвонки, повернул его на спину, а голову запрокинул мордой кверху, чтобы из затылка стекала кровь. Через некоторое время с теленка сняли шкуру, а тушу оттащили подальше от чумов.

11.00. После чая, в чуме других Салиндеров, записал родословную семьи Ивана. Рассказывал сам Иван, потому, что его отец отвечал на мои вопросы не охотно, постоянно спрашивая меня по-ненецки, – Нгамгэн тара? – Зачем нужно? Многих родственников Иван не знал, поэтому родословная получилась не очень большая. Мать, бабушка и сестра Ивана занимались своими делами по хозяйству и в разговоре практически не участвовали. Бабушка что-то шила из шкур, сидя возле входа у откинутого полога. Мать на улице выскребала скребком шкуру. Сестра возилась с посудой, заносила дрова в чум, разводила костер и кипятила чай.

13.00. Мужчины отдыхают, а женщины занимаются шитьем.

15.00. Жара и комары. Все мужчины стойбища собрались и пошли ловить убежавших больных оленей. Мы с зоотехником Николаем спустились с небольшой сопки, и я увидел олененка, а затем еще одного вместе с важенкой. Мы разошлись в разные стороны и начали их ловить. Одного поймали быстро, а другой оказался очень прытким и убежал за матерью. Содрали шкуру с убитого теленка, и пошли ловить беглеца, растянувшись цепочкой. Долго никого не могли найти. Обзору мешали густые кусты ольшаника. Някуля Салиндер сходил к чуму и принес оттуда малокалиберную винтовку. Наконец мы увидели олененка и стали его преследовать, но он убежал от нас все дальше и дальше. Някуля опустился на одно колено, прицелился и выстрелил. Попал. Олененок все равно бежал. Винтовку взял зоотехник и продолжил преследование. Первым выстрелом он ранил его в бедро. Теленок захромал, но не остановился. Скоро он выдохся, но, однако не давал к себе приблизиться, отскакивая в сторону. Вторая пуля попала ему прямо в лоб. Уставшие, но довольные собой мы вернулись в стойбище.

18.00. Привожу в порядок свои записи. Разговорились с Владиком о собаках. Здесь в тундре живут собаки только двух пород – самоедский шпиц и оленегонная лайка. У каждой собаки свой темперамент и способности к обучению. Самая хорошая собака – Алто (черная). Она быстро бегает и хорошо слушается команд. Есть ленивые или про-

сто глупые собаки. Например, пес Хутебяку (щенок), воспринимает загон оленей как игру. Если его во время не привязать, он разгонит всех с трудом собранных оленей. Другой пес, Пуру, совсем постарел и ослеп. Когда он был помоложе, хорошо собирал оленей. Зимой Владик собирается его убить. Я спросил, как это делается. Владик ответил, что по ненецким обычаям собаку убивать нельзя. Нужно будет веревкой завязать у нее на шее мертвую петлю и привязать к нарте. При перекочевке нужно разогнать упряжку так, чтобы собака не успевала за ней бежать. Приехав на новое место, как бы случайно обнаружится, что собака умерла.

20.00. Мясо и мясной бульон каждый вечер. На стойбище заканчивается хлеб. Владик говорит, что завтра будут печь лески (лепешки).

16 августа, вторник.

8.00. После завтрака мы с Владиком сидели в чуме и не спеша беседовали. Владик заметил, что очень долго нет оленей, видимо, пастуху трудно их собрать. Сейчас начался грибной период, и олени разбегаются в поисках грибов на довольно большие расстояния. Наконец в чум вошла жена Владика и громко сказала, – Ты тоо! – Олень пришел!

Мы вышли на улицу и увидели как к стойбищу, растянувшись цепочкой, бредут олени. За ними с лаем бегают собаки, не давая разбредаться.

10.00. Начался загон быков в кораль и отлов больных оленей. Ловили оленей долго, многих привязывали к нартам. Сначала я не понимал, зачем это делается. Владик объяснил мне, что сегодня будем каслать (перекочевывать на другое место), потому что оленям уже не хватает на этих местах корма.

12.00. Начались сборы. Все стойбище пришло в движение. Сразу же образовался страшный беспорядок. Из чумов стали выносить вещи и складывать на нарты. С половины чума, с подветренной стороны, сняли брезент. Напоследок мы напились чаю в другой половине чума, затем чум разобрали до конца. После того как все вещи были уложены на нарты и крепко привязаны веревками, на стойбище не осталось практически никакого мусора.

14.00. Владик взял винтовку и аркан, и мы отправились ловить больного теленка. Пройдя метров двести по тундре, мы увидели важенку, возле которой лежал теленок. Попытались подойти ближе.

Важенка рванулась в сторону. Теленок вскочил на ноги и заковылял за матерью. Владик вскинул винтовку и подстрелил его, а затем, привычными движениями снял шкуру. Важенка к тому времени убежала в сторону стойбища. Я обернулся в ту сторону и увидел, как караван из нарт плавно спускался с сопочки.

Владик указал направление, куда должен двигаться караван и я побежал фотографировать его передвижение. Два аргиша уже проехали. Мне удалось сфотографировать только аргиши семьи Владика. Каждый аргиш состоял из шести упряжек. В первые упряжки были впряжены по три оленя, в каждую последующую по два. Караван растянулся примерно на километр. Сзади двое пастухов на нартах гнали остальное стадо.

Я дождался Владика, и мы вместе двинулись к новому стойбищу. Когда пришли на место, чумы уже начали ставить. Мы принялись помогать женщинам. Чумы поставили гораздо быстрее, чем разбирали. Началась жизнь на новом месте. Женщины сходили на ближайшую речку за водой, разожгли костер и вскиятили чай. После чая мы с Владиком пошли по морошку. Ее здесь очень много.

22.00. *Женщины стали разбирать постели, а мы с Владиком вышли на улицу покурить. Владик зашел в чум первым, а я остался. Вскоре он позвал меня и сказал, чтобы я укладывался. Однако я увидел, что мое место уже занято. Из-под ягушки торчали чьи-то ноги в чижках. Семья решила меня разыграть, но я сразу догадался об этом. Я вынул чижки, надел на ноги и забрался под ягушку. Розыгрыш не удался.*

17 августа, среда.

Сегодня день моего рождения. Отметить его нечем, ну и бог с ним. Отметим ударным трудом.

Первая половина дня прошла в повседневных делах и заботах. Мужчины ловили оленей, женщины выделывали шкуры и занимались хозяйством. Утром доели последний хлеб, и жена Владика Света принялась за лепешки. Она замесила в эмалированном тазике тесто на воде и добавила туда соды. Таз она поставила на два горизонтальных шеста, висящих над костром, чтобы тесто подошло.

13.00. *Тесто готово. Света подбросила в костер ветки тальника, поставила на него небольшой железный круг на трех ногах, на который положила лист железа. Лепешки из теста она клала на*

раскаленный лист, переворачивая их время от времени и запекая до румяного цвета. Готовые лепешки складывала в тазик.

14.00. Владик сегодня на дневном дежурстве. Я разбираю свои записи.

14.30. Вся женская половина чума засобиралась в тундру по морошку. Я пошел вместе с ними. Из посуды для меня нашелся только чайник. Женщины ушли далеко вперед и вскоре скрылись за сопкой.

Не спеша, собирая ягоду за ягодкой, я дошел до небольшого озера. Над ним кружились две чайки. Здесь оказалось очень много спелой морошки. Я стал потихоньку обходить озеро вокруг и скоро мой чайник заполнился до половины. Весь занятый собиранием ягод и погруженный в свои мысли я не обращал внимания на чаек, круживших над озером и издававших время от времени звонкие крики. Возможно, где-то поблизости у них было гнездо, и они хотели меня от него отогнать. Нагнувшись за очередной ягодой, я вдруг услышал у себя за спиной громкий окрик, похожий на человеческий. Я вздрогнул и резко обернулся. Вверх со звонким криком, похожим на человеческое «ха-ха-ха», взмыла чайка. Я погрозил ей кулаком и устроил перекур.

После отдыха я продолжил собирать ягоды. Постепенно я обошел все озеро кругом и набрал полный чайник морошки с горкой. Вернулся в стойбище очень довольный. Возле чума присел отдохнуть на нарту, угостил ягодой Николая Сусоя. Женщины вернулись только через час. Оказалось, что я собрал ягод больше, чем каждая из них в отдельности.

После ужина трое мужчин на двух оленьих упряжках – Някуля, Иван и зоотехник Николай отправились на берег Тазовской губы на рыбалку. Они взяли с собой сеть, непромокаемые костюмы, чайник и небольшой котелок. С ними поехала сестра Владика Катя, чтобы готовить им пищу.

18 августа, четверг.

Обычный день. Все заняты своими делами. Больше всего меня поражают женщины, которые ни минуты не сидят без дела. Они встают раньше мужчин, готовят пищу, выделывают шкуры, шьют одежду, носят воду, дрова, ходят за ягодами. При перекочевке они разбирают и собирают чум. Помогают мужчинам при загоне оленей. Мужчины же между дежурствами могут подремать часок другой в чуме, не спеша прогуляться за ягодами или строить нарту, а могут и не строить...

15.00. Наблюдал за Иваном, как он строит нарту. Никакими особыми инструментами он при этом не пользуется. У него только остро заточенный топор и ножи разной формы. Ножи, как сказал Иван, делают обычно из пружин капкана или из старых напильников. Ручки и ножны для ножей делаются из оленьего рога. Все ножи подвешиваются на специальном кожаном ремне. Топор служит для грубой обработки заготовок, а ножи для доводки. Отверстия в дереве высверливают лучковым сверлом. Я обратил внимание на загнутые носы полозьев. Они были обожжены. Иван сказал, что концы полозьев сначала размачивают в воде, а потом начинают загибать, нагревая на костре. Нарты строят обычно из лиственницы. Дерево добывают на берегу губы, собирая плавной лес, или на зимних пастбищах на Тазовском полуострове, где лиственница растет вдоль речек.

19.00. Вернулись рыбаки. Улов небольшой, по полмешка на чум. Впервые отведал свежей рыбы.

19 августа, пятница.

8.00. После завтрака я пошел вместе со всеми арканить оленей. Понемногу получается. Бросил аркан, как меня учили. Однако петля оказалась слишком большой, она накрыла оленя целиком. Он перескочил через нее, но я дернул аркан на себя и поймал оленя за ногу. Олень оказался сильным, он рванулся, пытаясь убежать, и я перекувырнулся один раз через голову. Встав на ноги, и уперевшись ногами в землю, я стал постепенно перехватывать аркан руками, приближаясь к оленю. Мне закричали, что это не тот олень, который нужен. К нему подошла Антонина и сняла с ноги петлю.

13.00. Когда собрались в очередной раз пить чай, увидели, что к стойбищу приближаются две упряжки. Это оказался Нерчу, с сыном Денисом и Русланом Салиндером, братом Ивана. За чаем Нерчу рассказал, что они откочевали уже далеко и сейчас их трудно найти. Со мной Нерчу говорил какими-то намеками. Он все спрашивал, не хочу ли я вернуться к ним на стойбище. Я отвечал, что пока не могу, так как мы на днях собираемся на губу порыбачить.

Нерчу вскоре уехал, а Денис с Русланом остались. Денис все ходил вокруг чума Ивана и разговаривал с его сестрой Людмилой. Молодые люди явно симпатизируют друг другу.

15.00. Я усадил Владика на шкуры рядом с собой, и мы стали записывать ненецкие названия животных, птиц, явлений природы. Набралось около 50 слов.

17.00. Пастух пригнал стадо. Отловили дежурных оленей.

18.00. Вечер был ясный. Я, Владик и Руслан отправились по морошку. Зашли очень далеко, но ягод почти не набрали. Вернулись, когда уже сварился суп, и тут же стали предметом обсуждения всего стойбища, мол, что это за добытки.

20 августа, суббота.

10.00. Первый раз встали так поздно. Утро выдалось жарким и безветренным. Дежурному пастуху Някуле не пришлось особо трудиться, собирая оленей. Они пришли сами и сбились в кучу возле чумов. Их собрал овод. Почти все обитатели стойбища стали убивать овода. Мужчины расстелили вокруг стада оленьи шкуры белого или светло-серого цвета. Каждого овода, садившегося на шкуру, они убивали палкой. Кроме того, они еще откручивали каждому голову, чтобы наверняка не ожил. В это время женщины и дети ходили между оленями и убивали оводов прямо на них. Ненцы говорят, что из-за овода олени очень сильно нервничают, не могут есть и, не набирают вес.

13.00. Поднялся ветер, солнце ушло за тучи, и олени немного успокоились. Някуля отогнал их на пастбище.

15.00. Напившись чаю, мы с Владиком и Русланом стали готовиться к пешему походу на губу. Взяли сеть, непромокаемый костюм, маленький чайник, спички, соль, немного хлеба. Малицы свернули и положили в рюкзаки. На всякий случай Владик захватил свой дробовик.

По пути мы собирали морошку и голубику. Ребята всю дорогу спрашивали меня о моей работе, об экспедициях. Я рассказывал им о Чукотке, где я был два года назад, а сам спрашивал их о жизни в тундре. Они, избалованные интернатским воспитанием, жаловались на трудности, но перспектив другой жизни не видели.

17.30. Пройдя по холмам и низинам примерно 10 километров, добрались, наконец, до места. Песчаный берег Тазовской губы густо усеян ягодами водяники. Она растет прямо через песок. Справа, вдали виднеется мыс Трехбугорный, а слева можно разглядеть очертания другого мыса, который Владик называет Чугорь. Там, где-то рядом устье Чугорь-яхи.

На берегу валяются бревна и доски, принесенные водами губы откуда-то издалека. Мы собрали дрова, разожгли костер и первым делом напились чаю. Владик достал из рюкзака сеть и непромокае-

мый костюм. Они с Русланом пошли ставить сеть, а я прошелся вдоль берега, чтобы собрать еще дров.

Я увидел, как Владик зашел в воду почти по грудь и воткнул в дно губы вешку, с привязанной к ней сетью. Другую вешку воткнул ближе к берегу Руслан.

Я развел пожарче костер, и рыбаки стали отогреваться после холодной воды. Немного согревшись, Владик отобрал из принесенных мной палок, те которые были подлиннее, и соорудил из них уменьшенное подобие каркаса чума. Из рюкзака он достал кусок брезента и накрыл им остов. Получился небольшой чумик, в котором мог бы укрыться от дождя один человек лежа или двое сидя.

20.00. Проверили сеть. Улов небогатый, несколько щёкуров и пыжьянов. Из посуды у нас только чайник, миска и три алюминиевые кружки. Сначала в чайнике сварили уху, потом вскипятили чай. После ужина разожгли большой костер и улеглись вокруг него в своих малицах прямо на песке.

21 августа, воскресенье.

8.00. Я проснулся от сырости. Над губой рассеивался туман. Костер потух. Владик и Руслан были уже на губе. Владик, стоя по грудь в воде, вынимал рыбу из сети и передавал ее Руслану. Тот выбрасывал ее подальше на берег. Я стал складывать рыбу в мешок. Набралось около половины мешка. Там было пять больших муксунов, три поменьше и десяток щёкуров и пыжьянов. Сидя у костра, Владик распластал ножом двух муксунов, и мы съели их сырыми, макая в соль. Напились чаю и прилегли немного отдохнуть.

Погода на губе отличается от погоды в тундре. Здесь постоянно дует ветер, без малицы ходить невозможно.

13.00. Проверили сеть. Набралось еще полмешка рыбы. Снова наварили ухи. Владик говорит, что без резиновой лодки сеть нельзя поставить дальше, а жаль. Там на глубине можно поймать и нельму и осетра.

15.00. Пошли все вместе прогуляться вдоль губы. Чего только не выносит вода на берег. Тут и цельные бревна, и доски, и какие-то обломки, и спасательный круг с полустертой надписью, и всякое другое. Углубились в тундру, поели ягод. Опять спустились к губе, собрали дрова.

16.00. Мы захватили с собой мыло. Решили искупаться. Выбрали небольшой затон, в который во время шторма набралась вода, разде-

лись, нырнули и тут же выскочили. Вода в затоне была стоячей, но ее температура мало отличалась от температуры воды в губе. Кое-как помывшись, мы развели костер и вскипятили чай.

Владик рассказал, что в 1970-е гг. в районе мыса Трехбугорного произвели ядерный взрыв малой мощности, и там до сих пор местность заражена. Олени, пасущиеся вблизи мыса, погибают от лейкозов. Пастухи не раз сигнализировали начальству, но никаких мер не предпринималось. Говорят, что брали образцы мяса погибших оленей и посылали на экспертизу в Тюмень, но ответа тоже не дождались.

20.00. Проверили сеть. Еще полмешка рыбы. Поели немного сырой рыбы и сварили уху. После этого снова развели большой костер и уснули.

22 августа, понедельник.

На рассвете, около 5 утра я проснулся, чтобы подбросить дров в костер. Сразу уснуть не смог, сел и закурил. Солнце вставало сквозь густой туман. Вдруг из тумана, как в сказке, вынырнули олени и за ними нарта. Это оказался Николай Сусой. Через минуту из тумана выехала упряжка Някули Салиндера. Я разбудил Владика и Руслана. Мы накормили гостей рыбой и напоили чаем. Владик проверил сеть. Снова набралось полмешка рыбы. Гости забрали у нас два полных мешка рыбы и уехали на стойбище. Мы остались, но решили долго не задерживаться и к вечеру вернуться домой. А пока, снова улеглись спать.

10.00. Проснулись от мелкого крапающего дождя. Он вскоре прошел, но небо все равно затянуто тучами. Погода портится. Напились чаю и проверили сеть. Рыбы мало, на губе волнение. К тому же прилетели чайки-халеи и утащили из сетки несколько рыбешек. Владик расчехлил дробовик и подстрелил одного халея. Его тушку он повесил на длинную палку, которую воткнул возле сетки. Большие чайки близко к сети не подлетали.

15.00. Сняли сеть. Вместе с утренним уловом набралась половина мешка. После чая мы тронулись в обратный путь. Мешок привязали к палке и несли его, ухватившись за концы, периодически сменяя друг друга. Уставшие, два дня без полноценной пищи, шли медленно, часто отдыхали, собирали ягоды.

18.30. На стойбище нас уже заждались и были рады нашему возвращению. Нас напоили чаем. Жена Владика и его сестры принялись чистить рыбу, а его мать подвесила над огнем котел с водой.

20.00. Пока в котле доваривалась рыба, женщины распластали несколько рыбин и нарезали их кусками. Каждый взял себе по куску и ел также как и мясо, зажав зубами и отрезая маленькие кусочки ножом возле самого носа. Ненцы в тундре едят сырое мясо и рыбу, макая их в соль, кетчуп, майонез, а чаще в горчицу. Горчицу они делают сами из покупного горчичного порошка. Разводят они его в такой пропорции, что у человека не привыкшего к такой горчице даже небольшое количество резко вышибает слезы из глаз.

Рыба сварилась, и мать Владика выложила ее из котла на специальную дощечку. Бульон она разлила каждому в чайную чашку.

22.00. Женщины разобрали постели, обитатели чума уgomонились и легли спать. От усталости заснул очень быстро.

23 августа, вторник.

8.00. С самого утра разговоры о каслани. Дольше здесь стоять нельзя. Олени разбегаются далеко в поисках корма.

10.00. После отлова оленей начались сборы. Женщины вынесли вещи из чума, собрали его и уложили на нарты. Каждая нарта в ненецком хозяйстве имеет свое назначение. Есть нарта для продуктов, для вещей, для шестов чума, женская нарта. Священная нарта на стойбище всегда стоит в отдалении от других и в аргише ставится последней.

13.00. Перекочевали восточнее километров на 10. Снова поставили чумы. После чая прошелся по окрестностям. Вдалеке на бурозеленом фоне тундры виднелось какое-то темно-зеленое пятно. Подойдя ближе, я разглядел, что это заросли какого-то высокого кустарника. Посреди тундры он казался лесом.

17.00. На вечернем загоне снова пытаюсь арканить оленей. Получается все лучше и лучше. Заметил, что олень животное очень хитрое. Он не любит, когда его запрягают в нарту, поэтому делает все, чтобы увернуться от аркана. Когда ты бросаешь аркан он, то резко остановится, то внезапно рванется с места, и аркан пролетает мимо. Когда же он устает, он прячется – забегает в самую гуцу стада и опускает голову.

24 августа, среда.

8.00. Проснулся от звука вертолета. Подумал, уж не сюда ли он летит. Однако звук стал постепенно удаляться и, вскоре, совсем исчез.

Основная работа сделана, и пора бы выбираться в поселок. Владик сказал, что сегодня будем выходить по рации на связь с совхозом, узнаем, когда будет вертолет.

10.00. Арканим оленей. Копытка пошла на убыль. Поймали всего одного хромого оленя.

12.00. Долго уговаривал Николая Сусоя рассказать свою родословную. Наконец он согласился. Мы напились чаю в чуме у Ивана Салиндера и, я записал все, что нужно. Когда я спросил Николая, в каком родстве он находится с Някучи Сусоем, живущем в Антипаюте, он сказал, что в очень дальнем и поведал мне легенду о том, как род Сусой разделился. В ней говорилось следующее: “Жил один Сусой. У него было две жены. Первая – одевала своих детей в красивую пёструю одежду, как у куликов в брачный период. Дети же от второй жены ходили в простой серой одежде, похожие на гусей. От этих детей пошли две ветви Сусоев: Чули – “Кулики” и Япто – “Гуси”.” – Я Япто, а Някучи Чули, – закончил свой рассказ Николай.

16.00. Николай достал из ящика старенькую радиостанцию “Гроза”, а Владик и Иван установили антенну. Николай закрутил ручку динамо машины, и в передатчике что-то зашипело, зашуршало, послышалась морзянка. Стали слышны голоса из других бригад. Все спрашивали совхозного радиста, когда прилетит борт. Дошла очередь и до нашей бригады. Радист ответил то же, что и другим, что борт летает, но когда долетит до них не известно. Коля сказал, что в бригаде находится этнограф, которому необходимо выбраться в поселок. Радист сказал, что доложит об этом начальству.

Сеанс связи закончился, и появилось ощущение, что оборвалась связь с внешним миром, причем навсегда. Судя по лицам обитателей стойбища, такое ощущение было не у меня одного.

18.00. Взял свои тетради и ушел в тундру, за ближайшую сопку, чтобы спокойно привести в порядок свои записи.

25. августа, четверг.

12.00. Когда закончили ловить оленей и сели пить чай, услышали звук вертолета. Все повыскакивали из чумов и стали всматриваться в горизонт. Но вертолет снова пролетел мимо.

Все, не спеша, занимаются привычными делами. Отец Владика за чумом строит нарту. Мать шьет мужу кисы. Бабушка сушит нитки из спинных сухожилий. Сестра Женяко плетет себе пояс из цветных ниток. Другие сестры пошли в тундру за дровами. Владик пытается починить приемник.

16.00. Выходим на связь, но ничего не выходит. Николай полчаса крутил ручку, но в эфире кроме шума и далеких звуков морзянки ничего не слышно. Связи нет.

18.00. На вечернем загоне ловим только телят. Их шкуры пойдут на пошив маличных подолов. Телята маленькие и очень верткие и поймать их не легче, чем взрослого оленя.

Владик сегодня дежурит ночью. Поодаль от чумов он воткнул палку и привязал к ней на длинных веревках своих дежурных оленей, чтобы те могли спокойно кормиться до начала дежурства.

26 августа, пятница.

С утра настроение немного нервное. Прислушиваюсь к звукам и всматриваюсь в горизонт. Боюсь отходить далеко от стойбища. Вдруг прилетит вертолет.

Надо каслать на другое место. Моховый покров внутри оленьего загона превращается в болото. Олени разбегаются в поисках грибов. Однако все на стойбище ждут вертолета, и приходится с этим мириться.

16.00. Связались с совхозом. Радист сказал, что борт летает севернее, собирает детей, к нам не залетит. Может быть, он будет у нас в понедельник.

18.00. После отлова оленей Владик с отцом забили годовалого теленка недалеко от чума. Бабушка как всегда набрала в миску крови и лакомых кусочков для деда и отнесла в чум. Поели свежего мяса. Впервые выпил полкружки теплой оленьей крови. За нашими спинами терпеливо сидели собаки, они знали, что им перепадут косточки и жилки.

20.00. В котле сварилось мясо. Хозяйка выложила его на стол, а в бульон всыпала вермишель и положила магазинную борцевую заправку из банки. Суп получился вполне съедобным.

Суповой котел такой большой, что его содержимого хватает не только на всех членов семьи, но и на всех собак. Собаки у ненцев дисциплинированные, из-за еды не дерутся, каждая знает, что ее не обделят. Кормит собак бабушка Владика. Черпаком она нали- вает в миску остатки супа. Сначала подходит одна собака, съеда- ет свою порцию и отходит в сторону. За ней подходит другая и ест из той же миски. За ней – следующая и т.д.

27 августа, суббота.

Сегодня выходной и связи с совхозом не будет. Сижу в чуме, разбираю записи, делаю уточнения. Владик, Иван и Руслан за чу- мом с азартом играют в карты.

Сестры Владика собрались идти по морошку. Я пошел с ними. Проходили два с лишним часа, но ягод собрали мало.

17.00. *Снова дежурный пастух пригнал стадо пораньше. Пастухи поймали двух трехгодовалых быков. Каждого повалили на землю и связали крепко ноги. Отец Владика взял одного из них за рога и прижал его голову к земле. Някуля Салиндер сел оленю на круп. Зоотехник Коля взял в руки палку и со всей силы ударил оленя по яичкам. Так здесь производят кастрацию. Някуля пощупал ру- ками мошонку оленя, чтобы убедиться перебиты ли семенные ка- натики. Убедившись, что не до конца, он наклонился и аккуратно перекусил их зубами.*

Возле следующего оленя столпились все мужчины стойбища. Рядом замер в ожидании чего-то глупый пес Хутебяку. Николай с силой нанес удар. От резкого, неожиданного звука пес взвизгнул и отскочил в сторону, как будто это ударили его, а не оленя.

Первому кастрированному оленю развязали три ноги, а на четвертой завязали мертвой петлей аркан. Николай ударил оленя по крупу. Тот вскочил и хотел убежать, но Някуля крепко держал аркан. Он зычно закричал на оленя и дернул его за ногу. Олень сно- ва пытался бежать, но Някуля снова закричал и дернул за ногу. При этом Някуля старался направить оленя в загон для быков. Олень озирался испуганным взглядом, но продвигался в нужном на- правлении. Также поступили и с другим кастратом. Владик ска- зал, что так приучают молодых ездовых быков к загону, чтобы они сами в него заходили.

28 августа, воскресенье.

10.00. Загнали быков в кораль. Вчерашние кастраты еще не привыкли к новому порядку. Их отловили и повторили вчерашнюю процедуру. Владик сказал, что еще пару дней их будут мучить, потом они приучатся к коралю.

12.00. Все на стойбище полны тревожного ожидания. Все ждут вертолет. Школьники должны лететь в интернат, хотя им этого ужасно не хочется, да и деда Мэйрю надо везти в больницу с его больной губой. Из-за этого ожидания стойбище не может перекочевать на другое место, хотя давно пора. Пастухи боятся, что летчики не найдут чумы.

Женщины хлопочут по хозяйству, а мужчины играют в карты. Так прошел день до вечера.

18.00. Поймали и забили двух телят. Снова учили кастратов заходить в загон.

После чая отдыхаем в чуме. Райка, младшая сестра Владика сидит на коленях у матери и о чем-то вполголоса разговаривает с ней по-ненецки. Владик услышал их разговор и засмеялся. Я спросил его, о чем они говорили. Оказалось, что Райка давно хотела спросить маму про меня, кто я и откуда. Мама ответила ей, что я тоже ее сын, тоже Салиндер, что меня маленького увезли в город, а сейчас я вернулся. Если бы Владик не засмеялся, Райка бы этому поверила.

29 августа, понедельник.

После завтрака и обычной процедуры отлова оленей я пошел прогуляться по тундре. Вдруг показалось, что слышу звук вертолета, но звук пропал также внезапно, как и появился. Я присел на склон сопки и закурил. Вертолет появился неожиданно. Увидев его, я помчался на стойбище, собирать вещи. Старик Мэйрю засуетился, забегал и тоже стал собираться. Я снял малицу, попрощался со всеми и пошел к вертолету.

В вертолете было полно детей. Их сопровождала учительница Людмила Дмитриевна. Я протиснулся в середину салона и устроился на своем рюкзаке. С нами полетели Мэйрю и Руслан. Вертолет приземлился в основном стойбище нашей бригады. К нам подсади Нина Николаевна, ее любимый племянник Тэтамбой с сестрой Надеждой, дети Владимира Яптуная – дочь Александра и мальчишки Виктор и Алексей.

Через два часа мы были в Антипаюте. Нина Николаевна сразу подошла ко мне и спросила, почему я застрял в карантинном стойбище у Салиндеров. Я коротко рассказал, чем мы там занимались. Она в свою очередь рассказала, что они с Нерчу и Владимиром Яптунаем ездили на священное место рода Ядне, провели там священные обряды. Я сказал, что Нерчу приезжал за мной, видимо, хотел показать мне священное место. Однако он ничего не объяснил и не был достаточно настойчив. Нина Николаевна сказала, что ненцы никогда ни о чем не просят напрямую. Мы попросились и договорились встретиться еще, пока мы в поселке, чтобы поговорить поподробнее.

Я подхватил свой рюкзак и направился в гостиницу. Меня встретили Анатолий Андреевич и Юлька. Женьку они отправили неделю назад на теплоходе в Салехард. Она учитель и к первому сентября должна быть в школе.

В мое отсутствие мои сотрудники обошли почти весь поселок и собрали весь доступный материал. При беглом его просмотре я увидел, что многие родословные собранные ими очень короткие. Мои не в пример длиннее. Это можно объяснить только тем, что в тундре лучше сохраняются обычаи и традиции, не прерывается связь поколений. В поселке же живут в основном молодые семьи, оторвавшиеся от своих корней.

За ужином мы слегка отметили мое возвращение и до ночи обменивались впечатлениями и делились своими мыслями по поводу дальнейшей работы.

30 августа. вторник.

С утра сели за сведение материала и отбор продублированных родословных. Таких было не много, но, все же, были. Материал не настолько полный, как хотелось бы. Мои выводы еще раз подтвердились. У ненцев, в отличие от нганасан и чукчей материал по родословным нужно собирать в тундре. Там живет основная масса людей, хорошо сохраняющих память о своих предках. В поселках можно только уточнять, собранную в тундре информацию.

И, все же поработали мы не плохо. Решил следующим теплоходом отправить Юльку с Анатолием Андреевичем в Салехард. Сам задержусь еще немного. Может быть, удастся записать еще несколько родословных...

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Глава I. От адаптации к адаптации.....	6
Глава II. Оленеводство – образ жизни.....	16
Глава III. Оленеводы Ямала.....	37
Глава IV. В низовьях Надыма и Ныды.....	52
Глава V. Лесные ненцы.....	64
Глава VI. На Гыданском полуострове.....	73
Глава VII. На Таймыре.....	96
Глава VIII. Экономические проблемы и экология.....	113
Послесловие.....	128
Список источников и литературы.....	130
Приложение: <i>Экспедиция в анטיפаютинскую тундру</i>	137

Научное издание

Ю.Н. Квашнин

Ненецкое оленеводство в XX-начале XXI века

Подписано в печать 17.12.2009. Формат 60x84 1/16. Объем 16,5 п.л.
Тираж 850 экз. Цена договорная.

Отпечатано ООО «РИФ «Колесо». Заказ № 4908.
г. Тюмень, ул. Мельникайте, 123 А, стр. 3.
Тел./факс: (3452) 41-99-30, 41-99-82

ДЛЯ ЗАМЕТОК